

Тайны Острова Санта Круз

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Светлана Ларионова

Светлана Ларионова

Тайны Острова Санта Круз

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67359693

SelfPub; 2022

Аннотация

У Дины, сорокалетней женщины, проживающей с сыновьями в США, есть мечта. Она хочет пересечь Тихий океан на миниатюрной яхте. Мечта начинает приобретать вполне осязаемые очертания. Лодка построена, и даже маршрут проложен на океанских картах. Дело за немногим – экипировать лодку всем необходимым, и – в путь! Самый простой способ быстро заработать деньги на дорогостоящие оборудование – это устроиться медсестрой в больницу тюрьмы Сан- Квентин, – мужскую тюрьму строгого режима. Вот тут героиня и встречает заключенного Терехова, который знает о ней всё! Кому же понадобилась эта провинциальная и наивная Дина Вершинина, и какие тайны хранит её прошлое? Пытаясь найти ответы на эти вопросы, героиня пытается ускользнуть под парусом своего миниатюрного «Флибустьера», но не тут-то было! Преследования и нападения, разбитое сердце и крепкая дружба, – это и многое другое предстоит пережить Дине на своем пути к островам Чаннел вдоль калифорнийского побережья Тихого океана.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Светлана Ларионова

Тайны Острова Санта Круз

Дорогой читатель!

Выражение «наплести с три короба» имеет морское основание. В былые времена, когда на парусных кораблях не было синтетических веревок, весь такелаж плёлся прямо на судне. Обычно матросы собирались на баке и, плетя, рассказывали друг другу разные забавные и поучительные истории. В течение многих месяцев плавания и по мере заполнения коробов «плётками» для будущих такелажных тросов истории становились всё невероятнее. Так и появилось это выражение. Проще говоря, о чем вижу, о том и сочиняю небылицы.

Вот и я, во время ночных вахт на яхте «Сан Суси», стала записывать быль и небыль. Со временем истории сплетались в одно целое, и появилась небольшая новелла.

30 декабря 2013

Кабо Сан Лукас, Мексика

Внимание! Все права на эту книгу защищены законом об авторском праве. Образ главной героини является вымышленным. Дина – главный герой серии рассказов и этой новеллы. Её политические, философские, социальные взгляды

не отражают взгляды автора. Все остальные персонажи также вымышлены. Все совпадения с названиями городов, персонажей, государственных учреждений и военных баз являются случайными. Фото автора. Копирование и репродукция всей книги или любой её части без согласия автора запрещена. Возраст 18+

Светлана Ларионова

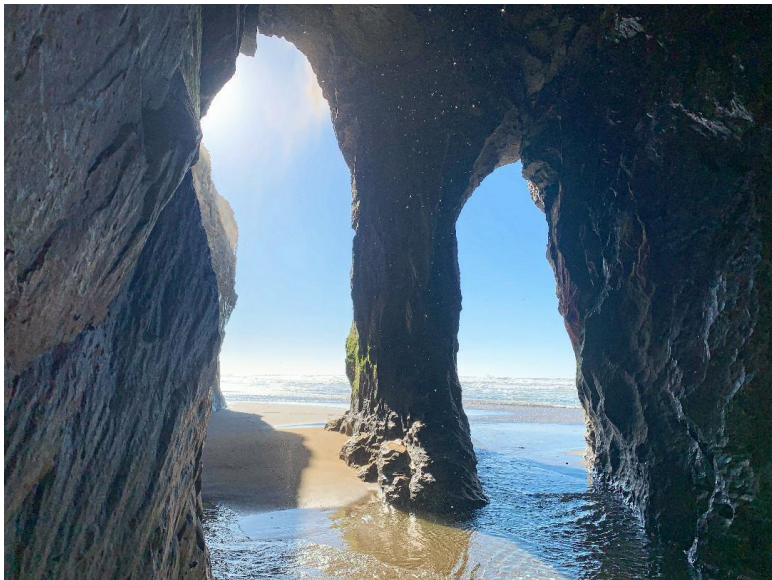
Авантюрно-приключенческая новелла в двух частях

Юка

Пойнт-Арин

САНТА

Часть Первая

Пролог

«Флибустьер» раскачивался из стороны в сторону, набирая ускорение с каждым плеском волны, и я с нарастающей

тревогой подумала, что еще немного – и мы перевернемся. Сядем килем вверх на потеху всей публике, и нас понесет по течению, как Ёжика в тумане.

– Мама! – не выдержал Сережка. – Все в порядке?

– Да! – я помахала ему рукой и на всякий случай широко улыбнулась кучке любопытных на причале. Никогда не поздно попытаться завоевать общественную симпатию, особенно если впереди маячит перспектива громко звать о помощи, беспомощно барахтаясь в воде. Альма подошла к воде и тонко взвыла, выражая свое глубокое недоверие ко всяким лодкам, а тем более уж самодельным.

Стоять в полный рост в лодке было невозможно: «Флибустьеру» явно не хватало балласта. «В следующий раз загружу его трюмы консервами», – пообещала я себе. Встав на четвереньки, я быстро поползла к мачте и освободила от найтовых привязанный к буму реек и парус. Огромный люгер тут же подхватил ветер, отшвырнув бум и реек в сторону. Лодка опасно накренилась. В панике я по-пластунски вползла в кокпит и, направив нос лодки против ветра, принялась вытягивать фал. Реек с парусом пополз наверх. Закрепив конец фала на утке, я подобрала шкоты и вильнула в сторону румпелем. Ветер тут же наполнил широкий парус! «Флибустьер» сильно лег на борт, мотнул носом и вдруг понесся вместе с ветром, выбрасывая фонтанчики пенной воды из-под форштевня.

У меня часто забились сердце. Я обернулась. Сережка

стремительно уменьшался в размере, и я прокричала: «Скоро вернусь!» Впрочем, в этом я была совсем не уверена. Течение здесь было сильным, и идти обратно против него будет проблематично. Мотора у меня не было. Ничего, – подумала я, в конце концов, течение меняется каждый шесть часов. Если что, подожду в какой-нибудь бухте.

Напряжение стало потихоньку меня отпускать. Я пошевелила румпелем и еще больше подобрала шкоты. «Флибустьер», как игривая лошадка, прыгал с волны на волну и отлично слушался руля. Теплый ветер трепал мои волосы; огромный парус, на старинный манер растянутый между рейком и бумом, сверкал на солнце девственной белизной. У меня получилось! – вдруг поняла я. Целых два года я представляя себе этот момент: моя мини-яхточка, накренившаяся на один борт, летит под парусом навстречу моей мечте... Эмоции с новой силой захлестнули меня. Нос «Флибустьера» с шипением разрезал волну, и ветер уносил прочь мои восторженные крики. Уже не сдерживаясь, я во все горло затынула: «Самое синие в ми-ире, Чё-ёрно-ое море моё!». Не беда, что Черное море – ровно под нами, в другом полушарии! Когда-нибудь я соединю моря и океаны в одну линию и прибуду домой на своём крылатом скакуне. Ведь два года проектирования и постройки остались позади. «Флибустьер» наконец-то был спущен на воду и уже сейчас превосходил мои самые смелые ожидания. У меня есть своя лодка! Да ни какая-нибудь, а настоящая, пусть и маленькая, но оке-

анская яхточка с каютой, трюмом и кокпитом!

...Час спустя, полностью освоившись с капризным нравом моего скакуна, я лихо подошла к причалу и галантно пригласила Сережку и Альму на водную прогулку. В нашей семье началась «эпоха «Флибустьера»».

Глава первая. Мишка

– А вода-то теплее, чем воздух! – сказала я и посмотрела на Мишку.– А что, слабо нам сегодня походить на байдарке? Воды зачерпнем немного, не велика беда! Чай, не сахарные, не растаем...

Мишка выразительно посмотрел на меня, словно хотел сказать: «Ты что?! Так она же хоть и теплая, но мокрая!

А потом что, мерзнуть на ветру?!» Идея взять байдарку и пройтись вдоль берега ему решительно не нравилась. Глаза у него красивые: янтарные с зеленым отливом, а поступь мягкая, почти кошачья, и грудь колесом. Красавец, да и только, невольно залюбуешься. Мишка, на мой взгляд, – самый очаровательный пес на свете. Ему всего лишь четыре месяца, но он плавает, как чемпион, и бесстрашно запрыгивает в мою надувную байдарку для осмотра местных достопримечательностей.

Он прибился к «Флибустьеру» месяц назад, совсем крошечный пушистый комочек с мягкими треугольничками ушек. Он был кругленький и пестренький, серо-белый с рыжими подпаленами, громко пищал и походил на медвежонок. Только хвост у его висел поленом, как у волка.

– Чего мяучишь? – спрашивала я, поглаживая его крупную голову – Есть небось хочешь?

Подхватила его под голое брюшко. Он сразу же заурчал с громкостью пылесоса и стал тыкаться мне в шею своим мокрым носом.

– Ну-ну, полегче там, медвежонок ...эх ты, Мишка!

Кличка сразу же прилипла к нему намертво. Помню, как неожиданно ощутила тревожную смесь радости и ответственности, внося его на борт «Флибустьера». Он слопал тарелку консервированного куриного супа с кусочками размякшего хлеба, написал на местный морской журнал «Широта 38 градусов» и завалился спать. Соседи по причалу

сказали, что он – австралийская пастушья собака. Никто не знал, откуда он прибился к «Флибустьеру». Я открыла свой ноутбук и стала искать описание в поисковике. Первой шла общая характеристика: порода отличается высоким интеллектом и часто используется для службы в полиции. Второе, – порода очень верна своим хозяевам, и не пойдет с кем попало за вкусной колбасой... «Ого!», – сказала я, покосившись на Мишку, – какие редкие качества, да сразу два в одной собаке!» Далее в описание породы говорилось, что эти собаки были выведены для работы со скотом в Австралии путем скрещивания местной дикой собаки динго и европейских овчарок. Зубы у собак острые, как бритва, и кусают они профессионально: быстро и больно...

Чем больше я читала, тем больше проникалась уважением к маленькому комку шерсти, сопящему на моем спальнике. Для лодки совсем не подходит, – решила я. – Ему нужно раздолье, дистанция для пробега, и скот для выпаса, иначе он съест меня с моим «Флибустьером». Я живо представила острые зубки, отрывающие мой шикарный светло-бежевый кожзам с внутренних бортов лодки, обнажая дерево, отдирая пласт за пластом, доходя до пластиковой обшивки... Ну уж нет! Надо срочно отдать пса на какую-нибудь ферму.

С этой мыслью я закрыла ноутбук и стала утраиваться поудобнее в своем спальнике. Потрявоженный Мишка недовольно засопел, открыл на секунду затянутые поволокой глаза, вытянулся во всю свою невеликую длину, и положил го-

лову мне на плечо. От него исходил сладкий запах шерсти, молока, и чего-то еще детского, присущего только малышам, будь-то человеческим или собачьим. Я не удержалась и мягко поцеловала его за ушком: спи, Мишка, спи.

Весь следующий день Мишка ходил за мной по пятам, как хвостик. Мы прогулялись в магазин на набережной. Я соорудила ошейник из корабельной стропы, но Мишка атаковал веревку-поводок и напрочь отказывался быть ведомым. Без веревки он просто бежал за мной как приклеенный. Я решила оставить дело воспитания собачьей культуры на потом, для фермеров, будущих хозяев Мишки. Времени у меня было в обрез. Неожиданно обозначилась работа, – перевод медицинской статьи о новых идеях раннего распознавания раковых клеток мозга, и этот перевод надо было сдать в течение суток.

Я просидела за ноутбуком все утро. Мишка, забавно виляя рыжей попкой, бегал по причалу и ловил чаек. Потом, устав и размякнув от солнца, он забрался в кокпит по наспех сооруженному мной трапу и улегся в ногах. Я сидела с ноутбуком на коленях под прочным навесом, растянутым на алюминиевом каркасе над кокпитом. Отсюда я могла видеть все, что происходит вокруг моей яхточки, и в тоже время спокойно работать за компьютером. Как-то так, за работой, и прошел целый день. Мишка спал, ел, писал и какал, потом неуклюже пугал чаек, забирал у них разбитые мидии и вылизывал оттуда сочную мякоть. Когда ему становилось жар-

ко, он залезал по пузо в воду, охладиться.

Вечером, после того, как я отправила готовый текст по электронке и налила себе бокал вина, мы проводили с борта «Флибустьера» уходящее за холмы Сан-Рафаэля кроваво-красное солнце и легли спать. Мишка устроился поверх спальника, умильно задрал лапы кверху; на его голом брюшке пульсировала венка. У меня сладко защемило сердце от одного вида этого доверчивого округлого животика. Было件нятно, что расставаться с ним мне совсем не хочется. Я решила, что большой беды не будет, если он подрастет, окрепнет на свежем воздухе, находясь постоянно под моим присмотром. Отдам его фермером через месяц или два,— решила я.

Прошел месяц. Я работала над переводами по утрам, а вечером брала Мишку на поводок и отправлялась на прогулку. Мы бродили по холмам Сан-Рафаэля и катались на байдарке. По выходным, когда Сережка приезжал с Альмой из Сакраменто, мы ездили на озера в район Окланда: покупаться и покататься на велосипедах. Мишка рос крепким и бойким псом. Он вскоре стал рычать на незнакомых прохожих, всех подозревая в преступном намерении подойти ко мне слишком близко. Мишка заправски сторожил «Флибустьера», по праву считая его своим домом. Похоже, он спокойно обходился без фермерского хозяйства, а наших прогулок ему вполне хватало для отличного физического развития.

Глава вторая. «Флибустьер»

Завтрак сегодня готовился сам по себе, в духовке, распространяя запах рыбного пирога по всему причалу. Духовка работала на солнечных батареях и представляла собой небольшой ящичек-печку с выдвижными серебристыми панелями, которые открывались веером и ловили солнечные лучи. Я обычно выносила ее на бак «Флибустьера», где было достаточно места для раскрытых панелей. Моя яхточка сто-

яла в Сан-Рафаэле. Это – городок на побережье залива Сан-Франциско. Бухта Сан-Рафаэль довольно мелководная, и вода здесь хорошо прогревается. Городок был небольшой, и до магазинов можно было легко добраться на автобусе или на велосипеде. Но теплая вода и высокие холмы, защищающие берег от ветра, были основными причинами, по которым я выбрала марину Сан-Рафаэля для стоянки «Флибустьера». В одиннадцать часов калифорнийское солнце Сан-Рафаэля начинало припекать так, что мой знаменитый пирог был готов в течение часа. На запах тянулись соседи по причалу, поболтать о том о сём, съесть кусок пирога из местной рыбы и в очередной раз подивиться на чудо использования солнечной энергии.

Покупка духовки значительно подорвала мой скромный бюджет, но устоять против неё сил у меня не было никаких. Целую неделю после её покупки я готовила пироги, пиццу, пекла хлеб, запекала мясо и готовила плов, – и все в духовке. Наконец, поверив в то, что альтернативная энергия не подводит, я решила оснастить солнечными батареями всю свою яхту. До установки батарей проживание в ней мало чем отличалось от турпоходов с палаткой и гитарами: все примитивно и до поры до времени незабываемо интересно. С появлением солнечных панелей кабина «Флибустьера» из деревянного подобия пещеры перешла в разряд номера «люкс»: в ней ярко горел свет, а ноутбук стал работать не только на подзарядке у причала, но и на якорных стоянках. Сейчас я

могла в любой момент заряжать свою планшетку и с неё читать книжки и даже смотреть фильмы. И всё это – от солнечных лучей! Один раз, нежась под лучами солнца в гамаке на берегу острова Энджэл, я решила себя побаловать. Забравшись обратно на «Флибустьера», я приготовила в электрическом миксере фруктовый коктейль со льдом, добавила туда немного рома, и перелила коктейль в термос. Захватив в придачу бокал, а также косточку для Мишки, я вернулась на берег. Коктейль этот ужасно мне понравился, и я, наверное, выпила немного больше, чем следовало. «Флибустьер» в тот день возвращался на стоянку какими-то удивительными зигзагами, а из него громко несло русско-украинское пение в купе с репертуаром Цоя и собачьими подвываниями...

Нет, я не была неженкой, – походы и альпинистские восхождения, велотуры по Уралу и Крыму, скалолазание и спелеология, – словом, в прошлом моя жизнь была интересной и полной веселого риска. Рождение моего первенца Алёшки не уменьшило страсть к приключениям, но постепенно сделало меня более расчетливой, заставляя тщательно взвешивать риск и опасность, связанные с горами. Ведь даже самые легкие, «некатегорийные» маршруты таили в себе камнепады и обвалы. Тогда мало что зависело от физической подготовки, надо было «узнавать» надвигающуюся грозу, высматривать свежие отметины на скалах от отколовшихся кусков; надо было соображать быстро и действовать по обстоятельствам, не поддаваясь панике. Этому, как и многому другому,

учил меня мой бывший муж, партнер по связке и велотурам Денис. С ним мы совмещали воспитание сыновей, Алеши и Серёжки, и горный туризм на протяжении четырех лет.

Денис работал программистом; он был немного меня старше и имел два высших образования; был прижимист, но очень обеспечен, и быть рядом с ним означало жить по формуле: «Мама, папа, я – спортивная семья». У нас в Ялте ему удалось найти работу на дому, и он, поработав за компьютером до одиннадцати утра, проводил весь оставшийся день с детьми. В Алёше он души не чаял, и всё своё время, казалось, отдавал свои силы на его воспитание. Увы, отцом он Сережке, тогда совсем маленькому, он так и не смог стать. Сережка часто болел, и Денис стал все больше уезжать в путешествия один. Со временем, приезжая домой, он стал раздражаться по малейшему поводу. Вскоре стало понятно, что он устает от домашних уз, и что его поездки будут затягиваться всё больше и больше.

Однажды, провожая в его очередной велопробег по горной Турции, я вдруг поняла, что это – прощание навсегда, и горько заплакала. Денис тогда от неожиданности как-то обмяк, прижал меня к себе и погладил по волосам: «Ну что ты, в самом деле? Столько раз уезжал – не ревела. Что на тебя нашло? Скоро буду дома, и все вместе пойдем по Восточному Крыму...» Но он не приехал. Из Турции его вызвали работать в Москву, а через полгода незнакомый женский голос в телефоне потребовал, чтобы я согласилась на развод.

Я заставляла себя забыть о нём: убрала все его фотографии и старалась чаще выбираться с детьми на природу. Поставленное самой себе табу на Дениса подвергло меня в жесточайшую депрессию. Каждое закуток Крыма, каждый пляж Ялты, каждая тропка напоминала мне о нём. Больше трех лет продолжалась эта мука. В конце концов, как ответ на мои неумелые слезные молитвы, пришло приглашение от давнишних американских знакомых принять участие в Чеховском фестивале в Сакраменто, штат Калифорния. Я с головой занырнула в подготовку к фестивалю, ощутив безмерную радость от творчества любимого, но подзабытого классика. Решение дизайнера велопалаток и пошив уникальных лыжных комбинезонов с молнией на задку и промежности было задвинуто на задний план. Антон Палыч явно был фаворитом того сезона. Из Сакраменто я уехала обновленная, неожиданно для себя открывшая почти нерекламируемую, какую-то андеграундскую театральную тусовку США. В Ялте театр Чехова был закрыт, как тогда казалось, навсегда. Парадокс, но в США ценили Чехова больше. Возникла переписка, приглашение снова поработать в Сакраменто, и так как-то само по себе вышло, что через два года я с сыновьями переехала в Америку на ПМЖ.

Сейчас, десять лет спустя, вдыхая аромат свежесвепеченого пирога на борту своего «Флибустьера», я с нежностью посматривала на семейные фотографии, украшающие кабину яхты. Мой старший сын Алёшка уже был совсем самосто-

ательным и, сознательно идя по стопам отца, готовился стать программистом. Он уже два года как жил и учился в научном поселке в Силиконовой долине. Недавно, оставив дом и машину своему младшему сыну Сережке, я переселилась на миниатюрную, длиной всего три метра шестьдесят сантиметров, яхточку.

У меня была мечта. Мечта это была не совсем обычная для сорокалетней дамы с двумя детьми, работающей медсестрой в санаторно-реабилитационных центрах Сакраменто и подрабатывающей переводами. Я с детства мечтала пересечь Тихий океан. И не просто пересечь, но сделать это на маленькой, не больше четырех метров, лодке под парусом. Уж и не знаю, как у меня появилось это желание, да только мысль эта меня отпускала лишь время от времени, бумерангом возвращаясь с каждой телепередачей о храбрецах, пересекающих океан в лодках-капсулах длиной чуть больше метра, в открытых каяках, в рыбацких баркасах...

В детстве я коллекционировала публикации о морских путешествиях-одиночках, а также об особенностях дизайна их знаменитых суденышек, и периодически подшивала их в специальную папку с надписью «Большое Плаванье». Газетные и журнальные статьи пестрели моими заметками на полях, восклицательными знаками и знаками вопроса. Я всё время читала об ураганах, течениях, ветрах, тропических болезнях, коралловых рифах и агрессивных акулах, но жизнь благосклонно одарила меня горами, лесными тропинкам и

теплыми скалами Крыма. Отказаться от такого подарка было просто невозможно. Время, делимое на сыновей, работу и наши общие приключения пролетело незаметно. Неожиданно для себя я отпраздновала своё сорокалетие. Вытащив пыльную папку с публикациями об отважных мореплавателях, я поняла, что откладывать мечту «на потом» означало сдать себя навсегда. Ноющие по утрам кости и поскрипывающие коленки вскоре превратятся в ревматизмы и артриты, и тогда-то уж точно мне придется забыть об океанском путешествии. Осознав это, я серьезно взялась за дело.

Прежде всего, мне нужна была лодка. И тут я столкнулась с проблемой. Купить маленькую яхту было невозможно. Лодки длиной в четыре метра были легкими гребными или парусными швертботами, тендерами для больших яхт, но никак не самостоятельными океанскими судами. Можно было заказать проект профессионалом, но стоило бы это чрезвычайно дорого. Маленькие лодки – это нонсенс с точки зрения моряка. Скорость лодки напрямую зависит от её длины... Путешествовать на мини-яхте означает передвигаться со скоростью черепахи. К тому же приходится запасаться провизией надолго, и она неминуемо становится перегруженной и еще более медлительной. Получается замкнутый круг. Тем не менее, миниатюрные яхты обладают какой-то магической силой, по крайней мере для тех немногих, кто решились на приключение. Чары минималистского вояжа околдовали и меня.

Купив с полдюжины книг по проектированию и строительству лодок, я взялась за работу. Освоение дрели и пилы-«болгарки» прошло без особых травм. Осмелев, я отправилась за сосновым брусом, фанерой и эпоксидкой. Вскоре позади дома под навесом была свалена целая куча стройматериалов. По проекту, моя лодка должна быть цельной конструкцией, как капсула: она сделана из полос дерева, пропитанных и склеенных эпоксидкой вокруг болванки по диагонали. Сверху дерево было покрыто стеклопластиковой обшивкой. Это придавало дополнительную прочность и позволило мне избежать внутренних перегородок, шпангоутов и стрингеров, занимающих слишком много драгоценного места. На деревянный корпус в сантиметр толщиной я наклеила специальную водостойкую пенку, – по моему расчету, в случае столкновения она погасит сильный удар и придаст «Флибустьеру» запас плавучести. Для современного самонадувающегося домика с тентом в качестве спасательного средства места у меня, конечно, нет, поэтому «Флибустьер» даже в случае пробоины должен оставаться на плаву. Водонепроницаемые переборки делят корпус на три части, образуя три отдельных отсека: если в один залется вода, два других должны поддержать лодку. По моему замыслу, «Флибустьер» сам должен был выполнять функцию спасательной шлюпки. В самом крайнем случае, с таким запасом плавучести у меня будет достаточно времени для того, чтобы позвать на помощь и накачать свою надувнушку.

Не смотря на люгерный парус «под старину» и носовое украшение в виде головы дракона, лодка получилась достаточно современной. Сзади располагается небольшой кокпит, в котором удобно управлять лодкой. Закрытая кабина достаточно вместительна, и в ней можно сидеть, не касаясь головой потолка. Есть и носовая палуба, под которой хранится якорь и якорная цепь. В трюмах достаточно места для провизии, а тяжелые консервы и вода создают дополнительный балласт. Перегружать «Флибустьера», впрочем, мне совсем не хочется: ведь каждый килограмм веса сказывается на его скорости...

Высадка на берег тоже осуществляется так же, как у больших судов. Несмотря на миниатюрные размеры, «Флибустьер» не может подойти близко к берегу из-за значительной, более метра, осадки. В спокойную погоду и в теплой воде я, конечно, бросаю якорь недалеко от берега и добираюсь до него вплавь. Ну, это так, если только покупаться и побродить по берегу недолго. Но обычно я становлюсь на якорь подальше от берега, бросаю в надувную байдарку водонепроницаемый рюкзак и сочетаю приятную прогулку с полезной греблей.

«Флибустьер» проходит при попутном ветре где-то сорок миль в световой день, чего мне вполне хватает для комфортного передвижения внутри залива Сан-Франциско. Залив очень подходит для парусного спорта: крепкий ветер, островки, заливчики, меняющиеся каждые шесть часов прили-

вы и отливы, – все это создает прекрасные условия для подготовки к океанским условиям. Недаром говорят: “Кто может ходить под парусом в Сан-Франциско, может смело идти в океан». В залив я выхожу «на тренировки», прокладывая курс по компасу и картам и используя секстант для проверки координат. У меня, разумеется, есть электронный навигатор, но практика с приборами, не требующими хитрых компьютерных программ, кажется мне чрезвычайно полезной.

Кроме навигации я, конечно, просто хожу под парусом: привыкаю к повадкам «Флибустьера» и изучаю ветер, волны и сам залив. Течения здесь настолько сильные, что «Флибустьеру» идти против них бывает практически невозможно. Иногда мне приходится буквально «ждать у моря погоды», сидя в какой-нибудь бухточке в течение часа, чтобы потом под мотором идти навстречу захлестывающим нос волнам и ветру...

Бензинового мотора у меня пока нет. Вместо него я разорилась на немецкий электрический мотор, способный заряжаться от солнечных батарей. Красиво, легко и бесшумно... при условии, конечно, что светит солнце. Мотор обошелся мне довольно дорого. Тогда я еще работала медсестрой и могла скопить на сверхурочных. Скопила не только на мотор, но и на специальную, скатывающуюся в рулон солнечную панель, заряжающую батареи. В целом, при условии, что я возвращаюсь на свою оплачиваемую стоянку в марине Сан-Рафаэля, где есть возможность подзарядить батареи для

мотора в облачную погоду, пополнить запас воды и принять горячий душ, морская жизнь у меня довольно нехлопотная. За стоянку на причале приходится платить, но так как оплата взимается за каждый фут судна, то миниатюрные размеры «Флибустьера» оказываются в выигрыше.

Вначале мне казалось, что из-за таких крошечных размеров яхты с меня будут отдельно взимать за электричество, но, похоже, вид моих солнечных батарей и рассказы соседей о выпечке в чудо-духовке заставили хозяина причала благосклонно отнестись к моей особе. К тому же оригинальный вид «Флибустьера» с деревянной фигуркой дракона на носу и старинным парусом собирает зевак, прогуливающих по набережной, и создаёт хороший имидж марине. Кассирша, которой я ежемесячно плачу двести долларов, уважительно называет меня «Мисс Дайэна», и берёт деньги безо всяких мимических выкрутасов. Рядовая оплата за стоянку судна была как минимум в три раза больше. Но ведь и яхточка моя – в три раза меньше обычной. Это – один из безусловных плюсов миниатюрного размера «Флибустьера»!

Впрочем, платить за стоянку мне оставалась недолго. Ведь если всё сложится удачно с новым контрактом на работу в Сан-Квентине, то через три месяца я смогу приобрести опреснитель соленой воды, который стоил... ой, даже и думать не хочется об этих тысячах. И еще – погасить кредитную карту. Всего три месяца интенсивной работы, и моя мечта, – пересечь Тихий океан на маленькой, домашней по-

стройки, лодке, – могла стать реальностью. Если я смогу создавать питьевую воду из океанской, то сэкономлю достаточно места для провизии, без риска перегрузить моего «Флибустьера». Конечно, придется взять неприкосновенный запас воды, да еще прицепить обычный лодочный мотор, взять канистры с бензином. Надо взять баллоны сжатого газа для горелки. Но все это, – пустяки по сравнению с тем, что бы пришлось загрузить на яхточку, не будь в природе солнечных панелей и опреснителей морской воды. В преддверии Большого Плаванья я планирую пройти около пятисот миль вдоль берега Калифорнии на моей яхточке, проверив работу всех систем. Про себя я называю это «испытательным пробегом». Ну а потом, если мне все еще дорога эта идея, – в путь!

Я действительно очень рассчитывала на новую работу. С денег, полученных за переводы, можно покупать продукты и иногда сходить в магазин одежды и в кино, но не более того. Если уж я поставила себе целью в краткие сроки заработать как можно больше денег, то работу следует искать по специальности, полученной здесь, в Штатах: медсестра. Месяц назад я подала заявление на работу в тюрьму строгого содержания Сан-Квентин, где наблюдалась нехватка медперсонала. После месяца проверок на профпригодность и психическое состояние здоровья мне предложили начать работу с первого июля.

Я и обрадовалась, и содрогнулась одновременно. Это означало, что моя привольная жизнь на борту «Флибустье-

ра» подошла к концу. Надо на время забыть о здоровом беспробудном сне до восьми утра, о завтраке длиной в час, кофе и свежесдобитых булках. Мне предстоит побудка в четыре часа тридцать минут утра, наспех душ и кофе, униформа, и – десять часов на ногах. Бегом. Буквально. Тридцать минут перерыв: сиди в комнате с коллегами и разговаривай о работе, пытаясь жевать. Остановишься, задумаешься на минуту, – все, аврал, не успеваешь. Клик клик, браслеты заключенных сканируются, выдаются таблетки в пластмассовой мензурке. К семи часам, как правило, я буду дома, после короткого душа пропахшая тюрьмой униформа свернута в узел. Вот теперь можно и поесть, и на боковую... И только тут до меня дошло: у меня же сейчас есть Мишка! Что же я с ним буду делать? Не сидеть же ему одному на маленькой лодке весь день... Надо срочно его куда-нибудь пристроить!

Конечно, в первую очередь я подумала о моем младшем сыне Сережке. Сережа живет в Сакраменто со своей подружкой Мариной и собакой Альмой. Мы переехали из Ялты в Сакраменто десять лет назад и со временем как-то обжились, осели надолго в столице Калифорнии. В Сакраменто есть на что посмотреть, и здесь есть замечательные театры и филармонии, ночные клубы и рестораны. Город окружен фермами, и стоит на двух крупных реках с сильным течением и развитым судоходством. От летней жары эти реки, правда, не спасают. Летом здесь, как в сауне: температура зашкаливает за 40 градусов по Цельсию уже в апреле-мае. В жару жите-

ли уезжают на озера в горы, или к океану, и в пятницу вечером шоссе «стоит» по всем направлениям: народ стремится отдохнуть от жары или в Сан-Франциско, или в горах Сьерра-Невада. Сережка также выезжает в горы на выходные, и Мишке будет с ним веселее. Тем более, что у в Сакраменто живет Мишкина задушевная подружка – наша милейшая собака по кличке Альма. Сережка уже несколько раз просил оставить Мишку с ней в Сакраменто.

Альма появилась у нас три года назад, – Сережка вызволил ее из собачьего приюта. Мой старший сын Алёша к этому времени уехал учиться в Силиконовую долину. В старших классах он заочно брал классы из курса колледжа, и его без вопросов взяли на дальнейшее обучение. Алёша с головой окунулся в студенческую жизнь и учебу и даже забывал нам звонить. Я за него немного беспокоилась, но в тоже время отлично его понимала и не дергала лишний раз. Сережка же очень скучал по своему брату и чувствовал себя одиноко, так что мы решили обзавестись собакой. Вполне естественным нам казалось заглянуть для начала в собачий приют. Альма, черный лабрадор с примесью борзой и английского пойнтера, была тогда крошечным нескладным щенком. В приюте оглушительно лаяли овчарки и питбули, тонко взвизгивали непоседливые терьеры, а пятимесячная Альма молчала. Она тихонько сидела у входа в клетку и не мигая смотрела на нас влажными черными глазами. Мы с Сережкой переглянулись и вывели её из клетки... Альма сразу же влюбилась в

Серезку всеми фибрами своей собачий души. А мы, в свою очередь, стали чаще выбираться на природу, заботясь о полноценном развитии щенка. В одну из таких поездок мы познакомились с Дэном, а благодаря Дэну Серезка познакомился с Мариной. Но, впрочем, всё по порядку.

Глава третья. Дэн

Знаменитое горноеzero Тахо – побратим Байкала. Летом туристы со всей Калифорнии тут спасаются от жары, а зимой тут работают горнолыжные курорты. Самый популярный курорт – это курорт Хевенли: со склонов открываются божественные виды на огромное озеро и амфитеатр заснеженных

гор. Озеро совсем рядом с Сакраменто, и мы сюда часто приезжаем.

Дэн появился на берегу Тахо из ниоткуда. Противоположенного берега было не видно, и гигантское озеро смотрелось по-северному сурово. Волны белыми барашками накатывались на песчаный берег, а ветер приносил с еще заснеженных гор свежий запах зимы и мокрой хвои. Горы Сьерра-Невады плотным кольцом взяли озеро в плен, в зимнюю пору засыпая его пушистым снегом. Даже летом озеро прогревалось совсем немного, смягчая дневную жару в курортных городках на побережье. Тогда же, в апреле, вода в Тахо была ледяная, и никакой охоты в нее лезть не возникало. Но вспомнив, что в Ялте мы с сыновьями купались круглый год, я решила тряхнуть стариной и стала подбивать Сережку на купание.

Сережка в воду лезть наотрез отказался. Махнув на него рукой, я быстро скинула курточку, свитер, джинсы и устремилась к воде.

– Закаляйся, если хочешь быть здоров! – дурачась, кричала я. – Смертельный трюк – русалка во льдах!

– Ага. Смертельное шоу – русалка в трусах! – тут же прокричал в ответ Сережка.

Хохоча, я буквально упала в воду. Быстро занырнув, я немного проплыла, сражаясь с волнами, и решительно повернула назад. Вода была настолько холодная, что я перестала чувствовать кончики пальцев. Сделав пару отчаянных

бросков, я наконец нащупала ногами дно и вдруг словно наткнулась на изумленные глаза Дэна. Тогда я, правда, еще не знала его имя. Он сидел у желтой байдарки и медленно растирал огромного пса махровым полотенцем. Меня будто бы теплой волной от этого восхищения. Внутренне я даже смутилась: мне показалось, что этот устремленный на меня взгляд пронзает пространство вполне видимым лучом, и каждый, включая моего насмешливого сына, может его видеть. Но Сережа играл с Альмой, запуская диск «фрисби» в сторону подступающего к озеру сосняка, и не обращал на меня никакого внимания.

Я вышла из воды, распрямляя плечи и стараясь ступать с такой грацией, на которую только была способна. Холодный ветер тут же пронзил мое мокрое тело до самых костей. Я гордо потрянула головой, стараясь придать слипшимся волосам хоть какой-то объем. Еще немного, и я покроюсь ледяной корочкой, – подумала я.

– Вы меня удивили! – сказал незнакомец, тщательно выговаривая каждое слово, – В такую погоду не каждый решится залезть в воду...

Я внимательнее посмотрела на него: он оказался немного старше, чем я подумала. Где-то моего возраста, решила я. И европеец. Акцент слабый, но точно есть. Не британец. Скорее всего, Швейцария: светлые волосы, хорошая стрижка, тонкие мимические морщинки. Худощавый, но мускулистый, как пловец, танцор или скалолаз. Хотя нет, икры слиш-

ком развиты, – машинально отметила я. Велосипед, а может, альпинизм.

– А Вы что, на байдарке рискнули, в такой ветер? – вежливо поинтересовалась я, стараясь подавить смятение, вызванное плещущимся обожанием в карих глазах незнакомца. И тут же отругала себя за холодный, даже снисходительный тон. Да что же со мной такое, и пофлиртовать уже не могу?

Незнакомца же мой тон, казалось, только развеселил:

– Да какой там риск, мы со Снором вдоль берега прошлись неспеша... – незнакомец потрепал собачьи бока. – А у Вас кожа в пупырышках! Может, пойдем в кафе, выпьем по чашечке чая?

Я на секунду опешила. В Америке я совсем я отвыкла от такого подхода: две секунды знакомы, а он на чашку чая пригласил, да еще и подразнил при этом. Я улыбнулась:

– А меня гусиная кожа как раз и согревает! Спасибо за предложение, но я с сыном, – и показала на Сережу, играющего с Альмой.

– С сыном? И с собакой? Девочка?

– Если Вы о собаке, то – да, она девочка, – ответила я.

Он расхохотался и заявил:

– Решено: оставляем моего Снора с вашей красавицей, а сами идем в кафе, и принесем сыну что-нибудь перекусить! – он вдруг подмигнул и широко улыбнулся.

Я недоверчиво посмотрела на его Снора. Пес был огромной, широченной в груди немецкой овчаркой, явно с приме-

сю какого-то еще гиганта вроде ньюфаундленда. Дэн закончил растирать его полотенцем, но Снор все также блаженно улыбался, поглядывая на хозяина и приподнимая уголки брылей. Обалдеть! – понеслось в голове. Я представилась:

– Меня, кстати, зовут Дина. Вообще-то моё полное имя Диана, но друзья всегда сокращают мое имя до Дины.

– Меня зовут Дэн. Будем знакомы!

Мы, улыбаясь, церемонно пожали руки. Альме Снор пришелся по душе. Встав на задние лапы, она тут же пригласила его поиграть в собачьи «салочки». Сережка тоже обрадовался неожиданно свалившейся на него няньке для Альмы: он оставил собак носиться по пляжу, а сам принялся запускать кайт. Кайт он просто обожал, и если не рассекал под ним воду на доске, то просто тренировался с берега, выбрасывая полотнище кайта в небо и ловко управляя им при помощи прикрепленного к концам строп горизонтального стержня. Мы же с Дэном не спеша отправились в сторону небольшого уютного домика в стиле шале с надписью «открыто».

В прибрежном кафе было немного посетителей. Мы сели за столик у окна и заказали яблочный пирог. Пирог оказался свежим, а яблок было так много, что они просто вываливались из-под золотистой корочки. Запивали эту прелесть ароматным травяным чаем и беседовали. Дэн оказался родом из Канады. Здесь, в Штатах, была у него какая-то давняя любовь, ради которой он развелся со своей канадской женой. Надо отдать ему должное: с женой Дэн развелся, когда их

сыну стукнуло двадцать, и тот, прочно встав на ноги, больше не нуждался ни в отцовских деньгах, ни в его постоянном присутствии.

Расставшись с женой, Дэн махнул в Калифорнию, где его должна была ждать та самая юная барышня. К великому огорчению Дэна, барышня его не дождалась и вышла замуж. Жила она здесь, на южном берегу Тахо, со своим мужем и пока еще без детей. Разочарованный канадец поселился в портовом Ричмонде, в двух часах езды от Тахо, – не то, чтобы рядом, но в случае чего... Я внимательно смотрела на него, представляя, как он приезжает сюда, на высокогорное озеро, чтобы вдруг, как бы случайно увидеть свою барышню, бегущую по пляжу, загоровшую, в бикини... Сердце мое на секунду сжалось от печали и сожаления о прошедшей юности, от того, что меня, сорокалетнюю тётю, уже никто никогда так не полюбит...

Он, наверное, прочитал мои мысли, потому что вдруг сказал:

– Да ты не подумай, я её не подкарауливаю... Просто я же здесь жил, когда из Канады на свои конференции приезжал. Так что у меня тут, в Тахо, осталось много друзей. Вот вчера и приехал на День рождения к одному приятелю. А сегодня, – так, голову ветром продуваю после вчерашнего сабантуя.

Потом он заглянул себе в чашку, отпил глоток и, нервно улыбнувшись, исподлобья стрельнул в меня глазами:

– Ты знаешь, я бы ни за что не подумал, что у тебя такой большой сын. Ты такая тоненькая вся, как девчонка. Я просто онемел, когда тебя в воде увидел.

Я почувствовала, что вся заливаюсь краской. Мне вдруг стало не по себе: из слушательницы печального любовного романа я становилась объектом комплиментов... Не то, чтобы я против, – совсем нет! Просто не вовремя как-то. Что теперь? Ожидать свидания? Сравнить себя с двадцатилетней красавицей и мучиться комплексом неполноценностей? Ну уж нет!

Я поняла, что немного раздражена, и одним махом прикончила свой чай. Раскраснелась, как школьница, растерялась... Что же со мною такое твориться?! Дэн, казалось бы, ничего не заметил. Он рассчитался кредиткой, подхватил коробочку с мясным пирогом для Сережки, поручил мне нести большой стакан чая и пирожное, и направился назад, к пляжу. Я немного отстала, чтобы рассмотреть его аккуратно стриженный русый затылок с мальчишеским хохолком на темечке, красивый узкий зад, широкие плечи... Я почувствовала, что куда-то в область сердца вливается непонятное щемящее чувство, словно я его знала лет двести, и даже как-то беспокоилась о нем. На сентиментальную влюбленность это чувство совсем не походило. Я решила не заморачиваться, а просто поблагодарить за ланч и вежливо расстаться. Тем более, что слушать о его любовных перипетиях мне уже совсем не хотелось.

Снор и Альма встретили нас радостным лаем и кордебалетом из лап, хвостов и мокрых языков. Сережка закончил возиться с кайтом; мы сели за деревянный столик в сосняке, и Сережка с аппетитом взялся за пирог и дымящийся чай. Дэн спрашивал его о школе, планах на будущее. Сам он рассказывал о своем сыне, которого называл исключительно Бенджамином. Не Беном, а именно Бенджамином. Он заглывал «д», делая почти одинаковое ударение на все слоги, заставляя имя звучать на французский манер.

Дэн рассказал, что снимает домик над берегом Келлеровского пляжа в Ричмонде, и тут же пригласил в гости. Ричмонд – один из городов залива Сан-Франциско. Ещё он заявил, что лето на заливе очень холодное, купаться без водолазного костюма не кайф, так что если хочется померзнуть после сорокаградусной жары в Сакраменто, то добро пожаловать...

– Супер! – обрадовался Сережка. Он порозовел после чая и съеденного пирога с пирожным, и явно проникся доверием к Дэну. – Мы раньше тоже жили у воды, на Черном море. Знаете, где Турция? Мы жили напротив, на другом берегу.

Дэн рассмеялся:

– Хоть и подзабыл я географию, но Черное море я на карте смогу показать. И, конечно, знаю о Ялте. Там же проходила конференция по окончании Второй Мировой, не так ли?

Сережка и я с удивлением уставились на нашего нового знакомого: крайне редко в США мы встречали человека,

кто бы хоть краем уха слышал о конференции. Дэн был безусловно человеком европейского образования и крайне интересным собеседником. Расстались мы тогда только после того, как клятвенно пообещали увидеться снова. Для верности Дэн позвонил нам на следующий день, приглашая нас на экскурсию по заливу на ближайшие выходные.

***

В Ричмонде, огромном порту восточной части залива Сан-Франциско, было и вправду ветрено и холодно. Летом там постоянно висит туман. Вода относительно теплая, но грязная, – тогда, в апреле, всюду виднелись огромные океанские грузовые суда, привозящие сухой груз, машины, и топливо для всей Америки. Один такой «товарняк» привозит столько груза, что если выставить все принимающие товар фуры в ряд, то получится очередь длиной в двадцать километров. С холма, где стоял дом Дэна, было хорошо видно маленькие юркие тягачи, помогающие этим огромным судам развернуться в бухте.

Дэн жил прямо над крутым берегом одного из общественных пляжей: с его балконы можно было смотреть на волны и слушать рокот прибоя, вдыхая запах растущего рядом огромного эвкалипта. На этом достоинства съемного жилища заканчивались: старый домик продувало насквозь, он был сырой и тесный, с маленькой кухонькой и стояком для душа вместо ванны. «Это временно, – разводил руками

Дэн, – «Купился на близость к пляжу». Я его хорошо понимала.

Но в дома у него мы пробыли недолго. Как оказалось, Дэн заранее записал нас на байдарочную экскурсию к острову Брукс. Подъехав к причалам, мы тут же увидели группу людей в спасжилетах и красные длинные байдарки, лежащие на бетонном слипе¹. Экскурсионная группа состояла из двадцати человек. Мы разбились по парам. Сережка заметил высокую худенькую девушку примерно своего возраста и тут же пригласил её составить ему компанию. Удивительнее всего, что девушка оказалась русской, и звали её Марина. Она приехала в Америку из Москвы по линии международного обмена студентами: вместо неё в Москву уехала американская студентка. Я краем уха услышала, как Сережка с неподдельным интересом спрашивает её о жизни в России, и пожалела, что мои сыновья так редко выезжают из страны.

После инструктажа мы все расселись по двухместным байдаркам и прямо около берега стали осваивать навыки правильной гребли. Минут через пятнадцать все уже довольно уверенно работали двухлопастным байдарочным веслом, и экскурсия началась. Нам предстояло пройти около двух километров через пролив, отделяющий Ричмонд от острова. Не смотря на то, что холодные волны и ветер придавали проливу суровый вид, грести было легко. Длинная байдарка лег-

---

¹ Слип – скат для спуска небольших лодок у причала, от английского глагола slip – скользить

ко разрезала волну, а течение несло нас со скоростью в три узла в нужном направлении.

– Главное – правильно выбрать время! – кричал мне в спину Дэн, ловко подстраиваясь под мои неумелые гребки. – Течение меняется каждые шесть часов, и назад мы будем двигаться с такой же скоростью, если не быстрее!

Он оказался прав. После экскурсии по заповедному острову, которую устроили специально для нашей группы, мы, перекусив, двинули назад. На этот раз мы шли не только с течением, но и по ветру. Я все более уверенно работала веслом, Дэн сильными синхронными гребками придавал ускорение, и вскоре мы оказались безусловным лидером байдарочной флотилии. Нам с Сережкой так понравилась байдарочная гребля, что, оказавшись в Сакраменто, мы первым делом отправились по поиски магазина с туристическим снаряжением. В тот же вечер во дворе нашего дома красовалась большая двухместная байдарка, и я уже предвкушала настоящие водные турпоходы. Как оказалось, у Сережки были другие планы на эту байдарку. Русская девушка Марина в тот же вечер получила от Сережки эсэмэску с фотографией нашей покупки и приглашением прокатиться на горные озера Сьерра Невады. Судя по счастливому лицу моего сына, Марина приняла приглашение благосклонно.

К концу нашего первого лета я купила еще одну байдарку, на этот раз надувную. Она удобно паковалась в небольшой рюкзак и весила меньше двух килограммов. Байдарка,

по моему дизайнерскому замыслу, должен был служить тендером для строящегося «Флибустьера» и переправлять меня с грузом на берег. С этой байдаркой я обычно и приезжала в Ричмонд. В хорошую погоду, когда океанская лазурь залива перемешивалась с высоким безоблачным небом, а теплый песок пляжа под окнами Дэна начинал привлекать любителей позагорать, мы брали байдарки и уходили вдоль берега, -изучать его многочисленные бухточки. Мы устраивали обед где-нибудь на вершине холма, откуда хорошо просматривался весь город. Наш вечер обычно заканчивался в популярном пабе Старого Города. Мы медленно тянули из высоких стаканов темное пиво и делились нашими заветными мечтами. Дэн был первым из друзей, который узнал о моих планах покорения океана. «Флибустьера», тогда еще перевернутого килем вверх, я Дэну показывать не решила. Подумала, начнутся расспросы, подсказки, пожелания... Сказала ему, что это – мое деревянное сокровище, как Буратино у папы Карло, и пообещала покатать. Он с удовольствием смотрел на фотографии, слушая мой очередной «краткий отчет о проделанной работе», как-то странно посматривая на меня. Строился «Флибустьер» долго, целых два года, после моих дневных и вечерних смен в больнице. Во время строительства вносились поправки в его дизайн: иногда мне казалось, что «Флибустьер» живой и по ходу дела проектирует себя сам. «Никогда больше не буду лодки строить», – часто жаловалась я Дэну, показывая темные несмывающиеся пятна

эпоксидки на своих руках. Он только смеялся.

Со временем мы стали вместе проводить все выходные. Дэн оказался потрясающим другом: ему всегда можно было позвонить, даже пореветь в трубку, когда кого-нибудь из моих пациентов уносила смерть. Иногда, правда, на него накатывали какие-то особые тихие моменты, словно он предавался воспоминаниям. Я тогда думала, что он скучает по своей барышне, и не лезла с расспросами. Когда мы пересекали набережную Ричмонда на велосипедах, я не раз замечала, как при виде молоденьких девчушек в его глазах загорались огоньки обожания. Такое его искренние проявления чувств, этот интерес ко всему прекрасному и молодому вызывал у меня уважение и окончательно развеял мои опасения по поводу потенциального романа.

Здесь я поспешу объяснить. Я совсем даже не против романов. Совсем даже напротив! Замуж я, правда, не хочу, да и затянутые романы начинают меня как-то напрягать. Просто со временем я стала понимать, что даже самые лучшие из лучших мужчин после фразы «давай останемся просто друзьями» способны сгоряча вылить целый ушат нечистот. Увы, после этого на душе неизменно остается отпечаток гадливости... Разочаровываться в Дэне мне не хотелось. И потом, он все еще «отходил» от своей барышни, а я, после продолжительного романа со смертельно нудным и контролирующим каждый мой шаг кавалером, просто радовалась вновь обретенной свободе. Иногда мне кажется, что я

всё ещё в поиске романтических героев, а мне просто нужен добропорядочный и увлечённый своим делом человек, который сможет понять и мою увлечённость и даже сможет меня дожидаться во время моих походов по морям. Моя подружка Лена посмеивается над такими теориями по поводу неудачных романов, но тут же выдаёт свои. Она говорит, что это только мы, пенелопы, как дуры, ждём своих одиссеев, а мужики никого никогда ждать не будут. Ещё она говорит, что я «просто не нашла свою половинку». Просто и со вкусом. Возможно, она права. Тогда мне казалось, что Дэн идеально подходил под мою «половинку», но он, конечно, об этом совсем не догадывался.

Вот о Дэне я и подумала, решая, кому на время отдать Мишку. Сережка обещал приехать за ним только через два дня. Я была уверена, что Дэн с радостью отнесется к просьбе взять Мишку к себе и Снору на пару ночей. Огромный общительный пес Дэна был всегда рад компании, а Мишка мог бы её составить. К тому же Ричмонд от Сан-Рафаэля, где стоял мой «Флибустьер», был совсем недалеко, пару остановок на рейсовом автобусе, и я могла навестить моего приёмыша. Машины у меня не было: свою я отдала сыну, а себе что-то поддержанное покупать не хотелось: заботы, платные парковки, бензин... Зачем мне все это, если я отправляюсь в Большое Плаваньё? Отсутствие машины, среди прочего, и стало причиной того, что я решила на работу в тюрьму. Ведь Сан-Квентин находился совсем рядом с Мариной, где

стоял мой «Флибустьер», – каких-нибудь тридцать минут на велосипеде.

Глава четвертая. Сан-Квентин.

Мужская тюрьма строгого режима Сан-Квентин располагается на полуострове, выдающемся в воды залива Сан - Франциско, и с воды смотрится как старинный бастион. Она была построена в 1852 году, и является самой старой тюрь-

мой Калифорнии. Про Сан-Квентин снимали фильмы; здесь в свое время побывали многие знаменитые убийцы и насильники. Воришек и хулиганов здесь нет: контингент тюрьмы составляют самые отпетые преступники, приговоренные к смертной казни или пожизненному заключению. Из Сан-Квентина выхода практически нет. Для многих отсюда один выход – на тот свет.

Было пять утра. Я выехала пораньше, чтобы, не дай бог, из-за какой-нибудь глупости типа спущенного колеса не опоздать на первую смену. Я крутила педали своего старенького велосипеда и пыталась представить себе первый день работы. В голову почему-то приходили какие-то совсем удручающие мысли о больницах, и я очень боялась, что не выдержу в Сан-Квентине и одного дня. Единственный опыт работы медсестрой в заведение подобного рода был у меня в Сакраменто, в камерах предварительного заключения, где за смену надо было раздать таблетки и сделать уколы сотни пациентов. Там сидели и совсем молоденькие, несмышленные ребята, спьяну попавшие в драку. Они, как правило, были избитые и притихшие. Сидели и накаченные мужики, недавно вернувшиеся с Афганистана, многие с ПТСР, одуревшие от наркоты.

В камерах «афганцы» были обычно буйными. Они оказывались от прописанных им антидепрессантов и вообще любых таблеток, и мне не раз приходилось вызывать медиков с пожарными на помощь. Пожарные с медиками быстро, груп-

пой, заходили в камеру, делали «афганцу» укол и увозили его в госпиталь для военнослужащих. Я этот госпиталь тоже знала неплохо: когда-то и я подрабатывала сиделкой в специальной комнате, где держали обколотых успокоительными бывших военных. Тогда моя задача была предельна проста. не спускать с пациента глаз, не разговаривать и ждать врача. Потом, после медосмотра, пациентов увозили на лифте на самый верхний этаж больницы. Передвигаться самостоятельно им не разрешалось: в сопровождении двух здоровых охранников я должна была везти здоровых мужиков в инвалидной коляске до лифта. В лифт коляску ввозили так, что пациент сидел лицом к стене. На верхнем этаже охранник звонил в затянутую решеткой металлическую дверь. Там пациента передавали с рук на руки, тяжелая дверь за ними закрывалась, и мы спускались на лифте назад, на первый этаж. Очевидно, на верхнем этаже была какая-то специализированная «психушка», про которую никто не хотел распространяться.

Однажды такой «афганец» из обычного положения лицом к стене развернулся в мою сторону, и сказал: «Привет». У него было очень приятное широкое лицо и голубые глаза; он напомнил мне русских ребят. «Привет, как ты?», – ответила я, и немного зашторила застекленную стену: может, пронесет, и никто не увидит, что мы разговариваем. Говорил он не спеша, с большими паузами, явно все еще под действием успокоительных. Я просто слушала; иногда, когда он за-

молкал, задавала вопрос, подталкивая его к разговору. Постепенно стала вырисовываться его история. После Афгана он, как и многие, прошёл курс реабилитации и сидел на антидепрессантах. Женился. Жена его поддерживала, как могла, и взяла часть кредита на своё имя, чтобы он занялся бизнесом. Обаятельный и общительный по натуре, «афганец» открыл риелторскую контору. Дело продвигалось неплохо, и они вскоре приобрели дорогой дом в хорошем районе, – тоже, разумеется, в кредит, с крупными месячными выплатами. Но наступил экономический кризис. С кризисом как строительный, так и риелторский бизнес пришли в упадок. Банкротство, развод, жена уехала к родителям. Он остался без дома, без машины и без работы. Помаялся, походил по инстанциям, но недолго, – выдержки на такие удары судьбы у него не было. Сел на лавочку и выпил все свои антидепрессивные «колёса». Так как на бомжа он ещё не походил и одевался вполне прилично, то кому-то пришло в голову вызвать скорую для спящего на лавочке человека...

Он знал, что его, скорее всего, запрут на некоторое время в психушку, но по дороге к лифту храбрился и даже шутил с охранниками. Он оказался гигантского роста: сидя в кресле-каталке, он был лишь немного ниже меня, в полный рост стоящей рядом с ним. Несмотря на рост, этот человек был слаб, сломлен душевно и физически. Со мной и молодыми веселыми охранниками он чувствовал себя в безопасности и смеялся от души. Было очевидно, что, как только за ним за-

кроется металлическая дверь, он расплатится, как ребенок, и ему опять дадут успокоительное.

Позже, работая медсестрой и имея дело с разного рода психическими отклонениями, я поняла, что правило «не разговаривай с пациентами» имеет под собой вполне объяснимое основание. Подчас, несмотря на спокойное и вежливое обращение, пациенты каждое слово воспринимали как оскорбление, срывались и буквально бросались на медперсонал. Не разговаривать было наилучшим выходом для первичного «пригляда» за пациентом, до обследования специалиста. Если бы моя санитарка позволила себе нарушить это правило, я бы ей непременно поставила на вид. Многие санитарочки – это будущие медсестры и врачи, которые подрабатывают в больнице во время учебы, и за их спинами уже есть курсы психологии и социологии. Тем не менее, этого недостаточно, и в руках буйных обычный карандаш становится оружием.

За работу сиделки мне платили четырнадцать долларов в час. Сейчас, в чине медсестры, я получала в два раза больше, а по контракту вообще платили в три раза больше, хоть и ответственности было хоть отбавляй. После получения лицензии медсестры я обнаружила, что врачебные обходы во многих медучреждениях совершаются не чаще, чем раз-два в месяц. Все остальное время медсестра за главного: осматривает пациентов, делает перевязки, решает, просит ли у врача антибиотик, брать тот или иной анализ, и так далее. Если

медсестра вовремя встрясла у врача антибиотик, и благодаря этому какой-нибудь диабетик не лишился ступни, – это в заслугу не ставиться, ибо сестра просто делает свое дело. А вот если сестренка, не дай бог, проморгала чего-то, провозилась с кем-то другим, – а пациентов бывает по тридцати и больше на душу, – то все, пиши пропало: в лучшем случае наорут и уволят, в худшем, – лицензии медсестры лишат. И, – проверки, проверки, бесконечные проверки. То придут проверять, правильно ли таблетки раздаешь, то посмотрят, как ты там свежие ампутации перевязываешь, и пишут себе что-то, и пишут...

Как-то разговорившись в больнице с русской сиделкой, я узнала, что в Украине она тоже работала медсестрой. Выслушав мои сетования на тяжелую жизнь, она махнула рукой: «О чём ты говоришь?! У нас в Украине даже перчаток не хватает. Того и гляди, СПИД или гепатит подцепишь за мизерную зарплату, – и ту задерживают! Я своим перчатки по почте отправляю, хоть как-то помогаю». На этом мои сетования закончились. Медсестрой, надо сказать, она была очень опытной, и иногда я у неё спрашивала совета. В свою очередь, она просила меня помочь ей с переводом особенно трудных фраз из учебников. Из-за слабого английского она никак не могла решиться сдать экзамен и получить лицензию медсестры в США, поэтому так и работала сиделкой.

... Я поставила замок на велосипед и не спеша подошла к входу. Сан-Квентин встретил меня многочисленными по-

стами. Я показала документы, и охранник вызвонил по рации какую-то Джейн. Джейн оказалась старшей медсестрой. Она пожурила охранника за того, что он не позвонил в администрацию, однако вид у неё был довольный. Похоже было на то, что она радовалась возможности выбраться из недр массивного здания и перекинуться парой слов с охранником. Улыбаясь, она протянула мне руку для пожатия. Джейн мне решительно нравилась. Я давно научилась не доверять коллегам по работе: самые милые и улыбчивые зачастую оказывались организаторами склок и разбирательств «на ковре» у администратора. Но рукопожатие Джейн было по-хорошему крепким. К тому же она тут же сообщила мне, что этот охранник ей нравится до неприличия, и смешно покрутила головой, словно удивляясь самой себе. Я решила, что сторониться мне Джейн, наверное, не стоит, расслабилась и начала улыбаться.

Джейн провела меня по коридорам тюрьмы. Охрана ее знала, и она то и дело перебрасывалась шутками с парнями в форме. Меня откровенно осматривали с ног до головы, спрашивали: «Новенькая? Обещай остаться!» Я немного нервничала и старалась расслабить плечи и не сутулиться. Джейн объяснила мне, что хотя большая часть здания и отремонтирована, но перевязочная старая и протекает: в потолке дыры, и туда затекает вода из душевых, находящихся этажом выше. Я поёжилась:

– А как же инфекция?

Джейн пожалала плечами:

– Да вроде закрыли чем-то дыры, но это так, временно.

Там девчонки ведра ставят, и ты ставь...

В коридоре за конторкой дежурила крепко сбитая дородная медсестра лет пятидесяти. Она посмотрела на нас и тут же отвернулась, продолжая что-то листать. Её стол был завален медицинскими карточками: шёл ремонт, и стеллажи были отодвинуты от стен. Компьютером тут и не пахло.

– Привет, Кэрол! – сказала Джейн, – Это Дина, наша новенькая в перевязочной.

Кэрол внимательно посмотрела на меня. На ее лице не было и тени косметики. Жидкие рыжеватые волосы были стянуты в тонкую косичку; она сразу напомнила мне хитроватую деревенскую бабу. Я попыталась отогнать от себя негатив и старательно улыбалась.

– Дина? – переспросила она, сощурившись.

– Дайэна, – пояснила я, – Откликаюсь на любой вариант.

Кэрэл смерила меня взглядом с ног до головы и ничего не сказала. Джейн весело фыркнула, оценив мою неудачную попытку растопить лед, пожелала мне удачи и удалилась.

Тюрьма располагалась в старинном здании с высокими потолками и обшарпанными стенами. Впрочем, отремонтированные комнаты смотрелись очень стильно, на европейский манер. В длинных коридорах ярко горели желтые лампочки, освещая входы в огромные блоки, где стояли двухъярусные кровати. В актовом зале работал телевизор; там же заклю-

ченные писали статьи в стенгазету и выкладывали заметки для вебсайта «Будни Сан-Квентина». Окна выходили прямо на залив Сан-Франциско. С нашего этажа просматривался широкий двор с тренажерами, но залива видно не было из-за высоких стен с вышками и натянутыми по периметру проводами. В штормовую погоду было слышно, как волны с шумом разбиваются внизу о скалы.

Кэрэл сообщила мне, что работать я буду в основном в перевязочной, а также буду ставить катетеры, брать кровь и ставить капельницы. Таблетки разносить мне не придется, только если надо будет кого-то подменить. Было очевидно, что здесь сестры не любят травмы и поэтому отдают их новеньким. Она и понятно, учитывая эти дыры в потолке. Перевязочные вообще многие медсестры на дух не переносят: ведь часто приходится сгибаться в две погибели или подолгу сидеть на корточках, обрабатывать да перебинтовывать, когда на тебя с улыбочкой глазает сверху вниз какой-нибудь детоубийца. А катетеры в мочевой пузырь мужикам ставить – это вообще удовольствие выше крыши...

Поблагодарив Кэрэл, я покатила тележку с бинтами и прочим материалом в перевязочную и вдруг с тоской вспомнила солнечный пляж, тревожные глаза Дэна, Мишку, уезжающего в Ричмонд и лающего на меня через стекло машины... Они существовали где-то в совсем другом, параллельном, мире. Мне вдруг показалось, что и я стала узником Сан-Квентина, и на секунду мне стало по-настоящему страшно.

Впрочем, к концу рабочего дня я настолько устала, что глупые мысли в голову ко мне больше не приходили. В конце концов, работа эта была временной и оплачивалась хорошо, так что можно было и потерпеть.

Глава пятая. Тюремные тайны

Когда я сообщила Дэну, что собираюсь на работу в Сан-Квентин, он с недоверием уставился на меня, а потом сказал: «Я считаю, что ты совершаешь большую ошибку». Так и сказал, сухо и официально. На все мне объяснения по поводу трех месяцев и хороших денег он не реагировал. Кажется, это был вообще первый раз, когда он меня в чем-то не поддержал. И сейчас мне не хотелось ему ничего рассказывать о своем первом рабочем дне. Да, собственно, и рассказывать — то было нечего. С потолка капало, и ведро с грязной водой я опустошила в туалете в самом конце смены. Тогда же я избавилась от перевязочного мусора. Заключение приводили небольшими группами, всегда под охраной. С ними наедине я никогда не оставалась. Похоже, медперсонал здесь менялся довольно часто, и заключенные привыкли видеть новые лица. Я с ужасом ожидала скабрёзных шуток и свиста, с которым в фильмах встречаются «зэки» любое лицо женского пола. Никто не свистел. Правда, я еще не заходила в их огромные переполненные блоки, где стояли десятки двухъярусных кроватей. В основном я оставалась в перевязочной. Одетые в красные комбинезоны пациенты равнодушно заходили в кабинет, разворачивались лицом к стене и садились на кушетку. Раны были разные: от падения, иногда избиений, операционные швы, ампутации. Ко мне же приходили и на процедуры. Отдельного кабинета для процедур не было: шёл

ремонт, поэтому за ширмой в углу перевязочной стояли аппараты для ингаляций, УВЧ, а также портативные ЭКГ, УЗИ и куча колбочек и иглолок для анализов. В специализированную больницу увозили лишь самых критических пациентов.

Прошел месяц. Я получила зарплату и высчитала, сколько я могу потратить на еду и прочее. Все остальное пошло на банковский накопительный счет, в расчете на то, что скоро я смогу купить вожеленный опреснитель для воды. Работа вошла в свою колею. Пациенты были в основном одни и те же, и, как только я смогла создать себе некое подобие системы, все пошло как по маслу. Даже иногда оставалась время поболтать с Джейн. С Кэрол у меня отношения как-то не заладились.

– Она просто тебе завидует, – говорила Джейн.

Я пожимала плечами:

– Чему там завидовать?

– Ну как же? Молодая, красивая, дети большие и вся жизнь впереди...

Насколько я знала, у Кэрол тоже был взрослый сын, но с ним были какие-то проблемы. Похоже, он был не в ладах с законом. Не знаю, какая такая причина могла вызвать её, мягко говоря, бесосновательное недружелюбие. Но пока все обходилось без особых эксцессов. Я сохраняла нейтралитет и старалась не вмешиваться в мышиную возню смертельно уставшего медперсонала тюрьмы. Работа и вправду не из легких. Иногда казалось, что постоянное общение с за-

ключенными накладывало неизгладимый отпечаток на медсестер. Казалось, что крепкая стена, возведенная сознанием и отделяющая заключенных от персонала, со временем становится все прозрачнее. Особенно это было заметно при общении тех служителей тюрьмы, что проработали здесь ни одно десятилетие.

В Сан-Квентине заключенный контингент был постоянный, ибо сроки-то были пожизненные. Вот и получалось, что ежедневно видишь одни и те же лица, замечаешь у пациентов любые перемены в здоровье или в настроение, словно они становятся частью твоей жизни. «Прямо как вторая семья», – шутили медсестры, сами проводящие здесь большую часть своей жизни. А что касается заключенных... Будь ты свободный гражданин или «зэк», но когда дело доходит до уколов, медсестры начинают делиться на любимых и не очень. Заключенные, как правило, хорошо знают график дежурств и свободно ориентируются во внутренней политике тюрьмы. К концу первого месяца меня совсем не удивляли прощальные фразы типа: «Спасибо, хорошо уколола. Завтра работаешь? Хотя нет, ты завтра выходная». Сестры, как правило, были знакомы с семьями заключенных. Члены семьи обсуждали с медсестрами хронические заболевания пациентов: как правило, следствие наркотиков, алкоголя или травм. Сестры подчас делились своими обширными профессиональными наблюдениями, советовали, входили в положение. Теоретически, такое панибратство было запре-

щено: при приеме на работу весь персонал подписывал каждую из многих страниц «Кодекса профессионального этикета». На практике же было немного иначе. Если, скажем, мать заключенного, которую ты видишь каждый день в течение многих лет, спрашивает тебя, почему у тебя такое зареванное лицо, тебе «чисто по-человечески» в этот момент совершенно наплевать на любые предписания, и ты выкладываешь ей все, как задушевному другу. Именно на работе, под действием самой атмосферы тюрьмы и стресса, многие так «ломались». Дома было проще: семья, вино, телик и кровать с мягкой подушечкой: лучшее средство от любого стресса. Как выспишься, так все заботы кажутся пустяковыми. А вот на работе, там вот и проверяются нервы на крепость.

В одно утро на внеплановую перевязку ко мне привели высокого худого мужчину. Травма была пустяковая: порезался чем-то острым в спортзале. Мне предстояло стянуть разрезанную на пальце кожу стерильными пластырными полосками и проверять рану каждый день, пока не заживет. Следовало также выяснить, как и чем он порезался, во избежание новых травм. Я вынимала раствор для промывания раны из шкафчика и с облегчением думала, что отчет администрации о принятых мерах предосторожности в спортзале не должен занять много времени, когда увидела на истории болезни имя потерпевшего: Олег Терехов. «Вот тебе раз, русский» – подумала я, и встретила с холодным изучающим взглядом пациента.

– Привет, красавица, – растягивая слова, мягко сказал он по-русски. – Давно хотел с тобой побеседовать. Вишь, даже увечье себе нанес, – он пошевелил пальцем, из которого тут же пошла кровь.

Я словно очнулась от столбняка. Остановив кровь, я промыла рану и наложила пластыри.

– Так хотелось увидеть? – спросила я, убирая марлю в шкаф.

– Ну да, – ухмыльнулся он. Усмешка странным образом показалась мне знакомой. Зубы у него были плохие, почти коричневые от чефира. Передний верхний зуб был наполовину сломан. Мне вдруг пришло на ум слово «щербатый», и неприятно кольнуло в сердце. Я откровенно уставилась на Терехова.

– А как же, – продолжал он, – Так ведь не всегда встретишь земляка в этих краях.

– Да ну? – возразила я, – В Калифорнии как раз много русских.

Он осклабился:

– Может быть. Да только с Ёбурга ты одна, красатуля.

Внутри меня похолодело. Ёбург или Екат, – так обычно называли Екатеринбург, когда-то Свердловск, областной центр на Урале. В Екатеринбурге я провела пять лет своей жизни, которых были наполнены бесшабашным студенческим весельем, ночными пирушками и дискотеками. Неустанно крутились на кассетниках песни местных групп, к

этому времени временно или насовсем перебравшихся в Питер: Наутилус Помпилиус, Чайф, Агата Кристи... В те времена волосы мои были коротко острижены и выкрашены в красный цвет, а лицо с утра буквально рисовалось: тональный крем, пудра трех оттенков, румяна на скулы и, словно маску – тени на веки и до бровей.

Пожелтевший от папирос палец Терехова снова зашевелился, проверяя, не туго ли я наложила бинт.

– Я смотрю, ты тут неплохо устроилась, – сказал он. – И с законом в ладах, и нашему брату помогаешь не сгнить тут на нарах.. Только смотри, красавица, не загордись слишком. Странная ты, говорят: уже сороковник, а на лодке живешь, на велике ездешь.. Что, денег не хватает, платят мало? Так ты обратись к кому надо, потолкуй, чё там, свой своего не выручит, а?

Я поймала себя на том, что во все глаза уставилась на него, пытаюсь понять, что он имеет в виду. Разговор шёл в одни ворота: Терехов обращался ко мне так, как будто я его хорошо знаю. Он, наверное, принимает меня за кого-то другого, другого объяснения нет, – решила я. И вдруг до меня дошел смысл сказанного: лодка, велосипед, Екатеринбург... Он действительно *знает* обо мне, но каким образом?! Мои ладони вспотели.

– Готово, – сказала я по-английски, словно ограждаясь чужим языком от его откровенно потешающегося надо мной взгляда. – Вы можете идти, – и кивнула охраннику, все это

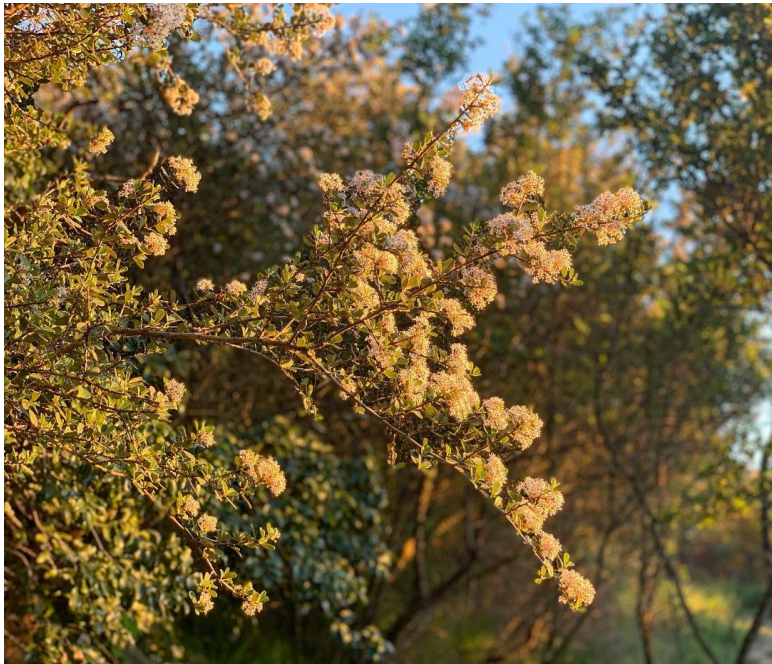
время безразлично ожидающему у двери.

В висках пульсировало. В душу втек противный липкий страх, и словно склеил меня изнутри, мешая дышать. Вдруг очень захотелось курить, – студенческая привычка, оставленная далеко позади, в Екатеринбурге.

– Не драматизируй!– оборвала я себя, брезгливо откладывая в сторону карточку Терехова и направляясь на ватных ногах к выходу, – Без фанатизма, Дина!

Выйдя из перевязочной, я увидела следующего по очереди пациента, я попросила охранника подождать пять минут. Стрельнув у удивленной Джейн сигаретку, я вышла на улицу и с удовольствием затянулась. От никотина меня с непривычки «повело», я расслабилась, и наконец-то смогла вдохнуть полной грудью. Безжалостно растоптав недокуренную сигарету, я отправилась назад, в перевязочную.

Глава шестая. Тени прошлого

Как это обычно и случается, именно в этот день, когда мне так хотелось уйти пораньше домой, пришлось остаться на внеурочные четыре часа. В другой день меня бы это только порадовало, но сегодня раздача таблеток в блоке номер один-четыре показалась мне бесконечной пыткой. Закончив с таблетками, я наконец-то принялась за отчет для администрации о принятых мерах предосторожности в спортзале,

чтобы, не дай бог, еще кто из заключенных не порезал себе палец. После этого я открыла карточку Терехова. Он хмуро смотрел на меня с фотографии на первой странице: глубокие морщины, темный волосы, узкий нос, острый подбородок... Я его совершенно не знала, и среди своих знакомых в Екатеринбурге я его точно не видела. Терехов был на четыре года старше меня... Кто там был? Я и Катюха, моя лучшая задушевная подруга. Она меня и соблазнила приехать на учебу в политически-активный Сведловск. Ещё Лёлька, Анютка и Наташа. Четверо из нас учились в Университете на филфаке. В нашем Универе, помимо прочего, существовала химлаборатория, где опробовались песни Кормильцева в исполнении Славы Бутусова. Говорят, водку они там пили из лабораторных платиновых тиглей. Под эту водку и сигаретный дым рождались те песни, что играли тогда на всех кассетниках страны.

Катюшка приехала из области поступать, но провалилась на вступительных экзаменах, и работала секретарем-машинисткой, готовясь снова поступать на следующий год. Был конец восьмидесятых... Впятером мы зажигали на всю катушку, кочуя по общежитиям однокурсниц и чьим-то квартирам. Иногда нас заносило в злачные места, где мы курили «травку», и малознакомые парни натыкали вену шприцом, вводя себе в кровь коричневое варево. Я даже была кратко влюблена в такого парня: он казался мне эдаким лермонтовским героем: загадочным, немногословным, немного разо-

чарованным в жизни и очень благородным. Чтобы проникнуть в его тайны, мне, очевидно, тоже следовало «ширяться по вене». К счастью, мое увлечение, как и попытки разговаривать молчаливого «героя», оказалось коротким: я влюбилась в молодого врача скорой помощи, и под его влиянием мои похождения по злачным местам скоро сошли на нет. А вскоре и вовсе встретила своего будущего мужа Дениса... Может, Терехов был одним из таких шапочных знакомств? Но невероятно даже подумать о том, что он смог бы меня запомнить. Да и выглядела я тогда совершенно по-другому.

Список болезней Терехова был обширным, но обычным для американского тюремного медпункта: хроническая недостаточность печени, гепатит, мочекаменная болезнь, авитаминоз, подагра, шизофрения, мания величия. Простав карточку, я нашла список лекарств и внимательно изучила его. Терехову прописано принимать оланзапин, а в случае отказа предписано увеличить дозу и добавлять растворимую таблетку в питье и еду. Доза у Терехова была минимальной, что меня порадовало. Случаев отказа зарегистрировано не было. Впрочем, это ничего не значило: каждый зафиксированный отказ от психотропного препарата теоретически требует внимания врача, что ведет к потерянному на попытки дозвониться до психотерапевта времени. В случае удачного звонка от врача приходят туманные указания «следить, как прогрессирует болезнь»... Медсестра предпочитает конкретные дозы и часы; «следить, как прогрессирует бо-

лезнь» означает дополнительную писанину на полстраницы: мол, пациент не хамил, вещи на пол не бросал, от таблеток не отказывался, температура и пульс в норме, и кушает хорошо, словом – болезнь не сильно прогрессирует.... И так – каждую смену, по три раза на день! Никто этим заниматься не хочет, поэтому, как правило, в случае отказа пациента от лекарства доза «по-тихому» увеличивается, таблетки незаметно растворяются в еде заключенного, и на этом попытка бунтарства заканчивается сама по себе. Оланзапин – довольно сильный противопсихический препарат, но при этом строгой отчетности по нему нет.

В медицинской карточке причину заключения под стражу не писали; впрочем, можно было выловить хоть какую-то скудную информацию, непосредственно относившуюся к тем или иным болезням. Диагноз шизофрения был сопровожден краткой строчкой о неоднократных приводах в полицию, вождении в нетрезвом виде, сопротивлении при аресте, невменяемости и вооруженном ограблении. В графе гражданство значилось: США. Адрес последнего проживания: дом 1320, Пятая улица, город Вакавилль. Вакавилль находится на полпути между Сан-Франциско и Сакраменто по восьмидесятому шоссе. Красивое место: городок в долине, весь в обрамлении невысоких зеленых гор, покрытых дубами, среди которых пасутся коровы. Вакавилль, собственно, и означает «город коров». Не женат, детей нет.

Я ничего не понимала. Как гражданин США, прожива-

ющий в каком-то буколическом Вакавиле, мог знать меня, Дину Вершинину, советскую студентку в Сведловске? И как много он обо мне знает? После разговора с Тереховым у меня было непреходящее ощущение, что знает он про меня все.

Я внутренне содрогнулась, вспоминая его ухмылку. У меня снова засосало под ложечкой. Я знала эту усмешку. На каком-то подсознательном уровне опять всплыло слово «щербатый»: то ли кличка, то ли кто-то сказал когда-то так про... кого? Был ли это Терехов, или кто-то другой? Но кто и когда? Этого я не знала.

Глава седьмая. Ночной кошмар

Я проснулась в холодном поту за десять минут до звонка будильника. Во сне я мчалась на чьем-то катере с подвесным мотором, убегала от кого-то невидимого, едва контролируя эту махину. Мчалась через заболоченные каналы, едва не залетая на лужайки близлежащих домов. Несмотря на все мои попытки поддать газу и уйти от преследователей, они шли за мной по пятам, лениво, не напрягаясь, словно наслаждаясь моим страхом...

Терехов меня явно испугал по-настоящему, до кошмарных снов. У нас в Калифорнии и нет никаких каналов. Ка-

кие-то флоридские болота с крокодилами снятся... Может, что-то произошло со мной в той далекой юности, что-то такое, что моя память услужливо вытеснила из подсознания, и теперь я пытаюсь восстановить действительность через нелепые сны.

Лунный свет проникал внутрь через круглые иллюминаторы и мягко освещал кабину изнутри. Светло-бежевая обшивка бортов и потолка приятно контрастировала с темным деревом перекрытий, выполненным из мореной сосны. «Флибустьер» был просто драгоценной шкатулкой, а я – жемчужиной в его чреве. Улыбнувшись, я стряхнула с себя ночной кошмар, поставила кофе на покачивающуюся горелку и – вздрогнула от неожиданно раздавшейся телефонной трели. Номер не определен. Должно быть, это доктор Мордок: его мобильный зашифрован, чтобы семьи пациентов не мучили. Что-то явно случилось, раз звонит мне в такую рань. Я нажала на зеленую кнопку:

– Алло, Дина слушает.

В ответ я услышала приглушенные голоса, сухой треск, словно телефон был случайно закрыт одеждой.

– Алло, я Вас не слышу, – настаивала я в трубку. Кофе начинал закипать, и мне надо было еще нарезать сыра и помидор для моего дежурного бутерброда.

– Чё ты там курлычешь? – неожиданно раздалось громко и по-русски. – Моя твоя не понимай! – в трубке раздался смех. Смеялось, как минимум, трое. – Чё, ты еще на проводе?

Я кивнула, и, поняв, что говоривший этого не видит, выдавила:

– Да, я слушаю.

Мне было странно обращаться на «ты» к незнакомому человеку, но собеседник явно был хамоват, поэтому я сказала снова с нарастающей уверенностью:

– Говори, я слушаю.

– Чё, Динка, на работу собираешься? А вот мы еще и не ложились.. Ну давай, помягче там с корешем, палец ему не отрежь ненароком. А то знаешь, как в том анекдоте: пока есть палец, я еще о-го-го мужик!

В трубке заржали. Я молча слушала, глядя на выкипающий кофе, и старалась представить себе говорившего. Голос был смутно знаком. Интонация, догадалась я. Интонация, манера говорить. Где же я раньше это слышала?

Связь неожиданно оборвалась. Я уставилась на экран телефона: продолжительность разговора: две минуты и сорок секунд. Выключив кофе и налив себе полную чашку, я поднялась из кабины наружу в кокпит. Кофе расплескался и немного обжег мне руку. Я поставила кофе остывать, села на обтянутую бежевым кожзамом подушку и уставилась на темные волны. Меня кто-то пытается запугать. Голова разболелась, и я отхлебнула обжигающей жидкости. Это какой-то розыгрыш, какие-то безумные соотечественники узнали моё имя, номер телефона. «Ага, узнали. И то, что ты сейчас собираешься на работу», – услужливо подсказал мне внутрен-

ний голос, – « И про кореша Терехова узнали с его дурацким пальцем...»

За мной следят... Про меня знают всё! Мне стало до жути страшно. Казалось, на меня ото всюду были устремлены невидимые глаза. Я до боли в глазах всматривалась в темноту. Луны уже не было, пахло дождем. В половину пятого утра все только готовилось к пробуждению. Вид перекатывающихся, свинцовых в темноте волн меня постепенно успокоил. Марина запирается, чужих здесь нет. Правда, за пределы причала мне выходить совершенно не хотелось. Сан-Квентин... Я почувствовала себя каким-то несчастным древнегреческим Сизифом, бесконечно толкающим камень в гору. Отзвониться от работы было поздно, надо было заканчивать страдания и собираться на смену. Но, твердо решив опоздать на минут сорок, я все сидела в кокпите, смакуя кофе и слушая рокот набегающих волн.

Громадный контур Красного Камня – скалы, возвышающейся островом в заливе Сан-Рафаэль – начал подсвечиваться просыпающимся солнцем. К Камню я неоднократно совершала прогулки на своей байдарке. Когда я последний раз поднимала парус на «Флибустьере», я уже и не помнила. Яхточка мягко раскачивалась подо мной, словно говоря: я готова, дело за тобой. Мне вдруг ужасно захотелось почувствовать соленый ветер, обдувающий лицо, услышать лай морских львов, вдохнуть свежий запах эвкалиптовой роции на острове Сокровищ... Завтра, – пообещала я «Флибустье-

ру», – будут выходные, так обязательно сгоняем на острова... если все будет хорошо, – поспешила добавить я, посту- чав по деревянному комингсу.

Я позвонила на работу, соврав, что проспала. Чайки уже проснулись и суетливо кружили вокруг рыбацких баркасов, уходивших к океану, когда я вывела свой велосипед из марины, плотно закрыв за собой тяжелую дверь причала. Обычно мне нравилось, включив все огни, крутить педали по вело- сипедной дорожке, идущей параллельно дороге. На ходу хо- рошо думалось, и утренняя велосипедная прогулка надолго заряжала меня энергией. Сегодня все было иначе: казалось бы, я выехала всего на полчаса позже, чем обычно, но ма- шин на дороге было несравненно больше, и их близкое со- седство очень меня раздражало. Я поймала себя на мысли о том, что велосипедист на дороге – это чрезвычайно хрупкое существо: раздавят – никто и не заметит... В голове я про- кручивала мой недавний телефонный разговор, пытаюсь раз- гадать, кому принадлежал этот голос... Певучая округлость гласных, северные окающие интонации. И торопливость за- кончить, словно обрубить окончание: он вроде бы произнёс «знашь» вместо знаешь. Очень похоже на уральский говор. Я вспомнила глаза Терехова и поежилась. Милый студенче- ский Свердловск, что же такого я натворила в своей прошлой жизни, что за мной охотятся даже в Америке?

Терехов появился на перевязке в половине десятого. Он молча смотрел на меня, словно ожидая, что я заговорю пер-

вой. Беседовать с ним мне не хотелось. Я знала, что скоро я смогу вспомнить и обладателя голоса по телефону, и самого Терехова. Мне просто надо немного расслабиться, выпасться, в конце концов...

Мобильный зазвонил вскоре после того, как Терехова увели из перевязочной. Номер не определен. Выждав пару секунд, я нажала на зеленую кнопку приема.

– Соу, ю ар эт уорк?²– с очень сильным русским акцентом поинтересовались у меня на другом конце. Раздался смех и звуки возни. Я имею дело с какими-то подростками,– подумала я. – Это просто розыгрыш... Однако замешанность в этом деле Терехова, который отсиживал в Сан Квентине «пожизненную», уверяла меня в обратном. Похоже, я ввязалась в какую-то серьезную игру.

– А что, тебя так интересуется моя работа?– любопытствовала я в трубку.

– Нее, – протянул собеседник, – меня интересуешь ты... И когда ты так быстро свалила, что мы тебя даже и засекали? Сидим, ждем, мерзнем на ветру, а тебя все нет... Нехорошо получается!

Где-то на заднем плане заголосили, заулюлюкали, и прямо в ухо срывающимся фальцетом в трубку проорали:

– Крути педали, пока не дали!

Я в панике нажала на кнопку отбоя и села на кушетку.

Они меня ждали. Скорее всего, недалеко от марины, в

---

² Значит, ты на работе? (анг.)

темноте под мостом. Мне всегда довольно жутко там проезжать. Мое получасовое опоздание оказалось спасительным. Они, наверное, держали связь с Тереховым, и от него узнали, что я на работе. Я увидела, что мои руки мелко трясутся. Я пыталась гнать прочь предательскую мысль о никотине, но сопротивляться было бесполезно. Джейн на работе не было. Из остальных курящих я знала только Кэрол, и нехотя направилась на её пост, нашарив на всякий случай по карманам мелочь, – если что, попрошу её продать мне одну «сигу».

Кэрол, казалось, ничуть не удивилась моей просьбе. Она без комментариев дала мне сигарету, отказалась от предложенных денег, махнув рукой: «Да кури на здоровье». Поспрашивав меня о работе, Кэрол показала мне на стопку недельных отчётностей о состоянии пациента, сказала: «Накопилось.. Будет нечего делать, заходи, поможешь,» – и улыбнулась. По-простому так улыбнулась, по-хорошему. Поблагодарив за сигарету, я направилась в сторону выхода, жалея, что плохо о ней раньше думала. Поддавшись благородному порыву, я решила пойти назад и взять пару отчётностей к себе в перевязочную. Круто развернувшись, я остолбенела: в конце коридора стояли Кэрол и Терехов и мило беседовали. Терехов улыбался. Желание помочь Кэрол у меня сразу же пропало. Мне вдруг стало понятным, откуда известно и про велосипед, и про лодку. Кэрол просто «сдала меня с потрохами» этому заключенному, – я ей все же ужасно не нравилась. Естественно, к комнате отдыха персонала все об-

суждают новеньких медсестёр. Вот и мои косточки, очевидно, были как следует перемыты: и машины нет, и на лодке живет... Могу себе представить! Одно только не понятно: из каких таких глубин выплыл никогда мною не упоминаемый Екатеринбург?

Глава восьмая. Ужин при свечах

В комнате отдыха для персонала я взялась за мобильник и отправила Дэну эсэмэску: «Привет, как дела?» . Ответ пришёл мгновенно: «Ты завтра выходная, ничего не изменилось? Если да, я приглашаю тебя сегодня на ужин!» С чего бы это? – подумала я, стараясь внутренне отместить поднявшуюся бурю в душе. Однако сердце, взмыв куда-то высокого к левому плечу, так и осталось там висеть, бухая и светясь от радости. Ужин! «Идет. А куда?», – отправила я ответ Дэну со смайликом. Итальянская кухня напротив Дон Кихота», – пришёл ответ. Дон Кихот – это скульптура героя романа Сервантеса недалеко от Сан-Квентина, рядом с морпортом. Он стоит у дороги в гордом одиночестве, выполнен в тройную величину и, на мой взгляд, ужасно скучает без своего Росинанта и Санчо-Панса.

Я выставила будильник на мобильнике, чтобы вовремя пробить перфокарту и официально вернуться вовремя на смену после перерыва. Надо было срочно привести себя в порядок. Душевой у нас не было, зато в моём шкафчике было

все необходимое для таких форс-мажоров, включая платье и туфли на самом высоком, какой только я могла носить, каблуке. Каблук, правда, не очень высокий, – после несчастного случая в горах мне вставили штырь в лодыжку. Я совсем не хромала, но от привычных шпилек в десять сантиметров пришлось, к моему огорчению, отказаться... Вывесив платье на плечиках проветриваться, я придирчиво осмотрела себя, и решила начать с маникюра и легкого педикюра, а закончить холодным обтиранием и новым макияжем к концу смены. Все это напомнило мне студенческие годы, когда в туалете нашего «универа» кто-то вечно красил ногти на ногах, кто-то буквально мылся в раковине, а запах духов перемешивался с запахом «шмали». После такой «школы жизни» неслучайно русские женщины считаются самыми красивыми! Всегда и во всех обстоятельствах – на высоте, нереально ухоженные, – всегда! Я потрясла волосами: сигаретный запах, похоже, въелся навсегда. Это надо же было именно сегодня покурить! Что же, волосы мыть и укладывать времени у меня нет, сделаю укладку пенкой.

От романтических треволнений у меня из головы совсем вылетел Терехов и его компания. Надо срочно поменять свой график дежурств! Я набрала номер медсестры Барбары, которая с недавнего времени пыталась перейти с ночных смен на дневные и чрезвычайно нуждалась в часах. Она с радостью согласилась подменить меня дней и поменяться остальными. По правилам, мы должны были поставить об этом

в известность старшую медсестру, но Барбара не обращала внимания на протокол, а мне было важно «замести следы», чтобы Терехов не знал о моем графике. Не будут же меня подкарауливать денно и нощно!

Я решила поработать за Барбару в следующую ночь, взять неделю выходных и направить «Флибустьера» в Монтерей, чтобы погостить у Лены. Там же я планировала встретиться с Серёжкой и Мариной: они давно поджидали благоприятного случая посмотреть красоты Калифорнии, и готовы были встретить меня в любом городке побережья. Отдавая Барбаре свои смены я, правда, не зарабатывала денег, но с наметившимися переводами я должна была потерять на этом не более трехсот долларов. И на лодке меня никто не найдет! Игра стоила свеч. После Монтерея я хотела, с остановками на якорных стоянках, дойти до туристического городка Авила и оставить там своего «Флибустьера» на некоторое время. В мои планы входило отработать последний месяц, купить вожаделенный опреснитель для воды, вернуться в Авилу и отправиться дальше на юг. Если всё пойдет как задумано, в ноябре я смогу поучаствовать в международной парусной регате «Баха-Хаха»³ и встретить день Благодарения.

---

³ Название с юмором обыгрывает имя полуострова Баха Калифорния Сюр, вдоль которого совершается океанский переход. Регата начинается в Сан-Диего, США и заканчивается в городе Кабо Сан Лукас, Мексика. Размер яхты может быть практически любым, но владельцы должны доказать, что их судно способно выдержать океанский переход вдоль побережья.

ния⁴ в Мексике!

Вечером Дэн встретил меня у парковки Сан-Квентина. Улыбаясь как ни в чем не бывало, в красном обтягивающем платье и на каблуках, я вела свой велосипед за седло, стараясь не зацепиться вечерней сумочкой за колесо. Дэн, не сводя с меня восхищенного взгляда, тут же подбежал и поцеловал меня в щеку. Забрав у меня велосипед, он дурашливо взгромоздился на сидение, и, смешно расставляя в стороны колени, покатил рядом со мной. «Как прошла смена?» – его глаза не сходили с моего лица. Я счастливо засмеялась: «В ожидании ужина с таким кавалером любая смена проходит просто на ура!». Я была безумно рада видеть Дэна; все мои недавние переживания и страхи казались просто кошмарным сном.

Мой велосипед благополучно поместился в багажнике машине, и мы поехали в сторону Дон Кихота. Я каждый день проезжала этот путь на велосипеде; как же было приятно сидеть в теплой машине, слушать медленную музыку и смотреть на такой знакомый, и тем не менее завораживающий своими очертаниями профиль Дэна. Я почти с разочарованием отстегнула ремень безопасности на парковке: мне хотелось ехать бесконечно долго, вглядываясь в отблески фар проезжающих машин, желтым прожектором выхватыва-

---

⁴ Национальный праздник США, отмечается в конце ноября. Второе, юмористическое название, – день Индюшки, так как традиционное блюдо, подаваемое на стол – это фаршированная индюшка с клюквенным джемом и картофелем.

вающим лицо Дэна из мрака салона: сильный подбородок, прямой нос, решительная складка губ... «Приехали», – мягко сказал Дэн, открывая дверь и подавая мне руку.

Мы сели в глубине зала с колоннами, окруженные небольшими круглыми столиками. Официант зажёл для нас свечи. Было очень уютно; скрипичное соло ненавязчиво напоминало о чем-то вечном и прекрасном, почти забытом в суматохе будней. Мы заказали бутылку вина, сыра и сколопий в качестве закуски. Для основного блюда мы, не сговариваясь, выбрали пасту «пенне» с креветками под белым соусом. К вину и сыру подали тёплый хлеб с маслом. Мы ели и разговаривали. Оказывается, так много всего накопилось за то время, что мы не видели друг друга. Дэн рассказывал о своей работе: он имел дело с программным обеспечением для IBM, и его вначале раздражала, а потом просто смешила американская авральность, нестыковки и стресс. В Канаде, говорил он, та же фирма, те же задачи, но все вежливей и проще.

– Может, ты просто скучаешь по дому, – предложила я свой вариант. Дэн ничего на это не ответил. Он вдруг протянул ко мне обе руки через стол, взял мои ладони в свои, и сказал:

– Дина... Ты такая красивая!

Я посмотрела в его глаза: в них светилась нежность. Я поняла, что для него сейчас никого нет, кроме меня. Я легко сжала его ладонь, не отрывая от него своих глаз. Дэн

медленно говорил, глядя мне прямо в глаза:

– Ты даже не представляешь, как много ты для меня значишь. Ты, твои сыновья, «Флибустьер» твой... Ты его при мне построила! Я больше никого не знаю, кто бы построил лодку своими руками, это просто невероятно. Ты – самая необыкновенная, самая интересная женщина на свете! Если бы не ты, я бы давно уехал назад, в Канаду.

Моё сердце ухнуло вниз. На секунду внутри меня взвился голосок: «А как же твоя барышня?!», как вдруг я поняла, раз и навсегда, что барышни больше нет. Она осталась в прошлом, а настоящее – вот оно, держит мои ладони в своих и ласково смотрит на меня. С моей груди разом упали держащие меня крепким обручем поставленные самой себе запреты, и я осознала, что безумно и очень давно люблю эти карие глаза, этот непослушный хохолок на темечке, этот упрямый подбородок... Люблю так, что сейчас моё сердце от радости выпрыгнет из груди, и Дэн это увидит, но я совсем не стесняюсь ему в этом признаться. Я поняла, что во все глаза смотрю на него, упиваясь очертаниями его рта, и молчу. Я выдохнула его имя: «Дэн...» Мы так давно были друзьями, и было так просто строить планы на будущее.

– Покажешь мне когда-нибудь Канаду? – просила я, сжимая его ладони.

– Обязательно покажу, дорогая моя, – улыбался он, и рассказывал: – Мы непременно съездим в Британскую Колумбию, это совсем недалеко от Сиэтла. Тебе понравится, обе-

щаю! Там серые гранитные скалы над океанским бухточкам в окружении огромных деревьев, и все перевито папоротником и лианами, как в джунглях. Там сыро, и пахнет хвоей и зверьём. Там бухты глубоко врезаются в берег, они похожи на скандинавские фьорды. А какие там крабы! А потом махнем в Монреаль. Там говорят по-французски, и все напоминает Европу: и реки, и городки, и даже деревни над реками...

Я слушала и представляла себе старинный Монреаль, его площади и церкви. Мне было очень жаль Дэна: он покинул свою красивую родину ради любимой, и у него совсем ничего с ней не вышло...

– Ты знаешь, – призналась я ему, – я очень скучаю по Ялте. Я все время все сравниваю с Крымом, и никак не могу найти что-то подобное по красоте и гармонии. Нет такого побережья здесь... Поэтому я, наверное, никак не могу усидеть на одном месте: мне непременно надо отыскать свою тихую гавань.

– А ты не думала вернуться? – спросил Дэн.

– Ты знаешь, я возвращалась, но я не чувствовала себя как дома. Я, конечно, всегда буду приезжать к родителям в Ялту. Но Ялта поменялась, а я её помню такой, какой она была десять лет назад. Да и я тоже другая, и привычные когда-то мелочи воспринимаются совсем по-другому. И еще я очень скучаю по тому, что остается здесь: по сыновьям, по друзьям. По яркому безоблачному небу, по горам Сьерра Невады, по синим озерам и золотым соснам. Вот и получается, что я под-

вешена между двумя полушариями...

– Я понимаю, – кивнул Дэн задумчиво, – я тоже иногда думаю, что быть иммигрантом намного тяжелее психологически, чем социально... Ну что ж, придется нам совершать набег на наши исторические родины, дабы не зачахнуть от ностальгии!

Мы засмеялись, и, весело закончив философствование словами «Бедные мы, бедные!», прикончили бутылку красного. От выпитого вина я расслабилась, и жизнь казалась мне удивительно прекрасной; у меня вообще редко получается так расслабляться. Кажется, это был Бунин, который заявил, что тосковать по родине лучше всего на берегу моря где-нибудь в Италии, под устрицы и вино. Мне всегда казалось, что это подловатое утверждение. Хотя, возможно, его слова просто вытащили из контекста. Весь абсолютно все можно перевернуть. Да и причем тут вообще Бунин, если во мне самой где-то глубоко засела неизлечимая тоска по родине? Дэн пригласил меня на танец.

Мы легко скользили между столиков, и, сопровождаемые удивленными взглядами, вальсировали во внутренний «итальянский» дворик ресторана. Мерно журчала вода, выбиваемая вверх мраморным фонтаном. На небе появились первые звезды. Ночной бриз приносил теплый воздух с нагретых за день холмов; дурманяще сильно пахло эвкалиптом и можжевельником. Я заморожено уставилась на звезды, как вдруг Дэн наклонился и поцеловал меня в губы. У меня слад-

ко сжалось сердце.

– Останешься сегодня у меня? – спросил он. Его глаза отражали целый небосвод; я не выдержала и счастливо заулыбалась, – до ушей.

Глава девятая. Ночная смена

Девять часов утра. Я лежала на широкой кровати Дэна и смотрела на небольшую фотографию хозяина дома рядом с какой-то красивой девушкой. Они были неуловимо похожи,

и я решила, что это, наверное, его сестра. Дэн ласково обнимал девушку за плечи. Рядом с портретом висели мастерски выполненные виды Большого Каньона и водопадов Йосемити. Фотографии висели на стене напротив окна, и на них сейчас падал струящийся из окна свет – видимо, поэтому я их вчера не заметила.

Дэн переехал в новый дом. Без вида на океан, но зато с большой кухней, ванной и двумя спальнями. В «лишнюю» спальню он поместил все своё туристическое снаряжение, и остальные две комнаты смотрелись просто превосходно: ничего лишнего, все подобрано по стилю и цветовой гамме. Накануне вечером Дэн устроил мне небольшую экскурсию по своей новой «холостяцкой берлоге»: плоский экран телевизора, стереосистема, кожаная мебель и огромный торшер с уютным креслом в застекленной нише. В ванне была даже небольшая сауна с влажным паром! Потолки в доме были необычайно высокие; в зале гигантская люстра свисала с балки двускатной крыши, отражаясь миллионом огней в огромных окнах на всю стену. Вчера мы кружились под музыку в этом просторном доме, до изнеможения наслаждаясь волшебством подаренного нам вечера...

Я сладко потянулась и выскользнула с кровати. Около кофеварки на столе лежала записка: «Моя дорогая Дина! Я на работе, у нас аврал, приду в 9 вечера. Яблочный пирог под фольгой. Все было просто чудесно! Целую, твой Дэни». Твой Дэни! Я ласково погладила записку, нашла пирог и постави-

ла вариться кофе.

День прошел быстро. Я пробежалась по тропинкам небольшой гряды холмов над Келлеровским пляжем, окунулась в ледяную океанскую воду и прогрелась в сауне Дэна. Сбегала в магазин, накупила еды и приготовила мясо по-французски. Оповестив Дэна в очередной раз о своей бурной деятельности эсэмэской, я сообщила, что ужин ждет его в духовке, и в самом прекрасном настроении добралась на автобусе до работы.

В ночную смену работали незнакомые мне охранники. Хмуρο проверив моё удостоверение, они пропустили меня в здание тюрьмы. Было непривычно тихо. Доносились знакомые звуки телешоу в актовом зале, – через час комендант закроет двери в этот зал, предварительно пройдя с охранником по его периметру. Я посмотрела на записку-шпаргалку, оставленную для меня Барбарой. Она дала мне список людей, которым надо было дать таблетки в определенное время: в полночь, в два часа ночи, в четыре и в шесть утра. Я знала, что в четыре часа утра, собственно, и начинается беготня: кроме многочисленных пациентов с «приёмом только на голодный желудок» лекарств, есть еще много «инсулиновых» диабетиков, а также тех, у кого надо взять кровь на анализ.

Я села за стол, перелистывая толстенную книгу с именами заключенных и названиями предписанных им препаратов. Рассортировав пациентов по времени приема лекарств, я сделала отдельный список диабетиков и «лабораторных».

Сейчас у меня было хоть какое-то подобие системы, и все было более или менее понятно, за исключением одного человека – некоего Голдвина. Напротив его имени стояли три буквы: ПБК, и время: 0300. Я понятия не имела, что это значило. Я пролистала «Список принятых в Сан-Квентине сокращений», и все без результата. «ПБК» нигде не было. Пришлось звонить старшей дежурной медсестре. Я её, скорее всего, разбудила: после шестой трели она наконец-то буркнула в трубку:

– Кэт слушает.

– Прошу прощения, – я вежливо извинилась, – Это Дина, медсестра на первом и втором блоке. Я первый раз здесь на ночной смене, и я не знаю, что это за процедура: пэбэка.

– Пентобарбитал, бромид и калий, – скороговоркой сказала она. – Внутривенно. Все готовишь в кабинете 101, и везешь туда заключенного к трем часам. С охранником, он знает. Ставишь ему капельницу с физраствором. Врач подойдет в и введет лекарства, не вздумай сама вводить. Все поняла?

Да вроде бы все понятно: мне надо сбегать в 101-й кабинет и подготовить лекарства для врача.

– Да. Спасибо, Кэт, – с энтузиазмом сказала я и положила трубку.

Век живи, век учишься. Вот теперь узнаю, что такое ПБК. Чем больше опыт, тем ценнее работник. Кэт, конечно, ворчливая, и называет пациентов заключенными, но зато все объяснила как надо.

Раздав лекарства и заранее подготовив шприцы с инсулином, чтобы потом на это не терять время, я отправилась искать 101 кабинет. Очевидно, он находился внизу, потому что «сто» в нумерации кабинетов всегда означало первый этаж. Кабинет отыскался в самом конце коридора. Один из ключей на связке подошёл, и я спешно распахнула дверь. Комната оказалась маленькой и чистой, – её, наверное, только что отремонтировали. Стену напротив кушетки прорезали четыре окна; рядом с кушеткой стоял процедурный столик. Я осмотрелась, и обнаружила в углу стояк для капельницы. В шкафчике лежали только перчатки и рулоны одноразовых клеенок. Лекарства нигде не было.

Закрыв за собой дверь, я бросилась назад на свой этаж. Без двадцати три, а я понятия не имею, где мне взять этот ПБК. Точнее, у меня на посту в шкафчике был только жидкий кальций в коричневой пластмассовой бутылке. На бутылке был знак: «опасность!» в виде черепа и скрещенных костей, и надпись : «Проверь концентрацию раствора!» Ни в холодильнике, ни в ящичках с лекарствами, ни в отдельном ящике с наркотическими препаратами не было ни пентобарбитала, ни бромида! И тут меня осенило. Открыв второй, никогда не используемый, ящик для наркотиков, я обнаружила полиэтиленовый пакет с двумя пузырьками для внутривенных инъекций, которые я искала. «Пронесло!» – подумала я . Сверившись с дозой, я выставила пузырьки на передвижной столик, добавив туда иголку с катетером , жгут, ка-

пельницу и «бомбу» физраствора. Выхватив из ящичка жидкий калий, я стала втягивать шприцом темную жидкость, и остановилась. Мой лоб покрылся испариной. Во-первых, прописанная концентрация раствора была намного больше обычной. Во-вторых, калий вводят внутривенно только в крайних случаях. Это очень болезненная процедура, и препарат сильно меняет электрическую активность сердца... если только не хотят убить пациента! Неужели?.. В конце концов, это же *та самая* тюрьма.

У меня засосало под ложечкой. Я все еще надеялась, что я ошибаюсь. Я даже проверила в медицинской карточке годы жизни пациента: не стоит ли там случаем сегодняшнее число в качестве даты смерти. Даты смерти не было. Накрыв столик белоснежным колпаком, я покатила его в комнату 101. «Этого просто не может быть, – думала я, – буднично ввести смертельные препараты? Смертная казнь через капельницу? Это просто нелепо». Полистав медицинскую карточку Голдвина, я нашла запись медсестры: «Получено указание ввести ПБК. Указание внесено в расписание раздачи медикаментов для ночной смены». Все верно, ошибки нет. Вернувшись на этаж с сонным охранником, я вошла в блок и отыскала нужную мне кровать. Она оказалась в третьем ряду слева, на верхней полке. Мне не хватало роста разглядеть лицо лежащего там человека, поэтому я тронула его плечо. Мужчина вздрогнул и послушно свесил вниз руку с браслетом, на котором был нанесен штрих-кодом личный номер.

– Как Ваше имя, сэр? – спросила я лежащего человека. Я никогда не позволяла себе панибратства, даже в тюрьме.

– Голдвин. Артур Голдвин, – голос у него был сиплый; наверное, он много курил.

Проверив сканером имя пациента и сверив его личность с фотографией в медицинской карте, я кивнула охраннику, и тот вывел пациента из блока. Всё по протоколу, трёхразовая идентификация пациента. Повернувшись спиной к сотне лежащих на двухъярусных кроватях людей, я физически почувствовала направленные в нашу сторону взгляды. Ни естественного для трех часов утра покашливания, ни сопения или храпа, – тишина звенела у меня в ушах, набатом отдавалась в ухающем сердце. Тишина прерывалась только шарканьем этого невысокого заключенного в красном комбинезоне, да нашими с охранником шагами. Мы мучительно долго шли по коридору. Это становилось невыносимым. Я решила бежать отсюда, бежать во что бы то ни стало. Сказав охраннику: «Отойду на секунду?», я бросилась в туалет.

Вода струилась по моим голым предплечьям, горошинами скатывалась по пальцам вниз и разбивалась о раковину. Как я вообще оказалась здесь, в этой тюрьме, готовя смертельные препараты между раздачей таблеток и уколами инсулина... Заплаканные глаза с недоверием рассматривали моё отражение в зеркале. Даже если я сейчас уйду, – вдруг поняла я, – это ничего не изменит. Будет накалывать вену другая сестра, врач вот так же введет в капельницу барбитал, и этот ми-

стер Голдвин тут же заснет. Потом ему введут обездвиживающий все тело бромид, и его дыхательная мышца – диафрагма – будет навсегда парализована. К тому времени, когда ему введут калий для остановки сердца, он будет уже мертв – его дыхательная система перестанет функционировать. Он никогда не почувствует невыносимого жжения от того, что концентрированный калий струится по венам к сердцу, превращая его в окаменевший кусок мышцы. Калий – это как последний, контрольный, выстрел. В пять утра официально зафиксировывают смерть и оповестят родственников умершего, если таковые имеются. Артура Голдвина не станет.

В туалете висели фотографии знаменитых преступников, отбывших свой пожизненный срок в Сан Квентине: Барбара Грэм⁵, Стэнли Туки Уильямс, братья Винсент... Глядя на их черно-белые улыбающиеся лица, я высушила руки и прошла к кабинету 101. Охранник молча посмотрел на моё заплаканное лицо и деликатно отвернулся. Артур Голдвин был закреплен на кушетке при помощи специальных мягких скоб для рук и для ног. Я стянула его бицепс резиновым жгутом. Вена хорошо прорисовалась на изгибе руки. Я дезинфицировала кожу в течение двадцати секунд, по протоколу. . Наколыв её с первого раза и закрепив катетер, я пустила капать физраствор. Голдвин неподвижно лежал на кушетке и смотрел на мои руки, выводящие фломастером дату и время на висящем над его головой «бомбе» физраствора, когда в ка-

---

⁵ Героиня фильма "I want to live" с Сюзан Хэйворд в главной роли

бинет вошла пожилая женщина в белом халате поверх униформы. Я вздрогнула от неожиданности, прочертив косую линию на качнувшемся баллоне.

– Все нормально, справилась? – буднично спросила она меня, и окинула взглядом столик с препаратами. Очевидно, это была старшая медсестра Кэт. Она кивнула на лежащего на кушетке мужчину и сказала:

– Можешь идти на этаж, я с ним тут побуду.

Я слышала, как быстро стучит моё сердце. Мне до сих пор удавалось не встречаться с Голдвином взглядом. Я развернулась на месте и вышла из кабинета, так и не посмотрев в его глаза.

Глава десятая. Рыбный день

Я встала в пять утра, чтобы с отливом выйти в океан. Мишка бессовестным образом дрыхнул на моем спальнике, пока я варила себе кофе. Оставив кофе остывать на подвесной горелке, я завела мотор и снялась с якоря. Ветра в бухточке «Акватик парка» не было, но отлив скоростью в че-

тыре узла поможет моему моторчику быстро пересечь гладь залива. Парус был привязан к гикю и рейку, готовый в любой момент к ветру.

Сан-Франциско спал. Серые пеналы многоэтажек и заостренные башенки гостиниц оставались слева по борту. «Флибустьер» резво резал волну по направлению к Золотым Воротам. Возвышающаяся справа громада Алякатраса напомнила мне о моих недавних зловключениях: неподвижно лежащий на кушетке Артур Голдвин снился мне всю ночь, и я чувствовала себя совершенно разбитой. К тому же всю ночь я вздрагивала от любого шороха, несмотря на то, что рядом со мной был Мишка. По моей просьбе его из Сакраменто привез Сережка, и мы втроем провели чудесный день, строя планы увидеться в Монтерее. Звонков с угрозами больше не было, и я надеялась, что со временем все как-то прояснится. В конце концов, у меня была целая неделя внеплановых выходов! Стараясь отвлечься, я мысленно прокручивала свой первый отрезок пути до Гавани Полумесяца, что в двадцати милях к югу от Золотых Ворот, и слушала по радио сведения с метеостанции о волнах и ожидаемой на сегодня силе ветра.

Маяк бывшей крепости-тюрьмы на острове Алякатрас каждые пять секунд вспыхивал желтым огнем. В ранний час судов было немного: лишь рейсовый теплоход да рыбацкие баркасы. Баркасы шли за рыбой в прибрежные воды океана, и «Флибустьер» двигался за ними. Наконец-то подул теплый

зюйд-ост⁶, принося с собой капельки влаги. Я подняла парус; лодка тут же накренилась на левый борт, радостно выбрасывая кипящую волну из-под форштевня. Заглянула вниз: Мишка соскользнул со спального вниз, но даже не проснулся.

Устроившись с чашкой кофе в кокпите, я зачарованно смотрела на надвигающуюся громаду Золотых Ворот. Вся энергия рек и Залива неслась сейчас под этим мостом, выходя через узкую горловину и вливаясь в Тихий океан. Позади оставался Ричмонд и Сан-Рафаель. Оставался Дэн, набережная и крутые тропинки холмов, поросших эвкалиптом. Оставался позади и еще по-утреннему прохладный Сакраменто, где в это время должен был ехать на работу Сережка. Я знала: проезжая по мосту над рекой и вглядываясь в белеющие внизу точки лодок, он непременно вспомнит обо мне и пожелает нам с Мишкой счастливого пути.

Я думала о Дэне. После той волшебной ночи мы виделись всего один раз. У нас уволилась медсестра, и я временно, пока не найдут замену, работала по семьдесят часов в неделю. Он тоже много работал, и в итоге мы лишь переписывались эсэмэсками: «У нас по-прежнему аврал, конец месяца», «Думаю о тебе, моё солнышко. Целую, твой Дэни», «Так хочу быть с тобой». Моё сердце нежно сжималось, вспоминая о нём. Я едва сдерживала себя, чтобы не позвонить ему в это

---

⁶ Юго-восточный ветер; на побережье Калифорнии обычно ассоциируется с надвигающимся штормом.

раннее утро. Мне хотелось услышать его сонный голос, хотелось сказать: я уйду в океан на своем маленьком кораблике, помни обо мне, пожалуйста, помни обо мне! Я так тебя люблю, я так нуждаюсь в тебе сейчас! Веришь ли ты в меня, веришь, что сможет «Флибустьер» пройти этот путь, выстоять этот переход?

Под приятным бризом узлов в десять-двенадцать мы шли вдоль берега. Я планировала бросить якорь в рыбацкой деревушке с красивым названием Гавань Полумесяца и провести там ночь. Как только мы отошли от выступающих в океан мысов Бонита и Лобос, образующих пролив Золотые Ворота, ветер стал дуть с северо-запада, наполняя люгер «Флибустьера» и подталкивая нас в нужном направлении. «Флибустьер» накренился и, раскачиваясь на океанских волнах, понесся вдоль побережья. Мишка проснулся и часто задышал, приоткрыв розовый рот. Потом его и вовсе стало тошнить. Весь путь он просидел в кокпите, прижавшись ко мне своим невеликим тельцем, и отказывался от еды и питья. Иногда он поднимал на меня свои желто-зеленые глаза и жалобно поскуливал, жалуясь на тяжелую жизнь. «Терпи, Мишка» – пыталась я его ободрить, – «Станешь настоящим матросом!» От моих утешений Мишка начинал еще больше скулить. Очевидно, перспектива стать матросом в его собачьи планы не входила.

В два часа дня впереди нас на холме показались белые тарелки огромных спутниковых антенн. Это был мыс Столбы

– северная оконечность Залива Полумесяца. Знаки «опасность» на карте и навигаторе заставили меня пройти дальше на юг и войти в маркированный буйками канал под углом в девяносто градусов, чтобы избежать мелководья и подводных камней. Было хорошо видно, как волны начинают круто подниматься и разбиваться в мелкие брызги на мелководье довольно далеко от берега. Попасть в такой прибой означало катастрофу. Слышался мерный звон гонга: вход в гавань был похож на лабиринт, и для навигации использовались не только огни, но и колокольный звон.

Мы обогнули гигантский волнорез с маяком на конце, и все сразу стихло. Внутри гавани было очень спокойно. Сильно пахло рыбой. На волнорез и искусственную косу, выдающуюся в залив с другой стороны гавани, был набросан ломаный камень. На белых от птичьих испражнений камнях сидели чайки. Точнее, чайки были везде: на пляже, на зданиях пирса, на буйках. Они кружили вокруг рыбацких судов, оглашая гавань пронзительным криком. Баркасы стояли на приколе, выходили в море, подходили с уловом к причалу. Было много небольших филиппинских лодок, загруженных выше ватерлинии: рыбный бизнес был семейным. Невысокие крепкие мужчины быстро сновали от лодок к разделочным столам на берегу, подавая женщинам мешки с уловом. Те, ловко орудуя длинными филейными ножами, разделяли красного осетра и треску, бросая ненужные куски чайкам. Вся разделка рыбьих тушек происходила прямо у лодок,

и отходы филейного производства тут же съедались птицами. Филе рыб промывалось в проточной воде – краны были прикреплены прямо к разделочным столам. Готовая рыба погружалась в пластмассовые ящики и увозилось на продажу. В пригородах Сан-Франциско красная жирная мякоть местного осетра продавалась в цену пятьдесят долларов за килограмм и выше.

Внутри Гавани было жарко. Покрываясь капельками пота, я сбросила куртку-штормовку, свитер и прорезиненные брюки. Ветра совсем не было, и волны мирно накатывали на песчаный пляж. В воде у пляжа играли в прятки морские котики. Местные мальчишки бросали им надувной мяч, и котики тут же в панике прятались под воду. Впрочем, они немедленно выскакивали на поверхность и озорно смотрели на мальчишек своими блестящими черными глазами, словно приглашая продолжить игру...

Бросив якорь недалеко от белого песчаного пляжа, я накачала байдарку. Мишка, не дожидаясь приглашения, тут же в неё запрыгнул. Оказавшись на берегу, Мишка ожил, развеселился, и стал носиться за чайками. Вскоре он нашёл выброшенный на берег кусок кельпа – бурую водоросль с длинными листьями. Листья трепыхались на ветру, как ладошки, и кельп казался ему живым созданием. Мишка атаковал водоросль слева и справа, а потом, закусив стебель, как удила, бросился с ним вдоль прибоя, изображая из себя скаковую лошадь. На берегу моему щенку было намного лучше, чем

на борту движущегося «Флибустьера».

Мы прогулялись до деловитой толкучки рыбаков на берегу. Я подошла поближе и попросила филиппинскую женщину продать нам немного рыбы на ужин. Она посмотрела на мужа и что-то быстро ему сказала. В итоге переговоров мы получили большой кусок красной рыбы. Вечером я испекла тонкие лепешки и завернула в них сочные кусочки осетра, предварительно поджаренные с луком, помидорами и зеленью. Мы наелись так, что наши животы стали округло выпирать. Пришлось Мишку снова вести на берег – пройтись по кустикам после такого обильного ужина. В течение дня я ни разу и не вспомнила ни о Сан-Квентине, ни о странных телефонных звонках. Мы улеглись спать в девять вечера и заснули крепким морским сном.

Глава одиннадцатая. Санта-Круз

Мы прибыли в Санта-Круз довольно рано – сразу после полудня. Капризная калифорнийская погода нас просто баловала своим попутным ветром в десять узлов, ярким солнцем и потрясающими видами на побережье. Разглядев в трубу множество катеров и ныряльщиков рядом с отвесными гротами, пропиленными водой и ветром в крутых песчаных обрывах, я поняла, что мы оказались совсем рядом с заливом, на котором располагается этот небольшой курортный городок. Сюда приезжают понырять, покататься на сёрфборде, послушать выступления известных рок-групп и, конечно, развлечься на аттракционах. Аквапарк и аттракционы занимают всю набережную Санта-Круза, расположенную прямо над широким песчаным пляжем. Знаменитые своей кух-

ней рестораны находятся на общественном пирсе, около которого «Путеводитель яхтсмена по калифорнийскому побережью» рекомендовал бросить якорь. Дно обещало быть хорошим: спрессованный песок. Громадный пирс на сваях защищал якорную стоянку от норд-веста⁷.

Мы вошли в залив. Город-курорт встретил нас обилием солнца, почти полным отсутствием ветра и громкой какофонией звуков. Люди на аттракционах дружно вопили и смеялись, со всех сторон играла музыка. Громко лаяли морские львы. В подзорную трубу я рассмотрела копошащуюся массу их блестящих громадных тел, лежащих под пирсом, на настилах между его сваями. От воды к настилам поднимался вертикальный трап; можно было различить надпись: «Для пассажиров частного и муниципального водного транспорта». Ура! Значит, я и могу подойти туда на своём частном транспорте – надувной байдарке. Вопрос о том, как мне добраться до берега и остаться при этом в сухом виде больше не стоял. Я очень надеялась на то, что верхняя площадка трапа была огорожена от деревянных настилов, на которых возлежали морские львы, – уж очень агрессивны они друг на друга лаяли...

В заливе мы были не одни. На рейде у пирса стояли три стилизованных под пиратский корабль двухмачтовых кеча, – наверное, они участвовали в каком-то местном параде. Несмотря на их излишний вес и медлительность, мне очень

---

⁷ Северо-западный ветер

нравятся эти красивые яхты, – особенно с гафельным вооружением. Они более всего напоминают мне старинные шхуны и бригантины позапрошлого века. У одного из кечей была плавно нависающая над водой корма, заканчивающаяся узким изящным транцем. Его элегантные обводы намекали на классические формы яхт начала двадцатого века. На темно-зеленом транце из бронзы были выполнены фальшивые рамки корабельных окон. Вязью было выведено название яхты: «Дульсинея», и порт прописки: Морро Бэй. Полистав путеводитель, я обнаружила, что этот курортный городок располагается милях в ста пятидесяти от Санта-Круз. Про Морро Бэй тогда я знала совсем немного: во-первых, там часто висели туманы, во-вторых, в его марине располагался весьма дружелюбный яхт-клуб, регулярно устраивавший гонки до соседнего порта в Авиле. Вполне вероятно, что на своем последнем переходе из Сан-Симеона в Авилу «Флибустьер» мог невольно стать участником этих гонок.

Полюбовавшись кечем, я встала на якорь намного ближе к пирсу, радуясь сравнительно небольшой осадке «Флибустьера». Мишка уже точно знал, что вся эта моя шумная возня с якорем и гремящей цепью заканчивается долгожданной прогулкой по берегу. Он сидел у рюкзака с байдаркой и нетерпеливо поскуливал, перебирая широкими лапами. Я почти сказала ему: «Чего сидишь, как пассажир в такси? Бери насос, качай лодку!», но вовремя сдержалась: после постановки таких нереальных задач у Мишки запросто мог сформирова-

роваться комплекс неполноценностей.

Тридцать минут спустя я поднималась по вертикальному трапу, одной рукой крепко прижимая к себе Мишку, другой перебирая по горизонтальным прутьям-ступеням. Я веревкой вытянула байдарку наверх на пирс. Оставлять надувнушку на воде, привязанной к трапу, я не решилась: из воды то и дело высовывались любопытные мордочки морских львов, сопровождая нас от якорной стоянки до «места высадки пассажиров». Они бы точно запрыгнули на мою бесхозную байдарку, утопив её навсегда! Отделенные от нас железными прутьями, огромные морские львы на настилах ревели, лаяли, чихали и дрались. Мишка очень нервничал и крутил головой, словно пытаюсь посчитать, в окружении какого количества неприятеля он находится. Широко расставив задние лапы, он молча смотрел на них, изучая их повадки, пока я втаскивала байдарку на площадку. Наконец я взяла его на поводок, и мы направились вдоль причала.

Санта-Круз, безусловно, не самое теплое место на земле. Несмотря на яркое августовское солнце, океанский бриз сильно охлаждал набережную. Закутанные в ветровки и курточки туристы стояли в очереди, чтобы взять напрокат двухместные байдарки и гребные лодки. Их, как магнитом, привлекали морские львы и котики, которые запрыгивали на ничем не огороженные настилы по другую сторону пирса. Некоторые львы высоко, как в цирке, выпрыгивали из воды вертикально вверх, выпрашивая рыбку у стоящих на пир-

се с удочками пацанов. Место такого бесплатного шоу сразу определялось по количеству желтых арендованных байдарок, сконцентрированных на одном месте.

Из ресторанов на пирсе до нас долетали умопомрачительные запахи. Я твердо решила побаловать себя темным густым пивом и местной жареной рыбой с картошечкой – «фиш-н-чипс» – на обратном пути. Мы прошли по набережной, сплошь заставленной аттракционами, и обнаружили, что сегодня пятница. Неоновыми буквами шла реклама рок группы Wag: оказалось, что по пятницам здесь давали бесплатные концерты. Над головами то и дело с криками проносились в люди в разноцветных люльках. Вскоре, обалдев от шума и гама аттракционов, мы спустились к пляжу. Купив Мишке и себе по хот-догу, я прижалась к подпорной стенке пляжа, греясь и рассматривая играющих в волейбол людей. Они были в основном молодыми ребятами, может, чуть старше моего Сережки. Один мужчина постарше фигурой и светлыми волосами напомнил мне Дэна; я уставилась на его играющие под загоревшей кожей мышцы рук, выбрасывающие мяч высоко над сеткой. Он то и дело оборачивался к своей девушке, страстно прижимая её к себе, словно боялся потерять её из вида даже на секунду.

До Дэна я совершенно не могла дозвониться. Я отправила ему эсмэску с фотографией пляжа Санта-Круз: «Как бы я хотела, что бы ты был здесь, рядом со мной!» Мысль об его больших ладонях отозвалась сладкой волной, катившейся по

мне вместе с солнечным теплом; я закрыла глаза, вновь переживая нежное касание его пальцев на своей груди. В рокоте прибоя и людском гвалте до меня доносился его ласковый шепот; меня вновь сжимали крепкие руки, скользили по моей спине, спускались вниз, лаская и заставляя меня дрожать всем телом...

Мяч со всего размаха стукнулся о стенку и, отрекошетив, больно ударил меня в плечо. Я инстинктивно отбила его в сторону и вскочила на ноги. Ко мне с площадки бежала та самая красивая девушка, которую так страстно обнимал мужчина-волейболист. «Простите, пожалуйста!», – она пыталась сделать серьезное лицо, но у неё это плохо получалось. Я ей улыбнулась. Она наклонилась, чтобы поднять мяч; её место в пространстве заняли знакомые карие глаза, удивленно на меня смотревшие.

Я застыла на месте. С недоумением я разглядывала непослушную прядь волос, светлым хохолком поднимающуюся на затылке удаляющегося прочь мужчины. «Дэн! Держи!», – девушка, смеясь, сделала подачу в его сторону. Он не обернулся, продолжая идти назад, к волейбольной площадке. Мяч перелетел через его голову и стукнулся о песок, прокатился чуть дальше и застыл на месте. «Дэн! Ну что же ты?!», – девушка все еще стояла недалеко от меня, и я медленно узнавала её черты: лицо сошлось с фотографией на стене, освещенной утренним солнцем Ричмонда. Я посмотрела на Дэна. Он нехотя обернулся и помахал рукой. Кому

он махал: то ли мне, то ли своей любимой девушке, или нам обеим – этого я не знала. Мишка залаял и рванулся за девушкой, почти повалив меня на песок, – он тоже узнал Дэна и хотел с ним поздороваться. С противоположенной стороны волейбольной площадки ему басом вторил Снор. На нас глазел весь пляж.

Я пока не плакала. Левый бок сильно кольнуло и не отпустило; во рту застрял комок, и я никак не могла его проглотить. Стараясь не держаться за болевший левый бок, я медленно распрямилась и шепотом подозвала Мишку. Ветер трепал мою короткую светлую юбку, обнажая ноги. Я ступала прямо, все еще улыбаясь и чувствуя тягучую боль в сердце, никак не желавшую отступить. Я поднялась по ступенькам наверх к набережной, покидая пляж. Лоб покрылся капельками холодного пота. Я чувствовала, что кровь отходит от моих щек; наверное, я могу потерять сознание, – вдруг дошло до меня. Я остановилась у питьевого фонтанчика и долго жала на кнопку, обливая себя прохладной водой. Мишка крутился у моих ног, пытаюсь заглянуть мне в глаза. Я потрясла головой, приходя в себя. «Мишка! – позвала я, и не узнала свой голос: так хрипло и надтреснуто он звучал. – Пошли обедать, а? Что ты на это скажешь?»

Мишка все так же терся у моих ног, жалобно поднимая вверх свою рыжую мордочку. Я взяла его на руки и пообещала, что со мной все будет в порядке. Мы отправились в ресторан на пирсе, так манивший меня утром. Сейчас есть мне совсем

не хотелось. Заказав жаркое для Мишки и вино для себя, я уселась за столиком снаружи. Отсюда было хорошо видно «Флибустьера», качающегося на волнах напротив широкого золотого пляжа. Мишка под столом грыз принесенные ему молодым официантом косточки; его жаркое остывало на столе. «Если бы не ты, Мишка, – думала я, – как чертовски тоскливо было б мне здесь торчать...» Было три часа дня. На меня поглядывали проходившие мимо мужчины: я одиноко сидела за столиком, загоревшая, в топике и коротенькой юбочке, с бокалом красного вина в одной руке и телефоном в другой. Черные очки скрывали моё лицо – я горько плакала. В пришедшей эсэмсэке было написано: «Прости меня, Дина. Я люблю другую. Дэн»

Глава двенадцатая. Монтерей

Лена легко, от бедра, двигалась по белому песку пляжа, заставляя как мужские, так и женские головы поворачиваться ей вслед. Её прозрачная блуза ничуть не скрывал абсолютно плоский живот с хорошо прорисованными мышцами. Короткие шорты красиво облегли бедра и позволяли любо-

ваться длинными загоревшими ногами. «Если она и меняется, то только в лучшую сторону», – удовлетворенно констатировала я и помахала ей рукой. Она широко, по-голливудски, улыбнулась, и почти пропела: «Ну, привет, Динуля!» Мы обнялись. Она чуть отстранилась, осмотрела меня с ног до головы и вынесла приговор:

– М-да... Хороша, как дикая девушка пампасов! Волосы срочно подстричь, – ты посмотри, какие концы сухие! Цвет мне нравится, чисто калифорнийский «блонд», за такой многие женщины голову откусят! Загар просто волшебный. Но какая сухая кожа! Ты с ума сошла! А синяки!

– Синяки не тронь, это-святое! Настоящие украшение современной дамы! – заявила я, защищаясь. Я и правда хорошо приложила плечом о румпель во время неожиданного шквала еще в заливе Сан-Франциско.

Лена была владелицей салона красоты: она сама когда-то делала массаж и глубокую чистку лица, и сумела со временем открыть свое дело. Впрочем, это и не удивительно: она была лучшей ходячей рекламой своей продукции и услуг. В свои сорок пять Лена выглядела максимум на тридцать, и даже две беременности совершенно не испортили её фигуру. Дети её были уже большими; она была разведена и давно встречалась со спортсменом-теннисистом, который был лет на пятнадцать её младше. Их совместные фотографии неоднократно появлялись в спортивных журналах: в свое время Лена профессионально занималась горными лыжами и аль-

пинизмом, а потом увлеклась бодибилдингом и последние годы удачно выступала на соревнования. Кроме обычных медалей, она постоянно получала приз зрительских симпатий: несмотря на мышцы, она оставалась очень гармоничной и женственной. Её теннисист был известным красавцем, и от него сходило с ума как минимум треть женского населения Калифорнии. От Лениных же кошачьих глаз и сильной грации абсолютно все мужики на глазах глупели и были готовы пойти на всё ради одного вечера в ресторане. Глаза у Лены были необыкновенные: раскосые, удлинённые и отчаянно голубые, в обрамлении темных теней, как у сибирской хаски. Даже Мишка, встретив Лену, вначале попробовал привычно зарычать на незнакомого ему человека, но вместо этого как-то сконфуженно закрутил хвостом и позволил себя погладить, заморожено глядя в её лицо. «И ты, Брут!» – подумала я, в который раз восхищаясь Лениными чарами.

Лена жила совсем недалеко от набережной Монтерее. Она снимала небольшую уютную квартиру с видом на Старый город. Больше всего мне нравилась её ванная комната : огромная, в пол квартиры, с коврами, шкафчиками, зеркалами, пуфиками и мраморной столешницей. Сама ванна стояла посередине всего этого великолепия в самом центре комнаты, кокетливо зияя эмалированной белизной. Лена пустила туда воду, зажгла свечи и включила медленную музыку: «Расслабляйся, Динуля! Я пока ужин приготовлю». Второго приглашения мне не требовалось. Пять минут спустя я сдува-

ла с ладоней пушистую пену и думала о том, что все-таки очень хорошо иметь вот такую ванну, большой телевизор, тренажерный зал с бассейном. Моя идея пересечь Тихий океан на самодельной крошечной лодке на секунду показалось мне абсурдной и почти клинически нездоровой...

Лена запекла в духовке рыбу с овощами, наполняя кухню запахом специй, привезенных с Греции. Я достала из рюкзака бутылку её любимого Киндзмараули, купленного заранее в русском квартале Сан-Франциско. Мы чокнулись за встречу и с удовольствием выпили.

– Как всегда, божественно, и как всегда, не к рыбе, – засмеялась Лена, – ну рассказывай, как ты докатилась до жизни такой? Вся в синяках, в глазах печаль... Как на личном фронте?

Я рассказывала, вздохнув и перескакивая с одной темы на другую, запивая свои переживания грузинским нектаром. Лена с состраданием посмотрела на меня после упоминания о Санта-Крузе и четко сказала: «Вот козёл!». Расслабленная теплом и пьяная от вина, я только пожалала плечами: мой океанский вояж к Монтерею длиной всего в двадцать миль отодвинул Санта-Круз в прошлое, но притупившаяся боль все же ржавым гвоздем засела в моём каком-то надорванном сердце.

– Ты знаешь, Лен, – начала я, воодушевленно думая о том, что я дошла на своём кораблике до самого Монтерея, – на «Флибустьере» просто невозможно хмуриться или там

плакать. Вокруг синева такая, дельфины плещутся, выдры на спине плавают, я под парусом лечу, аж дух захватывает. Мишка во все глаза на птиц таращиться... С Дэном было так хорошо... Он был мне таким хорошим другом... Просто он любит эту свою барышню. Она, наверное, его позвала в Санта-Круз на выходные, вот он и забыл все на свете, помчался к ней. И эта ночь... Просто глупо так получилось...

Неожиданно для себя я не выдержала и расплакалась. Я все еще ощущала прикосновения Дэна к своей коже, чувствовала его запах, и моё сердце отказывалась признавать, что я никогда больше не увижу его восхищенные глаза, не поцелую склонившийся надо мной голый торс... В этот момент я точно знала, что если Дэн попросит меня вернуться к нему, – я вернусь. Я так тосковала по нему, что готова была растоптать всю свою гордость, но только видеть его, дышать с ним одним воздухом. Я жалобно попросила:

– Лен, я его люблю, просто без памяти люблю... Забери у меня телефон... А то я сейчас напьюсь, и стану ему названивать...

– Ну, уж нет, так дело не пойдёт, – решительно сказала она, кладя мой телефон к себе в сумочку, – Вот так. Ты у нас девушка с принципами, по чужим сумкам шарить не будешь... И вообще, Дин, ты знаешь, эти ваши эсэмэски – это чушь какая-то. Он же просто трус! Не мог даже позвонить, объясниться, не говоря о том, что бы встретиться, поговорить с глазу на глаз. Что за мужики пошли! И потом, что у

вас общего? Ты же вон у нас какая лягушка-путешественница! Как ты себе представляла ваш дальнейший роман? Ты что, звонила бы ему, мол, давай, прилетай ко мне на Таити, я тут на якоре стою, загораю да мемуары старых пердунов перевожу...

Неожиданно для себя я расхохоталась. Идея с Таити мне понравилась. Ленка, как всегда, была права. Она продолжала:

– Ты его хоть раз брала с собой на «Флибустьер»? Хотя нет, куда, на крышу? У тебя ведь лодка такая маленькая! Откуда вообще идея эта сумасшедшая идея взялась – одной, на крошечной лодке?

– Давняя история, – отмахнулась я. – Ты помнишь Макса? Лена кивнула, сразу помрачнев.

Сережа Максимов, по прозвищу Макс, был моим партнером по связке на Кавказе. Он погиб: веревку перебило осколком скалы, которая должна была быть нашей страховочной станцией. Меня тогда отшвырнуло в сторону и, сплюснув лодыжку, зажало между этим осколком и основной стеной. Мне повезло: Макс, который шёл первым, протянул мой страховочный ус на основную стену. А вот свою страховочную станцию он оформил в виде петли вокруг злосчастного скального уступа. Этот уступ оторвался и сбросил его вниз... Вережка, размотавшись на все пятьдесят метров, так и не сумела его задержать: она была перебита на другом конце, там, где меня, пристегнутой вторым усом, прижало к стене... Так

вот получилось, что Макс обо мне подумал, подстраховал по правилам, а про себя забыл.

– Я после этого не могу иметь партнеров ни в одном таком скользком деле, – объясняла я Лене свою страсть к одиночному плаванию, – Я просто больше не переживу ничего подобного. Я столько раз винила себя за то, что не проверила его страховку, не защелкнула его. Ты знаешь, он ведь такой тёртый калач был, опытный, мне даже и в голову не приходило...

– Да понятно, – сказала Лена, – он знал, что делает, часто соло⁸ лазал: ему все эти страховки лишним чем-то казались... Ты просто его не знала совсем.

Лена с кучей медалей уже уходила из альпинизма, когда я стала только-только выбираться в горы. Естественно, она была знакома со всеми моими первыми учителями и партнерами. Она посмотрела мне прямо в глаза:

– Если честно, я вообще приятно удивлена, что он тебя на вторую страховку поставил. Партнеров, значит, берег Макс, а вот себя – нет, царство ему небесное...

Мы молча, не чокаясь, выпили за Макса.

Лена рассказала мне пару забавных случаев из жизни своих многочисленных поклонников, и постелила мне на диване в большой комнате. Мишка осоловело крутил головой и пытался понять, где я буду спать. Приняв правильное решение,

---

⁸ Скалолазание в одиночку, без страховки и партнеров. Отличается от верёвочного соло – с верёвкой, снаряжением, но без партнёра.

он улегся на свежестеленные простыни и удовлетворенно засопел. Еще раз позвонив Сережке на мобильный с уточнениями Ленинского адреса, я попросила его взять Мишку с собой в Сакраменто. Измученный океанской жизнью щенок явно нуждался в отдыхе. Сережка тут же сообщил Альме о готовящейся поездке; Альма обрадовано твякнула в телефон. Я пожелала им спокойной ночи, накрылась пушистым одеялом и тут же провалилась в глубокий сон.

Глава двенадцатая. Катюшка

– Щерба!!! Уходим! – крик звенел у меня в ушах, отскакивал от стен Лениной квартиры. Я не спала, а витала в каком-то полусне. Где-то на грани между сном и явью я позволяла картинкам из моей юности раскручиваться, кадр за кадром, словно фильм. Я видела, как Щерба обернулся на крик, – Вован уже бежал, поминутно оглядываясь. «Какого хрена!» – Щерба бросился вслед за ним. Их темные долговязые фигуры нырнули в просвет между гаражами и скрылись в кустах. Мы с Димкой почти их нагнали. Я неслась первой,

держа железный брус наперевес; Димка тяжело бежал сзади, сжимая пистолет в кармане куртки. Я, проводив глазами застрявшего в кустах Щербу, кивнула Димке: давай сам, и, развернувшись, побежала в сторону подъезда.

Паша не стонал. Он лежал на боку, неестественно вывернувшись всем телом, и прижимал руку к животу. Изпод пальцев сочилась кровь. Широко открытыми глазами он смотрел куда-то в пространство, и, казалось, думал о чём-то своём. Убили, – подумала я, и скользнула вниз, к его лицу. Он медленно перевел на меня глаза, – мне стало так страшно, что я не нашлась, что ему сказать. Он запаха и вида крови меня мутило. Не придумав ничего лучше, я сбросила с себя кофту и, скатав её в комок, сунула под окровавленную Пашкину руку, чтобы остановить кровь. Казалось, что руку свело судорогой, я едва смогла втиснуть под неё кофту. Скорая помощь! Я бросилась в подъезд. Катюха, вся растрепанная, жала на кнопку звонка первой квартиры справа, одновременно бухая кулаком в дверь. Я стала звонить в соседнюю дверь, но никто не открыл. Я бросилась на второй этаж.

–Кто там? – дребезжащий старушечий голос поинтересовался из-за двери.

Я взяла себя в руки. Если старуху испугать, она откажется открывать. Все боятся бандитских разборок.

–Извините, пожалуйста, мне нужно срочно позвонить в скорую помощь, внизу человеку плохо.

–Стойте там, я сама позвоню в скорую... А что с ним?

–Упал, наверное, голову разбил, кровь идет... Очень приличный мужчина, я его знаю. Он умирает, звоните, пожалуйста, быстрее!

Старушка поворчала, но все-таки позвонила в скорую помощь. Пашку быстро увезли. Приехавший врач позвонил в милицию, сообщив об огнестрельном ранении. Милицию, впрочем, эта история не особо заинтересовала. Катерина дала показания, не упоминая ни словом о Воване. По её версии, пробежали два незнакомых ей парня, один за другим, второй выстрелил в первого и случайно попал в проходившего мимо Пашку. Милиционеры сделали вид, что поверили. Осмотрев место происшествия, они сели в УАЗик и уехали.

Катюшка сидела на ступенях и молча плакала. Я села рядом с ней. Она подняла на меня свои прозрачные глаза: в их глубине отражалась вся её боль и отчаяние. На правой скуле расплзался фиолетовый синяк.

–Больно? – спросила я ее.

– Нет, – качнула головой Катюха.

–Поедешь к Пашке в больницу?

–Нет...не сейчас...– она пошевелила обтянутой чулком ступней и сморщилась от боли.

Внизу у крыльца отыскалась её туфля. Каблук был сломан. Я помогла Катюхе надеть куртку, сунула в ее безвольную руку раскуренную сигарету, и принялась отбивать каблук у второй туфли. С размахом я колотила ей по асфальту, зло и со всей мочи разбивая неподдающийся каблук в щеп-

ки, пока он не отвалился. Катя молча курила; по её щекам опять потекли слезы.

– Давай, Кать, пошли, – сказала я, прикрывая волосами её расцветченную скулу.

Она держалась молодцом, старалась идти прямо, но все же напоминала куклу, набитую ватой: словно из нее кто-то высосал все соки, и ничего не дал взамен. Идти ей было явно тяжело, и она крепилась из последних сил.

Дома, усадив Катюху в теплую ванну, я налила ей водки и заставила выпить. Она порозовела, тихонько поскуливая, стала ощущать лицо.

– Точно решила, что в милицию не будешь подавать? – на всякий случай спросила я.

– На кого? – вдруг закатилась она смехом, – На хахалю бывшего?

Она с истерично, взхлеб смеялась, и никак не могла остановиться. Я протянула ей сигарету. У нее лязгали зубы, она долго не могла затянуться, а потом как-то разом вошла в ступор.

– Кать, Катюш? – позвала я.

Она снова заплакала, непонимающе глядя на меня своими прозрачными глазами:

– Я ему: Володечка, не надо, Володечка, не надо...

Она снова вскинула на меня глаза, потемневшие от злости:

– Динка.. какая же я дура, Дин...

Я тихонько сжала ее руку. Так лучше. Злая Катюха – это намного лучше, чем тряпичная безвольная кукла.

Стрелял в Пашку Катюхин «бывший хахаль» – Вован. Он был коренным пермяком. В Екатеринбурге Катюшка так и не поступила в университет и записалась на курсы бухгалтеров. Как оказалась, выбор она сделала отличный, и уже через полгода получала во много раз больше выпускников филфака. В Перми, соседнем с Екатеринбургом уральском городе, от тетушки ей досталась «однушка» рядом с Центром. Переехав в Пермь, она тут же познакомилась с этим высоким, в хорошем прикиде, парнем, подсевшем к ней баре. Вован уже тогда был при деньгах, промышлял куплей-продажей и держал пару хороших ларьков у вокзала. Соображал он быстро, наркотой не злоупотреблял и ездил на пежо. Парень он был нежадный, и Катюшка вскоре стала носить самые модные сапожки и кожаные курточки. Одевал он ей согласно какому-то дворовому коду, так что даже в самые темные часы он могла смело щеголять в золотых сережках и норковых шубках, – без страха остаться с разорванными мочками и быть раздетой. Вован какими-то хитросплетениями помог ей выменять тетушкину «однушку» на трехкомнатную квартиру в соседнем доме, правда, бывшую коммуналку, требующую ремонта. Словом, из нас, пятерых подруг, Катюха одна жила, как тогда говорили, «на мази и в шоколаде».

Скучала я по ней ужасно. Вместе с Катюхой ушли в небытие совершенно бессовестные спектакли, которые мы разыг-

рывали с тем, чтобы попасть в её закрытую общагу в ночные часы, после дискотек или пирушек. Для этого мы зачастую подбивали на мелкое хулиганство моего знакомого врача на «скоряке», который хмурился, но соглашался нам помочь. Во время своего дежурства он подвозил нас к общежитию и включал все мигалки машины скорой помощи, чтобы сердитая дежурная тетя Фаня тут же прониклась важностью момента. Это всегда срабатывало. Катюха почти выносила меня, бледную и державшуюся за сердце, из машины и звонила в дверь. «Что, Дин, опять плохо?» – хлопотала обычно неприступная тетя Фаня, поддерживая меня за локоть и вызывая нам лифт. Как только дверь лифта перед ее носом захлопывалась, мы начинали безудержно корчиться и шипеть от смеха, закрывая ладошками рты, пока не въезжали на свой восьмой этаж. Там-то мы смеялись во всю глотку, без страха быть разоблаченными.

Скучая, я не раз приезжала к Катюхе в Пермь. Она мне выделяла отдельную комнату, и я бродила по бесконечным пермским паркам, выходила к Каме, как-то раз даже на речном трамвайчике добралась до прозрачных вод и песчаного пляжа курортного пригорода. Но главное, что я познакомилась с Катюшкиными новыми друзьями, и наши шумные эпопеи в ресторанах пермской Набережной волновали воображение оставшихся в Екатеринбурге подруг. Я тогда хорошо узнала Катюшкиного Вована. В моих глазах он был откровенным бандитом, от которого следовало держаться подальше.

Катерина же была влюблена в него, как кошка. «Я все понимаю, – говорила она мне, – ну ведь детей мне с ним не рожать! Ты посмотри, какой он сексуальный. Не мужчина – жеребец! Он же только прикоснется ко мне, у меня соски сразу набухают, вот так!» – и она, смеясь, показывала величину своих набухших сосков. Он и вправду был мачо, жесткий и самоуверенный, и именно поэтому я относилась к нему с неприязнью. Он, скорее всего, отвечал мне взаимностью. Я не раз ловила не себе его подозрительный взгляд, словно он не совсем доверял моей особе.

Со временем наши с Катюшей встречи становились все более редкими, – я встретила Дениса. Упиваясь своим счастьем, я рассказывала Катюшке по телефону о наших восхождениях по Уральским горам, о сплавах по реке Белая в Башкирии, о красотах Сибири... Вся моя жажда приключений и новых встреч, ранее питаемая бесконечными тусовками и шатаниями по ночному городу, нашла новый и неиссякаемый источник в виде Дениса. Я его боготворила. Он, казалось бы, знал абсолютно все: он мог вывести по компасу в любую метель, проходил сложные карнизы на скалах... Ко всему прочему, он был потрясающей умницей и работал программистом. Так как он свободно изъяснялся на английском, его взяла на работу совместная русско-американская компания. Денис работал над отдельными проектами по контракту и прилично зарабатывал. Найдя во мне верного партнёра и любящую женщину, он, недолго думая, сделал мне предло-

жение. Вскоре мы поженились, и у нас родился сын Алёшка.

Катюха все так же была с Вованом. Высокая и стройная, она походила на портреты царевен с византийских мозаик: те же огромные глаза, маленький чувственный рот, округлый подбородок. Густые каштановые волосы волнами доходили ей до поясицы; у ней была очень развитая грудь и стройные бедра. Парни всегда увивались за ней, но к Вовану она была привязана всей душой. Хотя по телефону со временем Катюшка мне стала говорить, что он стал напиваться до бессознательного состояния, и тогда он становился очень агрессивным: хватался на нож, орал, лез в драку... Она стала жаловаться, что Вовчик в очередном загуле ей изменил, а когда она пробовала возмутиться, то ей же и досталось по первое число. Разговоры по телефону у нас были короткие, словно Катюха избегала говорить на эту тему. Наверное, она уже тогда хотела уйти от Вована, но боялась. Но все вдруг изменилось, когда на её горизонте нарисовался Пашка. В моем телефоне Катюшкин голос звенел от радости, когда она потребовала: «Приезжай! Ты мною будешь гордиться!» После короткого семейного совещания я, скрепя сердце, оставила своего двухлетнего сына и мужа и поехала на неделю в гости.

Пассажирский поезд Екатеринбург-Пермь номер шестьдесят семь едет десять часов. Если садишься на вечерний рейс, то на вокзал прибываешь в восемь утра, – очень удобно. На таком ночном рейсе я в очередной раз прикатила погостить в Пермь, ожидая увидеть на вокзале свою подругу.

Но Катюшка меня встречала не одна. Рядом с ней на перроне стоял эдакий вальяжный господин в хорошем твидовом костюме. Аккуратная шкиперская борода, сильный торс... не хватало только трости да шляпы для полного совершенства. Павел, – представился он, мягко пожимая мне руку. Мне захотелось сделать книксен. Я ошарашено посмотрела на Катюшку. Она держалась с Павлом очень уверенно, совсем как законная супруга. Мне это очень понравилось. Легко подобрыв мой чемоданчик, Паша двинул в сторону парковки. Мы, лавируя между людьми и поминутно теряя друг друга, бросились за ним. Я пантомимой показывала свое восхищение Катиным выбором: мышцы, походка, борода... Она показывалась со смеху.

На парковке Паша галантно открыл дверцу машины, пропустив на водительское сидение Катюху. Мне он предложил заднее сидение, а сам устроился на переднем пассажирском. Катюха бросила на меня быстрый взгляд в зеркало заднего вида и подмигнула. У меня, наверное, был совершенно ошарашенный вид. Водить машину я тогда еще не умела; вид Катюхи за рулем вызвал у меня неподдельное восхищение.

Меня поселили в той же комнате, что и обычно. Правда, квартира была уже отремонтирована: новая сантехника, новая кухня и евроотделка. Кухня теперь соединялась аркой с большой комнатой, еще дальше раздвигая перспективы полнометражной «сталинки». В то утро Катюха вскоре уехала на работу, Паша приготовил нам по коктейлю, и стал пока-

зывать мне на компьютере фотографии шикарного дома, который он планировал купить. Дом стоял в пригороде Перми, над устьем речушки в еловом бору. Судя по его словам, места там были просто сказочные. Мы решили, что непременно съездим на шашлыки к этому месту. Про работу я его не расспрашивала: судя по всему, безденежьем он не страдал. За завтраком он выпивал пару коктейлей, но за руль никогда не садился. Утром он обычно сражался в видеоигры, а после полудня уезжал на такси, или за ним кто-то заезжал. Вечером возвращавшаяся с работы Катюшка забирала его с очередной деловой встречи. Ежедневные возлияния во время бизнес-переговоров были, очевидно, нормой. Впрочем, надо признать, пьяным я Пашку не видела никогда. К вечеру он краснел, как-то тяжелел, но речь у него всегда была четкая, а маленькие колючие глазки не давали усомниться в трезвой оценке всего происходящего.

Паша был из «профессорской» семьи, – так Катерина обозначила социальную иерархию. Его родители выбор не одобряли, считая, что Катюша была ему не пара. Он же ее просто обожал. Вместе они смотрелись абсолютно потрясающе. На каблуках она была намного выше его, и ее модельные формы придавали классическому Пашкиному стилю неотразимый шарм. Они выглядели по-журнальному богато, когда время от времени выбирались на какие-то презентации в сногшибательно отделанных зданиях с усиленной охранной. С независимой и красивой Катюшкой Пашка выиграл джек-пот и

был достаточно умным, чтобы это осознавать. Вована Катя и не вспоминала. Может, он и пытался с ней поговорить, вернуть прошлое, но Катюшка ничего не рассказывала. Я же, радуясь за подругу, больной темы даже и не касалась. Правда, до поры до времени.

Как-то вечером, возвращаясь к Катюшке после очередного набега на выставку-продажу духов и косметики, я услышала знакомое: «Дина! Пойди сюда!» Я остановилась. Черная тень отделилась от забора и, воровато озираясь, двинулась в мою сторону. Я немедленно узнала Вована и нехотя остановилась. С какой это стати ему не терпелось со мной побеседовать? Я с тоской посмотрела на подтаявшие пельмени, которые я собиралась подать под острым «зеленым» соусом: сметана, хмели-сунели и много-много укропа... На следующий день я должна была уезжать, и мне хотелось порадовать Катюку нашим студенческим праздничным «фирменным» рецептом. По времени, Катюка с Пашей должны были вот-вот поставить машину на парковку и подходить к дому.

– Слушай, Вов, мне идти надо, мне сейчас звонить будут, межгород..., – сказала я миролюбиво.

Вован приблизился и быстро заговорил, обдавая меня водочным запахом:

– Динка, будь другом, поговори с Катюкой? Я знаю, она меня, – он стукнул себя в грудь, – меня, понимаешь, любит! А не это чмо, облако в штанах. А я её знаешь как сильно

люблю? Ты понимаешь это, ты?!

Его голос сорвался в крик, и он грязно выругался.

Я спросила:

– Ты чё на меня-то орёшь? Я, что-ли, виновата, что у вас что-то там не срослось?

Подойдя еще ближе, он зашипел:

– А может, и ты! Сказки ей по телефону про райскую жизнь кто рассказывал? За программиста мы, видишь ли, замуж вышли. А я теперь кто, хрен собачий? Только здесь, – он, качнувшись, обвел двор рукой, – в Перми по понятиям живут! Сечёшь? Ты же вообще с Крыма, ты вообще не шарьшь, и не при делах типа, да?

Всё, подумала я, надо брать ноги в руки и бегом от этого любителя Маяковского. Я развернулась и быстро пошла прочь, в сторону магазина: мне надо было еще купить овощей. Вован все еще стоял на месте и крыл меня отборным матом. Суда по всему, преследовать меня он не собирался, но Катюха с Пашкой могли на него натолкнуться. Стоя в очереди, я решила, что Вован был как-то уж очень возбужден, как будто под кайфом. На всякий случай я решила позвать на помощь соседа по площадке Диму. Он был нашим ровесником, и мы несколько раз вместе пили пиво и смотрели фильмы по видеку. Позвонив в его дверь и швырнув сумки на пол, я быстро объяснила Димке, что нам обязательно надо встретить Катюху и Пашку: за гаражами какая-то шваль пается. Дима внимательно посмотрел на меня, быстро спро-

сил, где именно пасется эта шваль, и достал из ящика стола пистолет. Сказал, что Катя недавно вроде бы вышла из дома, он слышал, как она с кем-то ругалась. А вот Пашки еще нет... И тогда мы услышали крик...

...Пашка пролежал в больнице около месяца. Я осталась с Катюшкой еще на неделю, и мы каждый день его навещали. Он медленно, но верно шёл на поправку. Потом я уехала. Катюшка вначале звонила мне каждый день, сообщая последние новости, а потом куда-то пропала. Однажды в моей свердловской квартире раздался междугородний звонок: Пашка слабым голосом поинтересовался у меня, не знаю ли я, где может быть пропадать его Катюшка. Я догадывалась, что происходило, но вида, конечно, не подала. В конце концов, это её жизнь, и ей решать, за кого замуж идти. Но Катя всё же оставила Вована и вернулась домой. Через два месяца она позвонила мне на работу, плача и причитая про свою тяжелую бабью долю и злодейскую любовь к Вовану; оказалось, что Катюшка от него забеременела.

После всех этих событий Пашка сначала вообще пропал на месяц, потом приехал к Катюшке на работу и устроил ей допрос с пристрастием. А когда узнал, что Катюшка беременна, то потребовал сделать аборт. Катюшка плакала и наотрез отказывалась, опасаясь, что никогда больше не сможет родить. Тогда Пашка ушел, и, казалось бы, насовсем. А её спрашивала: ну зачем горячку пороть? Может, это еще и Пашкин ребенок, он же вот все время с тобой был, подума-

ешь, в больнице месяц лежал.. Она грустно качала головой: да нет, не получается. Ребёнок был Вована.

Беременность, похоже, проходила без осложнений. По телефону Катюха мне клялась, что не курит, ест витамины и кушает творог в двойном количестве. Ближе в седьмому месяцу ее положили в больницу на сохранение. Никаких особых осложнений не было. Катюшка разродилась щекастым и крикливым мальчуганом. Назвали его Сережей, в честь бабушки, Катюхиного отца.

Молодая мама постоянно плакала. Врачи говорили, что это пройдет. Говорили, что у неё послеродовая депрессия, и скоро она полюбит малыша, будет рада его кормить. Но депрессия затянулась. Через три недели Катюха наотрез отказалась подходить к орущему сыну, перестала менять пеленки. Появившийся вновь на горизонте Пашка стал поговаривать о Доме малютки. Я проводила с Сережкой всё свое время, помогала Катюхе, как могла, и сама мысль о том, что я никогда больше не увижу это такое дорогое моему сердцу сморщенное красное личико, казалась мне невыносимой. Поняв, что дело и вправду идет к отказу от Сережки, я позвонила Денису, и мы решили забрать его себе. Съездив домой и еще раз хорошо обсудив это решение с мужем, я вернулась в Пермь за нашим вторым сыном. Паша с видимым облегчением помог мне быстро повернуть все необходимые формальности, и Сережка стал официально именоваться Сергеем Денисовичем Вершининым.

С Катериной мы поначалу созванивались, а потом как-то всё сошло на нет. Я её не беспокоила, считая, что ни одна дружба не стоит благополучия маленького человечка. Со временем я стала тревожиться о том, что Катюха придет в себя и начнет требовать сына обратно. Алёшка тем временем стал частенько покашливать, и врачи сказали, что ему надо менять климат, иначе дело может перейти в хронический бронхит. Мы всей семьей вернулись в Ялту, к моим родителям, и я навсегда вычеркнула из жизни грехи нашей бесшабашной молодости. Советский Союз как раз распался, и квартиры в нашем провинциальном крымском городке можно было купить довольно дешево. Вскоре мы съехали от родителей и зажили отдельно. Алёшка больше не кашлял. Я продолжила жизнь молодой мамы и одновременно молодого специалиста, подчас с удивлением вспоминая то время, что так безумно прожигали мы с Катюхой. Сейчас времени мне катастрофически не хватало даже на шестичасовой сон. Но моё прошлое, казалось, безвозвратно ушло, осталось позади в засыпанных снегом уральских городах. словно они существовали в моём сознании только для того, чтобы подарить мне Дениса, Алёшку и Сережку; про остальное я совсем позабыла.

Глава тринадцатая. Штормовое предупреждение

Не желая портить жуткими домыслами чудесное утро, я решила держать свой полусон-полувоспоминание в секрете и все как следует обдумать по дороге в Сан-Симеон. Мы с Леной целый день бродили по Монтерею, сходили в аквариум, посидели в кафе за столиками на террасе, где готовили

настоящие французскую выпечку. Сережка, Марина и собаки вначале составили нам компанию, а потом уехали с ночевкой к океану в заповедник: они заранее подготовились и привезли с собой из Сакраменто палатку, спальники и замаринованное мясо на шашлыки. Так что мы с Леной устроили себе маленький девичник. Вечером она отвезла меня к набережной и проводила до пляжа. «Флибустьер» подпрыгивал на волнах, как буюк, я и еще раз подумала о том, что спать на таких качелях было бы просто ужас как некомфортно. Поблагодарив Лену за гостеприимство, я накачала свою байдарку и двинулась к нетерпеливо натягивающей якорную цепь яхточке.

Надо было еще раз проверить правильность курса, подготовить бутерброды и чай в термосе: нам предстояло пройти путь в восемьдесят миль до Сан-Симеона. По радио передали прогноз на завтра: усиливающийся ветер после четырёх часов пополудни с порывами до двадцати узлов в час. К этому времени я уже должна была обогнуть коварный мыс Сёр, скалистыми островками выдающийся в океан. Около этого мыса ветер всегда крепчал и гнал сильную волну, разбивающуюся о прибрежные скалы. После этого мыса береговая линия забирала больше на восток, и вечерние волны, по идее, должны толкать «Флибустьера» в корму, а не в борт, – рассуждала я. В целом, предо мной был предпоследний и самый сложный отрезок пути.

Я вышла в два часа утра. Ориентируясь по подсвеченны-

ми буйкам, я под мотором обогнула мыс Пинос и отправилась курсом на юго-восток, в открытый океан. Пройдя миль пять под одним люгером, я развернула «Флибустьера» курсом вдоль берега, и добавила геннакер – большой передний парус из легкой ткани, больше похожий на кайт. Моя яхточка полетела под легким бризом, дующим с северо-запада. Мы шли в полный багштаг, самый благоприятный курс относительно ветра, когда паруса наиболее эффективно наполняются ветром. Создавалось ощущение, что кораблик буквально мчится над волнами. «Флибустьер» лег на борт и ровно шел в этом положении, ничуть не раскачиваясь на волнах. Какая прелесть, – думала я, ставя кофеварку на газ.

«Флибустьер» управлялся автопилотом, и я лишь изредка сверяла наш курс с курсом на электронном навигаторе. В очередной раз высунув голову из каюты: нет ли поблизости рыбацких баркасов с их далеко выставленными сетями, я увидела на горизонте огромное белое пятно, по форме напоминающее яхту под парусами. Но для яхты размеры были просто гигантскими, и «паруса» больше походили на мираж: они растворялись в воздухе, чтобы через минуту появиться вновь. И тут я поняла: это кит! Это – огромный кит, и он приближается к «Флибустьеру»! Никогда раньше я не видела этих гигантов. Он выбрасывал в воздух огромный столб воды каждую минуту или две, и она разлеталась, фонтанируя, белым паром, как фейерверк. «Боже мой!» – только и могла я произнести. Пытаясь понять, куда устремляется кит,

я прикидывала его скорость. Он шёл быстро, примерно как хороший моторный катер, и я, уступая ему дорогу, сильно вильнула в сторону берега, почти закрутив разом сдувшийся геннакер вокруг рейка люгера.

Совсем неожиданно кит вынырнул из воды совсем рядом, метрах в сорока от лодки, и, показав блестящую округлую спину цвета какао, резко ушел вниз! Огромный хвост взвился почти на высоту мачты «Флибустьера»; я стояла, разинув рот, не дыша. Кит ушел на глубину. Перед моими глазами встала картина из фильма ужасов: кит подныривает и поднимает мою лодку на свою спину, выныривает и сбрасывает её вертикально вниз! Прошло несколько долгих минут. Он больше не появлялся. Выправив геннакер и выставив «Флибустьера» на правильный курс, я не рисковала уходить надолго из кокпита, высматривая вертикальные фонтанчики на горизонте. Я немного разнервничалась. Не поверни мы вовремя в сторону берега, и этот кит мог и вправду поднять над водой своим мощным телом мою лодочку или отшвырнуть её гигантским хвостом, как игрушку.

Киты и крупные суда, по статистике, – это самая большая опасность для одиночного плавания, когда нет возможности нести постоянную вахту. Да и не только... Год назад в районе Кабо Сан Лукас⁹ кит протаранил и потопил двенадцатиметровую яхту, – говорят, она ушла под воду всего за шесть минут!..

---

⁹ Популярный курортный город на побережье Тихого океана в Мексике.

По самым скромным подсчетам, в тот день я видела с полдюжины фонтанирующих млекопитающих. Позже я узнала, что это была стая мигрирующих на юг китов, о передвижении которых сообщалось по радио, и я по какой-то причине пропустила эти сообщения. Радио в тот день преподнесло мне еще один сюрприз. Не смотря на обещанные порывы до двадцати узлов, в десять часов утра стали передавать усиление ветра до тридцати узлов, а потом вообще и штормовое предупреждение. Я к этому времени была в десяти милях от коварного берега. Между Монтереем и Сан-Симеоном нет никаких бухточек- укрытий кроме одной, к которой мне пришлось мы идти лагом к волне, борясь за каждый метр и рискуя быть выброшенной на скалы. Двигаться дальше к Сан-Симеону представлялось мне наиболее верным решением.

Нас по-прежнему сопровождали дельфины. Потом очень долго рядом с нами плыл морской лев. Он выныривал из воды, явно рассматривая меня и «Флибустьера» и совсем почеловечески отфыркивался, чтобы вновь уйти под воду. Его блестящее тело скользило параллельно лодке, в трех метрах от нас, его усатая мордочка повернута в нашу сторону. Я подумала, что совсем ничего о них не знаю: как далеко они могут отплывать от берега? Может быть, он потерялся, а теперь ищет любой буюк или островок, чтобы передохнуть... Мне вспомнились яхты, стоящие на монтерейском приколе: часто они были сплошь обвязаны сетями, чтобы морские львы

не могли на них запрыгнуть. Были случаи, когда оставленные ненадолго лодки были затоплены этими любителями погреться на солнышке на каком-нибудь буйке, лодке или пирсе... Но мой спутник просто молча сопровождал меня, словно соревнуясь в скорости с «Флибустьером». Под парусом, без акустического вмешательства в подводный мир мы, наверное, представлялись ему каким-нибудь странным животным, плывущим на теплый юг.

Ветер начал усиливаться в два часа. Именно в это время мы проходили мыс Сёр. Даже в десяти милях от мыса чувствовалась его мощь: волны запенились белыми барашкам, а ветер усилился узлов на пять. Для легкого геннакера это было слишком. Я уложила огромный парус в специально сшитый мешок, и подумывала о том, что скоро придется брать рифы на люгере. Но пока яхточка слушалась руль, и, похоже, хорошо переносила усиливающийся ветер. Обогнув мыс, «Флибустьер» повернул дальше на восток, идя параллельно береговой линии. Волны теперь накатывали на корму; мы скользили вниз, набирая скорость, и легко забирались на гребень, чтобы снова скатиться вниз. Скорость лодки была небывалая, в шесть узлов: «Флибустьер», несмотря на все законы математики, двигался со скоростью, превосходящую положенную по всем формулам для лодки такого размера и веса... Я умом понимала, что надо брать рифы, потому что ветер усиливается, и вот-вот гребень волны начнет разбиваться об корму «Флибустьера»... Знала, но сиде-

ла в кокпите, глядя на игру солнечных лучей в закипающей пене, замороженная скоростью нашего скольжения по волнам... Обрушившаяся на корму волна привела меня в чувства, и я взяла рифы, уменьшив площадь паруса.

Волны все усиливались, и «Флибустьер» раскачивался из стороны в сторону, рыская вдоль волны. Спускаясь вниз с гребня, лодочка не зарывалась носом, а выскакивала вверх, и вновь двигалась вниз и вбок, бросалась вверх и кренилась на другой бок, словно на аттракционе «американские горки». Поначалу каждый пирует вверх и вбок заставлял моё сердце уходить в пятки: ощущение было такое, что «Флибустьер» так и продолжит движение вниз, почти касаясь палубой воды. Но яхточка выкатывалась на гребень волны, как ни в чем не бывало, чтобы снова скользить вниз и вбок, в окружении шипящей пены. Час за часом я проводила в кокпите, оценивая силу волн и силы «Флибустьера», высматривала китов и рыбацкие баркасы, не рискуя спускаться вниз, в кабину: внизу меня сразу же начинало мутить. Таблетки меклизина¹⁰ у меня были, но принимать их не хотелось: от них я становилась сонливой, а Сан-Симеон был еще очень далеко.

Я с удивлением вспомнила о своей недавней бравате по поводу того, что на «Флибустьере» невозможно хмуриться и плакать. Сейчас мне было страшно. Мою крошечную лодку бросало из стороны в сторону, ежеминутно грозя выбросить меня в шипящие волны. В который раз проверив стра-

---

¹⁰ Антигистаминный препарат, помогающий при морской болезни.

ховочный лить, я уселась на дно кокпита. Распераясь ногами и спиной между его стенками и держась обеими руками за комингсы, я морщила лоб, мысленно проверяя на крепость свою яхточку: сможет ли она выдержать такой шторм, и если нет, то что сломается в первую очередь: мачта? Руль? Все было построено в расчёте на сильные ветров и волны, но всё же это была маленькая самодельная яхта, построенная по моему собственному проекту. Что, если я ошиблась в своих расчётах водоизмещения, балласта и остойчивости? И потом, хватит ли мне заряда мотора до Сан-Симеона, если моя деревянная мачта не выдержит такой нагрузки и вместе с парусом рухнет в воду?

В восемь часов солнце закатилось за горизонт. Я сидела, прижавшись спиной к кабине, глядя назад, на запад. На пять минут оно повисло огненным полушарием над водой, и маленькое белое облако над ним отразило последние солнечные лучи. Спускающееся в океан солнце с повисшим над ним облаком походило на зажженную настольную лампу с белым абажуром, – так ярок был отраженный свет. Солнечные сполохи еще минут двадцать стелились вдоль воды, пока совсем не погасли. На небе стали появляются звезды. Молодая луна повисла справа по борту. К ярко горевшему Юпитеру присоединились Орион и Кассиопея; прямо за кормой повис огромный ковш Большой Медведицы. Вид звездного неба привел меня в состояние, близкое к блаженству. Волны все еще накатывали на транец «Флибустьера» и болтали его

из стороны в сторону, но порывы ветра уже не были такими угрожающими. Похоже, ветер больше не будет усиливаться. Еще раз проверив все навигационные огни, я закуталась в спальник и погрузилась в полусон, просыпаясь каждые двадцать минут посмотреть, нет ли поблизости судов.

Когда я окончательно открыла глаза, «Флибустьер» все еще раскачивался на волнах, но ветер совсем стих. Лунная дорожка отражалась с блестящих свинцовых волнах, расцвеченных маленькими океанскими «светляками»: биоорганизмами, иллюминирующими в воде и напоминающими рождественские огоньки, по чьей-то прихоти брошенные в воду. Небо стало еще ярче от Млечного пути и мириад звезд. Я сбросила рифы, и скоро под полным парусом мы входили в залив Сан-Симеон. Было четыре часа ночи.

В заливе пахло соснами. Легкий бриз доносил с высокого берега запах нагретой за день хвои. Значит, тумана тут днем не было, подумала я, бросая якорь в кромешной темноте и ориентируясь по глубине да огням машин, редко проезжающим по знаменитому Первому шоссе. Я была безумно уставшей, но меня не покидало ощущение покоя. Сан-Симеон был моим маленьким раем, тихой гаванью после шторма. «Флибустьер» мягко покачивался на волнах, убаюкивая и успокаивая.

Глава четырнадцатая. Сан-Симеон

Я проснулась в десять часов утра. В иллюминаторы ярко светило солнце. Хорошо было слышно рокот волн, набегających на прибрежную гальку. Я мгновенно запаниковала и тут же выскочила из кабины в кокпит: я не помнила такого рокота! Я подумала, что якорь освободился от держащего его песка, и нас тащит в сторону берега. Но «Флибустьер» стоял в безопасной глубине лазурной бухточки. Слева от нас возвышался пирс на сваях, который я не могла разглядеть вчера вечером – никаких огней на нем не было. За пирсом было видно пляжные зонтики и точки людей, оттуда же доносился и шум перекачиваемых волной камушек: очевидно, часть пляжа была галечной. Прямо перед нами и направо, насколько хватало глаз, расстился шикарный песчаный пляж

с невысокими скальными навесами. Людей там почти не было.

Позавтракав, я спустила байдарку на воду. Грести было подозрительно легко; я подумала, что назад к «Флибустьеру» мне придется выгребать против течения. Перед береговой линией было видно листья и крепкие стебли кельпа, и я лавировала между водорослями, стараясь не зацепиться выступающим из днища байдарки пластмассовым плавником-скегом. Эти бурые водоросли, так необходимые для процветания подводной тихоокеанской фауны, часто образует непроходимые заросли, и запутаться в них движком мотора – нечего делать. Я была рада, что накануне не попала в эти дебри. Впрочем, все вчерашние страхи и переживания оплачивались сторицей: красота вокруг была необыкновенная. Сан-Симеон напомнил мне Восточный Крым: те же холмы, широкие дикие пляжи, камни-островки, торчавшие из воды. Вода была обжигающе холодной, но светило солнце, и песок был теплым, почти горячим. Искупавшись, я легла около воды и закрыла глаза, блаженствуя. Я думал о Мишке, оставшемся в Монтерее. После вчерашней болтанки я была рада, что его не было на борту «Флибустьера», и решила, что брать его с собой на такой маленькой подвижной лодке было бы нечестно. Пусть растет себе на воле, гоняет гусей и охраняет молодой сад. Я улыбнулась, вспомнив, как Сережка поцеловал меня на прощание, а Мишка солидно протянул лапу для пожатия.

Полежав на песке, я отправилась на исследование окрестностей. Сан-Симеон – это маленькая деревушка с парой домов вдоль шоссе, выглядевшими скорее как дачи. На пляже под церковью Святого Симеона сдавали на почасовую аренду байдарки, доски для бодисёрфинга и детские бугиборды. Наверху у автобусной остановки красовался стенд с описание экскурсионных туров к замку Хёрст Касл. Замок расположился на седловине горы между двумя зелеными холмами; именно иллюминацию этого замка я видела еще в десяти милях на подходе к Сан-Симеону, и, приняв их сначала за навигационный огонь, тщетно пыталась найти его на карте. К замку шла отдельная дорога. В километре по этой дороге от основного шоссе располагался информационный центр и кассы, где можно было купить экскурсии к замку. Дорога для всех машин, за исключением экскурсионных автобусов, была перекрыта: «просто посмотреть» на замок было нельзя. В маленьком магазинчике на перекрестке дорог мне рассказали, что в замке более ста комнат, увешенными картинами европейских мастеров и обставленными самой дорогой мебелью. Там есть зоопарк и два огромных бассейна. Замок, а точнее, многоэтажный особняк в стиле средневекового замка, был построен в двадцатом веке медиа-могулом Рудольфом Хёрстом, и сейчас это одна из калифорнийских достопримечательностей. Всего предлагается четыре экскурсионных тура, каждый из которых стоит двадцать пять долларов. Один тур – это одна четвёртая часть замка. Получает-

ся, если хочешь посмотреть весь замок, готовь сто долларов. Приличных отелей и ресторанов поблизости нет, так что туристы останавливаются в соседней Кембрии, всего в десяти минутах езды отсюда: огни Кембрии я хорошо видела вчера ночью, справа по борту. Кембрия предположительно была чистеньким курортным городком с каким-то то ли самостоятельным научным центром, то ли частью «КалПоли», – знаменитого политехнического института Центральной Калифорнии. Пляж Сан-Симеона, – это так, на любителя уединения и дикой природы. Как раз для меня!

Поблагодарив разговорчивого продавца, я отправилась исследовать берег. Широкий песчаный пляж был сразу под церковью. Над пляжем возвышался обрыв, сложенный из конгломерата: что-то вроде песчаника вперемежку с мелкими камушками-окатышками. В обрыве волны прорезали небольшие гроты, около которых резвились морские котики. Недалеко от них радостно плескались и переговаривались с полдюжины юных пловцов в гидрокостюмах. Над обрывом возвышались сосны: их стройные рядки наверняка высадили здесь специально, для защиты от оползня. Именно запах этого сосняка я почувствовала, когда приближалась к своей якорной стоянке накануне ночью. Рядом с соснами росли более типичные для этих мест кипарисы и эвкалипты. Чем дальше я отходила в сторону «дикого» пляжа, тем сильнее чувствовался запах океанского побережья: скрученные жгуты огромного кельпа, высыхающего под солнцем и исто-

чающие специфических водорослевый запах; чайки, расковыривающие бурые повядшие листья в поисках запутавшихся рачков, сидящие на скалистых островках желтоклювые коммодоры, ныряющие в прибой за морским окунем пеликаны... На пляже возвышались огромные валуны с дырками, просверленными океанским соленым бризом в мягком конгломерате. Я вложила туда пальцы и подтянулась: в Крыму, в Симеизе мы с Денисом когда-то лазали по подобным дыркам. Пальцы с непривычки отозвались приятным покалыванием. Я вздохнула, но тут же отогнала прочь мысли о прошлом, отдаваясь плену дикой красоты Сан-Симеона.

В конце бухточки полоска пляжа обрывалась, заканчиваясь скалой, ступенями спускающейся в воду. Волны с грохотом разбивались о каменную стену; лезть туда мне совсем не хотелось. Осмотревшись, я нашла расселину в скалистом обрыве, по которому можно было подняться наверх. Я надеялась также спуститься с другой стороны, сверху обойдя скалистый мыс. Аккуратно ступая босыми ногами по крутой осыпи, я вдруг замерла от неожиданности: над моей головой кто-то бубнил. Выглянув из-за камня, я увидела мужчину с видеокамерой и стоящую на обрыве ко мне спиной женщину. Она красиво жестикулировала и что-то говорила, обращаясь к камере и показывая руками на залив; меня они не видели. Я выбралась наверх и оказалась на тропинке, петляющей вдоль обрыва. У дороги я заметила микроавтобус с логотипом местной телекомпании. Все стало ясно: скорее все-

го, клип покажут по новостям в разделе погоды, привлекая туристов к пляжам и экскурсиям Центральной Калифорнии.

Вид с тропинки над обрывом и правда был совершенно потрясающий, – оператор и журналистка выбрали подходящий момент для съёмок. К берегу только-только стал подступать туман, едва пропуская солнечные лучи и создавая сюрреалистическую картину океанского берега. Замыкающий залив скалистый высокий мыс с соснами и пирс почти растворились в золотистой дымке. Мачта и крутые бока «Флибустьера» ярко вырисовывались на границе между синевой неба и играющими бликами волн. Сам берег все ещё был ярко освещён солнцем. Параллельно берегу шла темная полоса кельпа; перед ней, в пене прибоя, виднелись камни-островки с наверхом в виде черных силуэтов пеликанов...

Налюбовавшись открывшейся панорамой, я прошла немного по тропинке, нашла расселину и спустилась по осыпи вниз, к пляжу. Он изогнуто тянулся на восток бесконечной чередой песчаных кос, изредка прерываемых скалистыми мысками, спускающимися к воде. Идти по нагретому песку было приятно до изнеможения: я так устала от холода, штормового ветра и тумана, что такой вот массаж ног воспринимался как верх блаженства... Вспомнив о подступающем тумане, я вскоре поспешила тем же путем назад, к своей надувной лодочке: у меня с собой не было даже компаса, и я легко могла заблудиться в тумане в поисках «Флибустье-

ра» . Пообещав себе приобрести небольшой «байдарочный» компас, я еще раз бросила прощальный взгляд на полумесяц пляжа и принялась грести в сторону плавучего дома.

«Флибустьер» почти совсем не раскачивался, обещая мне крепкий сон. Пообедав «мисо по-русски» – моё собственное изобретение: соевая паста с томатами, вяленый тунец, гречка и лук, – я вытянулась с электронным экранчиком-планшеткой и принялась листать названия скаченных фильмов. Остановившись на романтической комедии, я приготовила чай и конфетами и зарылась в спальник с ногами. От неожиданной телефонной трели я вздрогнула, уронив арахисину в шоколаде на подушку. По скайпу звонил Сережка.

– Алло, Сережа! Как я рада тебя слышать! Я тебе звонила, но ты трубку не брал!!!, – закричала я в экран.

– Мам, привет, – услышала я как всегда очень спокойный и размеренный Сережкин голос, и на экранчике телефона показалось его размытое, в цветных кубиках, лицо. – Как ты там, еще не превратилась в русалку?

– Скорее, в морскую свинку! – хрюкнула я в телефон. – Только и делаю, что ем и сплю. Сейчас вот кино буду смотреть, с конфетками. Я на якорю в Сан-Симеоне, тут так красиво! Я тебе сейчас фотку pošлю!

– Не, подожди, сейчас я включу свои экстрасенсорные способности... Вижу!! Ты там напротив желтого пляжа, со стороны пирса к тебе подходит туман... Пирс высокий, на сваях... – Сережкин голос задрожал от смеха.

– Меня что, по новостям показывали?! – дошло до меня после секундного ступора.

– Ну, не совсем тебя, а «Флибустьера». Он сейчас звезда экрана: на него зазумили, даже дракончика было немного видно. Сказали, какой романтичный кораблик, так хорошо вписывается в «атмосферу средневековья». И замок показали. Слушай, замок суперский, я на нашей фазенде хочу такой построить. Ты в нем уже была?

– Нет еще, завтра пойду. С утра выдвину, до тумана... Покажи Мишку!

Мишка появился на экране, тоже весь в цифровых кубиках медленного видео. Запрыгнув на Сережкины колени, он забавно наклонял голову вправо и влево, пытаясь понять, откуда идет звук моего голоса. Ничего не поняв, он лизнул Сережкин подбородок и бросился играть с Альмой.

– Ну ладно, я пришлю фотку, а то видеосвязь не очень хорошая. Давай, мам, аккуратно там, чтобы я не переживал. Я за тобой приеду в Авилу, как договорились. Все, пока, – и он нажал отбой.

Экранчик телефона поменялся на голубой «скайповский» фон, и я проверила, кто из моих друзей и родственников на связи. Никого, все спят или работают. Все еще улыбаясь после разговора с сыном, я подумала о том, что он непременно построит небольшой замок семейного типа, окруженный фонтанами, глициниями и розами. Вместо скучных американских лужаек замок будут окружать привычные грядки

клубники, дынь и арбузов, а со штакетника будут свисать грозди помидоров. Земли у нас было достаточно, в идеях отказа не было: Алёшка с Сережкой не раз обсуждали проект большого дома, в котором для всех хватит места. Я вспомнила, как много времени, энергии и денег я потратила на строительство своей миниатюрной яхты, и внутренне содрогнулась. Впрочем, дом, – это другое дело. Дом строится надолго, с перспективой на семью, детей, гостей. Моя лодка – это детская мечта, мой дорогой каприз. Хотя Алёшиным и Сережкиным детям, пожалуй, будет интересно управлять маленьким, но настоящим корабликом. Может быть, со временем им захочется побывать не только на островках залива Сан-Франциско, но и на тропических атоллах, увидеть китов и летучих рыб... А однажды мы купим настоящий большой корабль и всей семьей отправимся в Большое Плаванье к теплому морю Кортеса, или еще дальше, к архипелагу Туамоту...

Размечтавшись о тихих вечерах у камина в окружении собак, лежащих на пушистом ковре, и детей, с интересом выискивающих на глобусе названия островов и атоллов, я надвинула капюшон спальника на голову и закрыла глаза. «Флибустьер» мерно раскачивался на волнах, нежно баюкая меня в колыбели океана. Я доверялась синеве вод и вцепившемуся метровой хваткой в плотный песок дна якорю. «Флибустьер» разворачивало на якорной цепи, и каждые тридцать минут волны начинали толкать его в борт. Я, своими руками

построившая эту похожую на гигантский орех лодку, точно знала толщину борта-скорлупки, отделяющую меня от соленой воды. Огромный Тихий океан жил своей подводной жизнью в нескольких сантиметрах от меня – и я тихо лежала в кабине лодки в толще его воды. Если бы борта лодки были прозрачные, я была бы «аквариумным человеком» для всех обитателей этих глубин. Я представила себе морского котика в шляпе и с тростью, огородившего мою лодку забором из водорослей и созывающего океанских жителей на экскурсию: «Дамы и господа! Небывалое шоу в аквариуме! Смотрите на чудо спящего человека! Последняя ночь в нашей программе! Покупайте билеты, дамы и господа!». Я засмеялась, погрозила усатому котику пальцем и провалилась в глубокий сон.

***

Утро было великолепным. Яркое светило солнце. Волны поблескивали в солнечных лучах, напоминая мне о теплом Черном море, так и маня окунуться в синеву воды. Ощущение было очень обманчивым: вода была по-прежнему ледяной. В Ялте море становится таким холодным в марте, когда реки приносят с гор растаявший снег. Упаковав кошелек с телефоном в непромокаемый рюкзачок, и принялась грести в сторону берега. Судя по всему, туман ложится на Сан-Симеон где-то в три-четыре часа. У меня было достаточно времени, чтобы съездить на экскурсию в замок и вернуться назад. Байдарку я планировала оставить под присмотром мо-

лодых ребят, работающих на лодочном прокате.

Пристроив свою «надувнушку» рядом с желтыми пластмассовыми байдарками, я натянула кроссовки и направилась в сторону остановки экскурсионного автобуса. Я с удовольствием вышагивала по пустынной узкой дороге, ведущей в сторону гор; виды отсюда были превосходные. Моё сердце на секунду сжалось: крошечный «Флибустьер» одиноко танцевал на волнах залива, белая краска его бортов отсвечивала бликами на солнце. Всего пять минут от пляжа вверх по дороге, и совершенно другие запахи и звуки. Казалось странным не слышать постоянного плеска волн и завывания ветра в переплетении такелажа «Флибустьера». Становилась все жарче; от прогретых холмов терпко пахло сухой полынью. То и дело тишину прерывали трещотки цикад. Мне снова вспомнился Крым, акварели Волошина, и наши с Денисом долгие походы по безлюдным холмам Восточного побережья.

Я подумала, что ни разу не выбиралась в многодневный поход по горам Сьерра Невады, и мне вдруг захотелось позвонить Дэну и пригласить его пойти со мной. Идея побродить одной по горам меня почему-то пугала; на земле быть одинокой путешественницей мне совсем не хотелось. Мысль о том, что я все-таки ухитрилась влюбиться в Дэна и всё испортить, на секунду обожгла меня изнутри. Мне вдруг захотелось плакать. Скуксившись, чтобы не разреветься прямо перед экскурсионным бюро, я развернулась лицом в сторону

океана, и сквозь пелену слез увидела приближающуюся ко мне троицу.

Я мгновенно узнала расхлябанную походку Вована. Он шёл, покачиваясь и загребая длинными руками, крупные ладони сложены ковшиком: нагловатая походка «нормальных» пацанов в девяностых. Сквозь быстро высыхающие слезы я всматривалась в его изрезанное глубокими морщинами лицо: последний раз я с ним виделась двадцать лет назад. Я испытывала смешанные чувства: тревога за Серёжку сплеталось с непреходящим ощущением комизма ситуации: так нелепо смотрелась эта троица в благополучном туристическом Сан-Симеоне. Я была не совсем уверена в том, что смогу адекватно, без американизмов, на доступном языке девяностых разговаривать с Вованом. Рядом с ним шли два гражданина помоложе; сосульки волос свешивались на лица, и я разглядела только тонкие, растянутые в улыбке губы одного из них. Они были совсем не похожи на современную российскую молодежь; откуда он их только выкопал? Тонкогубый мне не понравился: почему-то подумалось о спрятанном у него в кармане пистолете. Я вдруг вспомнила, что оставила горизонтально развернутыми для подзарядки солнечные панели: если ветер поднимется, то они превратятся в подобие паруса и могут сорвать крепеж. Очень сильно хотелось побежать вниз, к «Флибустьеру», но не убегать же мне всю жизнь!

Развернувшись лицом к троице, я молча ждала. Вован, приблизившись, тихо присвистнул:

– Сколько лет, сколько зим, дорогуша. Где мои пятнадцать лет... А ты, я смотрю, всё под девочку косишь?

Вован снисходительно глядел на меня сверху вниз. Я с болью узнавала в Воване Сережкины черты, и моё сердце тоскливо ныло. Я пожалала плечами:

– Маленькая собачка – до старости щенок.

Тонкогубый неожиданно заржал:

– А по мне так ничё, мне так нравится...

Я уже слышала этот смех по телефону.

– Помолчи, мальчик, когда старшие разговаривают, – пожурила я тонкогубого. Второй, пониже и поздоровее, неожиданно расхохотался. Ненормальные какие-то, обкуренные, наверное. Вован не улыбался.

– Отойдем? – я смотрела ему в глаза, пытаюсь взять ситуацию под контроль.

– Ждите в машине, – кивнул он парням. От дороги уходить мне не хотелось, поэтому я, чуть приблизившись к зданию экскурсбюро, остановилась.

– Что тебе от меня надо, Вован? – спросила я.

– Гражданство, – сказал он.

– Что? – не поняла я.

– Американское гражданство, – терпеливо разъяснил Вован, разглядывая меня прищурившись.

– Так в чем проблема? – я решительно ничего не понимала. – Заплати кому надо и получи гражданство.

– Не получится. Я в розыске, назад мне нельзя. Еле сю-

да проскочил. А здесь у меня, – он стал загибать пальцы, – родной сын, дом, машина, кредит хороший да жена законопослушная, в тюрьме медсестрой работает. Адвокат всё обстряпает как надо, и гринкарта мне обеспечена.

– Ты чё, рехнулся, Вован? Какая я тебе жена?

Вован достал ксерокопию заключения о браке, помахал ею перед моим носом:

– Ты думаешь, так трудно нарисовать корочку из ЗАГСа? Ты, Динка, моя жена вот уже тринадцать лет. А я тебя из-за бугра поддерживал материально, и все заверенные переводы по вестерн юнион на твоё имя у меня имеются. А доказывать будешь, так надо тебе будет адвоката нанимать, а денег у тебя нет. А что касается сына, так тест на ДНК докажет, что я его отец. Так что давай договариваться по-хорошему.

Он был прав: никто в США не станет проверять на подлинность документы чужой страны. Мой маленький мирок, все мое благополучие, выстраиваемое по кирпичику ночными дежурствами, занятиями за одной партой с молодыми и сообразительными студентами – Алёшкиными ровесниками, постройкой «Флибустьера» после долгих смен стало осыпаться глиняными комочками на обрыве холмов Сан-Симеона. У меня закружилась голова. Сережка не должен узнать, что этот наглый и опасный тип из моего прошлого – его родной отец. Я понятия не имела, как мой обычно уравновешенный сын отреагирует на эту новость. Я молча смотрела на Вована во все глаза, не понимая, откуда он свалился на мою

голову через столько лет. Как он вообще на меня вышел?

– Как Катюшка? – спросила я наконец.

– Нормально, живет себе, – сказал Вован. Пашка её помер, – Вован усмехнулся, но как-то нерадостно. – Печень всю пропил. Жёлтый весь ходил, живот раздулся, как у бегемота...

Я поёжилась. Коротка жизнь человека... Сколько ему было, сорок, чуть больше? Успел ли он воплотить в жизнь свою мечту: купить свой необычный дом в еловом бору? Или так и умер, мечтая? Хотя какие там мечты, с разрушенной печенью...

– Катька сейчас с дочкой живет, – продолжал Вован. – Деньги есть, она в крутой фирме работает. Все такая же красивая, совсем не изменилась... – похоже, он все также по-своему любил Катюху.

– Она знает, что ты здесь? – спросила я Вована.

– Догадывается, может, – пожал плечами Вован. – Она меня от ментов у брата прятала. Про сына мне рассказала... Его до сих пор Серегой зовут, или ты поменяла имя?

– Нет, не меняла... Дай подумать, Вов, – я устало помассировала голову, отошла от дороги и попросила у Вовану сигарету. Он щелчком выбил из пачки две «мальборины», раскурил свою сигарету и предложил мне огня.

– Спасибо, – затягиваясь, сказала я ему. – Кто на меня навёл, Терехов?

– Щерба навёл, – кивнул Вован, – он у нас голова. К тому

же новости смотрит. Жаль, что братан без тормозов.

– А ты? – спросила я, – Ты – с тормозами?

Проезжающие мимо туристы с удивлением посмотрели в нашу сторону. Я подумала, что мы выглядим крайне странно: явно европейского типа мужчина, с давно не стриженными растрепанными волосами, в обтягивающих джинсах и черной футболке, и я, в шортах и майке, с выбеленными солнцем волосами, с рюкзачком за плечами, стоим тут, курим... Может быть, так и надо сделать. Надо согласиться и помочь Вовану найти убежище в этой стране, чисто по-христиански. Вот Катюха его, похоже, простила. Что я-то имею против него? Он – часть моего прошлого, от которого я не имею права отказываться. Но Сережка... Он же может лишит его всего, он же искалечит его будущее. Это невозможно, абсолютно невозможно! Я внутренне приободрилась, принимая решение не уступать Вовану ни в чем, чтобы мне это не стоило. Вован затянулся сигаретой и развел руками, словно отдавая себя на суд всему миру:

– Так я же вот перед тобой стою, а не гнию на нарах. Ты чё, Дин? Мне, дураку, сорок пять стукнуло, я, может, с внуками нянчиться готовлюсь. Чист, как слеза, бля буду!

– Так ты поэтому с малолетними придурками разъезжаешь, отцовские чувства к пацанам испытываешь? – не сдержалась я. Нервы эта троица потрепала мне основательно.

Что он знает про меня? Вначале я подумала, что знает он абсолютно все. Но сейчас я решила, что он, скорее всего,

блефует, – ведь он не знал даже Сережкино имя! Я решила во что бы то ни стало оттягивать Сережкино знакомство с Вованом, подключить частного сыщика, о котором мне рассказывала бывшая сослуживица, нанять адвоката... Мне надо уйти сейчас от Вована, но как? Пообещать ему что-либо было невозможно, надо было конкретно что-то предлагать, но что?

Я уже выкурила сигарету и кусала ногти. Вован молча смотрел на меня, пиная шарик слипшейся земли острым носом ботинка. В России его искали, здесь скоро тоже начнут искать... Какие у него варианты? Можно, конечно, спрятаться куда-нибудь, изменить внешность, подделать паспорт какого-нибудь поляка... Мы, похоже, для него самый простой и дешёвый вариант.

– Вов, а у тебя что, денег нет на фальшивый паспорт? – спросила я.

– Есть, – ослабился он. – А зачем, если мне можно все по закону сделать? Щерба вон добежался, сидит теперь. Давно мне надо было приехать! Да только мне ни одна сука не сказала, что у меня сын растёт. Вы же меня просто слили по-тихому, твари! А я, может, сына от Катьки всегда хотел. Ты чё, думаешь, ты мне нужна? Да живи ты на своей лодке. Только сначала мы к сыну моему поедём. Думаешь, не найду его? Найду. И сделает он то, что я захочу, и все бумаги мне подмахнет, потому что ты будешь сидеть с братишками и не вякать... Давай говори, куда ехать. Для тебя же лучше, если

представишь меня по-взрослому, скажешь: вот батя твой нашелся, будет жить с тобой...

– Ты чё, Вован, больной на голову?! – не выдержала я. – Неужели ты думаешь, что можешь вот так, запросто, поселиться в чужом доме, в чужой семье?

– А чё, комнат мало у буржуев? – заржал Вован

На дороге появлялось все больше и больше машин. В одной из них показалась голова собаки, очень похожей на Мишкину. Голова проехала мимо, даже не повернувшись в мою сторону. Я тоскливо проводила её взглядом и устала на Вована. Он смотрел в сторону своей машины. Оттуда вылезли «братишки» и медленно приближались к мне. Я оказалась между ними и Вованом. Если они меня сейчас схватят, то беспрепятственно засунут в свою машину. Никто и не увидит. Никто никогда не найдет.

Я закричала и со всего маха ударила Вована в пах. Он как-то слишком быстро, по-картинному, согнулся. Я в недоумении отпрянула в сторону и вдруг почувствовала, как со всего размаха налетела левым бок на что-то острое. Я не могла дышать; я не могла сделать шаг назад, чтобы уйти от этого острого предмета. Я просто стояла согнувшись, не в силах вздохнуть, и чувствовала пульсирование в боку. Становилось все больнее, и я вдруг увидела кровь на своей руке. Вдруг вспомнился Пашка, лежащий на асфальте и беспомощно уставившийся на меня круглыми от ужаса глазами. В меня что, стреляли?

Я услышала топот сзади, и меня кто-то грубо схватил за локоть, разворачивая к машине. Вован, – догадалась я, и изо всех сил дернула руку. К своему изумлению, я услышала своё злое рычание и сумела освободиться от его хватки. Потеряв равновесие, я все же упала на траву, рядом с окурками «Мальборо». От удара о землю острый предмет во мне немного развернулся, и я вдруг поняла, что во мне торчит нож. Я лежала на правом боку, скорчившись от боли, не в силах пошевелиться, и смотрела на дорогу. Я видела людей в одинаковой серой униформе, бегущих в нашу сторону. Я вдруг увидела Сережку и еще какого-то мужчину, дерущихся с «братками». «Это глюки, – поняла я. – Умираю, что ли?»

Я поискала глазами Вована, и никак не могла его отыскать. Мне во что бы то ни стало надо было его найти, отвлечь от Сережки, даже если Сережка, – это моя галлюцинация. Вдруг в полуметре от меня появилась грязная подошва остроносой туфли. Каблук лихорадочно ерзал по земле, словно пытаюсь найти опору, вдавливаясь в газон и выкидывая вверх травяные комки. Опять послышалось приглушенное рычание; рыже-серый пес яростно набрасывался на матерящегося Вована, его длинный хвост горизонтальным румпелем двигался то влево, то вправо. «Мишка, – поняла я. – Это же мой Мишка...» Глазам стало безумно больно от напряжения, и я их на секунду закрыла...

Глава пятнадцатая. Энергия ветра

– Сережа! – я выдохнула, и попыталась сесть. Я никак не могла сфокусировать на нем взгляд, и очень боялась, что мой сын исчезнет, раствориться, как сон. Левый бок нестерпимо горел.

– Привет, – сказал Сережка, улыбаясь, – Ты как?

– Бок болит, – призналась я, поняв, что нахожусь в больнице. – А ты как?

На меня нахлынули воспоминания о недавних событиях, и я почти застонала от мысли о Воване. Вошедшая медсестра сделала мне укол обезболивающего в руку.

– Сережа... – начала я слабо, – Я так рада тебя видеть, ты даже не представляешь. Сказка, да и только, – по моим щекам текли слезы.

– Мам, все хорошо, слышишь? Алёша уже уехал, у него экзамен, так что он выбрался только на пару часов: с врачами поговорить и на тебя посмотреть. Но он придет через два дня. Ты молчи, тебе, наверное, нельзя много говорить.

Я молча разглядывала Сережку. Как же я была счастлива, что он здесь, рядом! Мой сынок сидит у меня в палате, дежурит у кровати, и не задаёт никаких вопросов... Может, он и не знает ничего про Вована? Сережка вдруг заулыбался:

– Если бы ты только видела Мишку! Он этого мужика искусал так, что тот сейчас в больнице. Мишка такой бравый парень! Еле оттащили. Он его на землю повалил, тот отпिनывался, а Мишка все запрыгивал, со всех сторон!

Так вот почему я не видела Вована. В это время его мой щенок обрабатывал. Мысль о маленьком серьезном Мишке заставила меня улыбнуться.

– Как вы вообще там очутились, Сережка? Я имею в виду, у замка? Это же чудо какое-то!

– Короче, мне позвонил Дейв. Он сейчас Альму с Мишкой на прогулку увёл, они тут жестко играть стали, на тебя запрыгивали, лаяли...

Я представила себе «собачью войнушку» в больнице... Но как некий Дейв мог увезти Мишку? Мишка всегда рычал на чужих...

– Подожди, кто такой Дейв? Как увёл? – спросила я

– Так слушай, я же тебе рассказываю, а ты перебиваешь...

Дейв работает в Кембриии – тут недалеко поселок такой научный... Мы, кстати, сейчас в Морро Бэй находимся – продолжал Сережа. – Так вот, Дейв специализируется на ветряках...

Неожиданно дверь открылась, и в комнату влетели две собаки: Мишка и Альма. Мишка сразу же запрыгнул ко мне на кровать и принялся лизать мой нос и губы, повизгивая от радости. Альма встала на задние лапы и, высунув язык, умиленно замотала хвостом и задышала прямо над моим лицом, капая слюной.

– Альма...Альмуша, перестань! Мишка, мой спаситель, хороший мой! Мишка, не вставай мне на лицо! Двинь попой! Иди поздоровайся с Сережей! – просила я.

Вошедший с собаками мужчина, одетый в джинсы и футболку, встал около кровати, улыбаясь.

– Мам, это Дейв. Дейв, это Дина, моя мама. Большая исследовательница приключений себе на одно место, как ты уже понял, – представил нас Сережка и строго посмотрел на меня.

Дейв наклонился и протянул руку:

– Очень приятно! – сказал он приятным баритоном.

Голос у него был серьезный, контрастируя с мальчише-

ской улыбкой, не сходявшей с лица. У него была очень светлая кожа, словно он никогда не загорал, и остриженные ёжиком редеющие светлые волосы. Несмотря на заметную лысинку, на вид ему было не больше тридцати пяти. Немного сутулый и в округлых очках, он тем не менее не производил впечатление книжного червя, – он был очень поджар, и сквозь тонкую ткань футболки вырисовывались шарики мышц.

– Мне тоже приятно! – выдавила я, с ужасом понимая, что моя болевшая и, скорее всего, вся в синяках «морда лица» может вызвать у Дейва только научный интерес, да и то под вопросом.

– Я вот только стал рассказывать маме, что ты работаешь в Кембрии...

– Да, – сказал Дейв, и сделав паузу, обвел нас глазами. Его все внимательно слушали, включая притихших собак. – Я увидел вашу яхточку по новостям, и, конечно, заметил эти впечатляющие солнечные панели, – он едва заметно усмехнулся и пристально посмотрел на меня. Ну конечно, я тогда оставила заряжаться на солнце панели, выдвинув их почти параллельно воде. Они, должно быть, смотрелись как крылья «Флибустьера».

– У вас очень красивая яхточка, – продолжал он. – Просто уникальная. Я и подумал попросить вас взять у нас в качестве рекламы ветряной двигатель. Он очень простой и недорогой, заряжает различные батарейки. Я думаю, что он най-

дет своё применение в основном среди любителей малых судов, рыбаков, и так далее... Если мы прорекламируем товар на такой маленькой лодке, у нас сразу найдётся покупатель, я в этом уверен. Ведь энергия ветра незаслуженно обходиться стороной, в пользу солнечной энергии, но ведь солнце не всегда светит! Дело за небольшими, но эффективными установками, способными работать даже на самых малых площадях...

– Вы знаете, – в тон ему сказала я, – чего-чего, а ветра здесь, в Калифорнии, хватает...

– Не скажите! – поправил Дейв очки, немного волнуясь. – Не во всей Калифорнии, в основном в Северной и Центральной.

Я решила его не перебивать. Похоже, ветер, – это то, что в чём он хорошо разбирался. Дейв продолжал:

– Я вырос в Морро Бэй, но потом уехал в Сан-Диего, работать по специальности в НИИ. Но я не смог продолжать свои исследования! В Южной Калифорнии просто не бывает таких постоянных ветров. Туда приходят или остатки тропического урагана с Мексики, или Санта-Ана¹¹, а так, чтобы постоянно дуть...

Поймав мой заинтересованный взгляд, он нашёл нужным

---

¹¹ Юго-восточный ветер, характерный для Южной Калифорнии в зимний период. Приносит грозу и шквалистый сильный ветер, подчас выбрасывая корабли на берег. В 19-м веке парусные торговые корабли немедленно снимались с якоря и уходили далеко от берега в открытый океан при первом же дуновении ветра с юга (см. роман "Two Years Before the Mast" by Richard H. Dana)

дополнить:

– Между прочим, я тоже хожу под парусами. У меня двух-мачтовый кеч, от отца достался.

– Так тебе надо в Ричмонд! – засмеялся Сережка. Летом там всегда дует!

Удивительно, но упоминание о Ричмонде совершенно не отозвалось во мне привычной глухой болью. Похоже, что последние события перебили мои любовные переживания. Дэн неожиданно стал тенью прошлого, и я была готова променять Северную Калифорнию на солнце и теплые волны Юга. В Ричмонде меня уже ничего не держало. Моя рана продержит меня недели три на больничном, и мой контракт в тюрьме к этому времени закончится. И слава богу: мне было бы невероятно тяжело туда возвращаться. Правда, плакали мои денежки, и вместе с ними опреснитель для воды... Ну да уж как-нибудь без него пока обойдусь, а там видно будет...

– Послушайте, Дейв! А как насчет тропических островов? – удивляясь самой себе, спросила я. – Там тепло и тоже хорошо дует...

Сережка как-то странно посмотрел на меня, но ничего не сказал. Дейв с улыбкой продолжал:

– Тихоокеанские острова в тропических широтах – это неременная часть моего исследования... Так на чём я остановился? А, ну да. По новостям я увидел на борту название вашей яхты и порт прописки: Сан-Рафаэль, и стал обзванивать все марины. Мне дали ваши телефоны. По мобильному

я не дозвонился, а на домашний ответил Сергей. Он как раз из Сакраменто собрался выезжать, мне повезло: я его еще дома застал. Встретились в Сан-Симеоне и решили сделать вам приятный сюрприз. Его машину оставили внизу на стоянке, сели в мою и поехали к замку вас искать, а там эти мерзавцы...

– А я так хотел посмотреть на замок! – заявил Сережка. – И накормить тебя фирменным супом из мидий в Авиле. Сейчас, правда, тебе ничего нельзя. Ты на диете.

Информация о том, что я на диете, мне совсем не понравилась. Как всегда после переживаний, мне жутко хотелось есть.

– Что, совсем ничего нельзя? – простила я

– Ну, медсестра, ты даёшь. Сама знаешь: пока не пукнешь, есть не будешь. У тебя же на животе операция была. А позже фруктовое желе, соки, яблочное пюре...

Мне стало неловко, и я покраснела. Дейв деликатно отвернулся и мелко трясся от смеха. О Сережка, славный сын медсестры! Вообще без фильтра... Я промычала:

– Ладно... Ой, а как же моя байдарка? И «Флибустьер» надо перегнать в Авилу, стоянка за месяц уже оплачена! – всполошилась я.

– Мам, все сделаем. Ты давай, слушайся тут врачей, не спорь, отдыхай. Если все так и останется без осложнений, скоро домой поедem... – Сережка постучал по деревянной столешнице, а я по голове.

...Сережа и Дейв еще немного посидели в палате, разговаривая. Сережке позвонили на мобильный с просьбой прийти с показаниями в полицию. Задремав, я слышала, как Сережка подзывал собак, беря их на поводок. Завтрашний день обещал визиты врача и полиции, испорченные иглами вены и ультразвуковое обследование... Обколотая обезболивающими, я вскоре крепко спала, доверяя малознакомому Дейву найти мою байдарку и перегнать «Флибустьера» в Авилу. Мне снился огромный корабль норманов: деревянная голова дракона сияла на солнце новенькой лакировкой, а в гигантском кокпите сидела улыбающаяся парочка. Увеличенная в несколько раз копия «Флибустьера» кренилась против ветра, и соленые брызги залетали в кокпит. Женщина сидела с наветренной стороны, положив руку на колено мужчины. Серьезный капитан держал руку на румпеле, выходя из узкой гавани с маленьким домиком на причале. Во сне я с восхищением узнавала трогательную красоту летящей по волнам яхты: дракон, разинув пасть, надвигался на меня, рассекая ветер впереди крепко выбранного люгерного паруса.

***

– Этот Афанасьев говорит, что он не хотел тебя ножом бить, только хотел напугать, чтобы ты в машину с ними пошла, – Сережка был бледен, бисерины пота выступили у него на лбу. – Говорит, рефлекс сработал, когда ты ему по яйцам дала... Мам, ну почему ты мне сразу ничего не сказала?

«Афанасьев». Ну точно. Я вспомнила Катькины росчер-

ки: тогда еще влюбленная в Вована, она примеряла к своему имени его фамилию, и пыталась расписаться на блокнотных листах. Выходило что-то вроде «Катафан» плюс красивая закорючка. Я была рада, что Сережка назвал его по фамилии, не признавая и намека на родство.

– Сережка, я правда не знала, кто это. Они мне звонили по телефону, запугивали. Потом, уже в Монтерее до меня дошло, кто это. Точнее, я стала подозревать, что это Афанасьев, но только я не понимала, зачем я ему сдалась. Я думала, спрячусь на время, они меня здесь не найдут, а потом само по себе все встанет на свои места...

– Мам, почему ты мне сразу не сказала? – Сережа тихо повторил вопрос.

Я прекрасно понимала, что он имеет в виду. Хватит ходить вокруг да около, – решила я, и самоотверженно выдохнула:

– Прости! Мне надо было подумать, сынок. Я... не могла тебе сказать, что не я тебя родила, понимаешь?

– Все равно я знал. Мне бабушка еще года два назад сказала...

Я не могла в это поверить. У меня закружилась голова.

– Как сказала? Зачем? И ты что?

– Бабушка, между прочим, всегда боялась, что что-нибудь подобное произойдет: родная мать появиться, шантажировать будет.

– Постой, ты уже два года знаешь, что я – не твоя мать?

– А что это меняет? Воспитание точно твоё, даже Дейв так и сказал сказал: сразу видно, Дина – твоя мама.

Я вдруг поняла, что с моих плеч свалилась огромная, невероятно тяжелая глыба. Сама того не зная, я в подсознании несла её все эти годы: лишь бы Сережка никогда ничего не узнал о настоящих родителях... Невероятно жутко обманывать собственного сына, и мучительно страшно от того, что обман может когда-нибудь раскрыться... Великая семейная тайна, оказывается, была моим собственным кошмаром: уже два года Сережка обо всём знал, и, наверное, вёл важные разговоры со своей бабушкой, оберегая меня и оставляя меня в неведении того, что любит меня по-прежнему. Любит и считает, что я- его мама... Я растерла ладонями припухшие от слез глаза, изучая каждый миллиметр Сережкиного родного лица, и тихо буркнула:

– И причем тут Дейв? Он меня совсем не знает. И тебя тоже не знает.

– Умным людям достаточно нескольких минут, чтобы узнать человека. Дейв, между прочим, супер умный чел. Почти гений. Он о тебе очень высокого мнения. И я с ним знаешь как долго общался? Он очень интересно об энергии ветра рассказывает.

И Мишке он понравился, – подумала я, – И мне, кажется, тоже.

– Ладно, ладно, верю. А где он, кстати? Звонил?

– Звонил утром. Нашел твою байдарку, отправился в Ави-

ду на «Флибустьере», часа в четыре там должен быть, я его в полпятого на причале встречать буду...

...Я проснулась от взгляда Мишки, – наверное, Сережка выпросил у медсестры разрешение оставить его на пару часов в палате. Мишка лежал на спине, прижавшись своим тельцем к моему левому боку и по своей щенячьей привычке скрестив лапки над грудью. На его по-спортивно втянутом животике, заросшем короткой шерсткой, виднелась пульсирующая жилка. «Мишка, хороший мой Мишка», – прошептала я, в который раз удивляясь характеру моего пса. Собаки любят нас просто так, совершенно по-альтруистки. Он преданно рассматривал меня своими изумрудно-желтыми глазами, словно удовлетворенный выполненной миссией и тем, что все хорошо закончилось. Рядом на тумбочке красовалась ваза с цветами и открыткой от Алёшки: «Мамочка, я тебя люблю и приеду послезавтра. Выздоровливай!» Я счастливо заулыбалась и закрыла глаза.

Похоже, я отделалась легким испугом и швом на животе. Сережка оказался намного мудрее меня, а наш новый знакомый Дейв смог в два счета решить мои самые большие на сегодняшний день проблемы. Завтра они приедут со сценарием рекламного ролика с «Флибустьером», и совсем скоро я смогу продолжить свое путешествие-подготовку к Большому Плаванью... Жизнь подарила мне невероятную любовь моих родителей и сыновей, поддержку друзей, старых и новых, – конечно, у меня всё получится, просто не может не

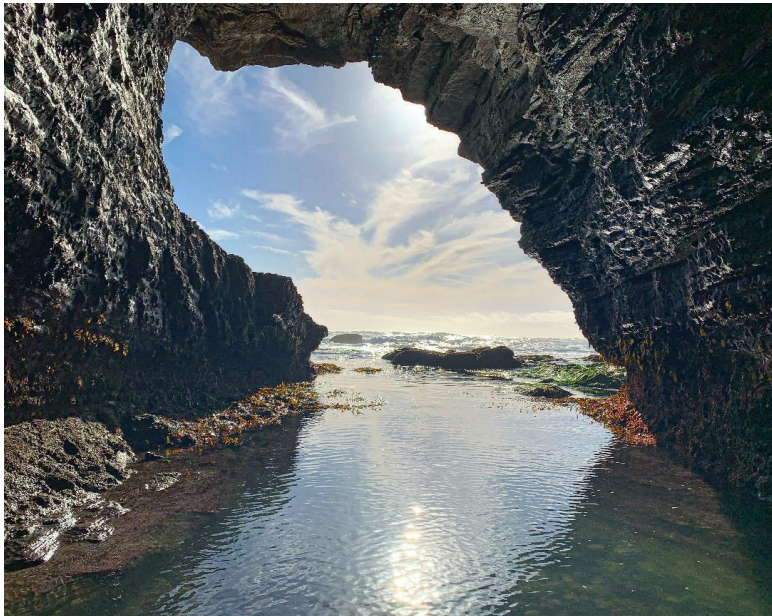
получиться! Родные мои... Смогу ли я когда-нибудь отплатить им той же монетой, – размышляла я. Всю свою жизнь я убегала от них в походы, в горы, в океан, зная, что за мной – крепкая стена их вечной поддержки. Что давала я им взамен? Чувствовали ли они, что и я поддержу их в трудную минуту?

Дважды пиликнул телефон: пришли две эсэмэски. «Мам, – писал Сережка, – слушайся врачей и не переживай ни о чём. Мишка за тобой присмотрит. Я приеду через час». Дейв, похоже, отправил свою эсэмэску сразу после Сережки: «Дина, все хорошо, мы в Авиле. Ваш «Флибустьер» – гоночная машина, с Вашего позволения я его записываю на парусную регату в Авилу... Получил огромное удовольствие от общения с Вами и Вашей яхточкой. Выздоровливайте скорее! До завтра!» Я включила телевизор и с облегчением откинулась на подушку: жизнь продолжалась и по-прежнему обещала интересные встречи с замечательными людьми и самые невероятные приключения.

Конец первой части.

Часть Вторая

Эпилог

Рокот набегающих на камни волн был успокаивающе знаком. Я открыла глаза и уставилась на гигантский грот, вытесанный в скале океаном. Я лежала на песке, почему-то в спасжилете, распластавшись на мокрой гальке. Солнце уже закатилось за горы, и мне было холодно. «Заснула на пляже, надо же!» — пронеслось в голове. Соображала я медленно; затылок нестерпимо болел, и меня мутило. Наконец до

меня дошёл смысл происходящего, и я рывком поднялась с камней. «Флибустьер» исчез! Передо мной расстилалась все та же уютная бухточка под названием Фрайз. Еще утром в западной части этой бухты качался на волнах мой «Флибустьер», а сейчас бухта была совершенно пуста. Я взобралась на прибрежную скалу, и, напрягая глаза, пыталась увидеть деревянную мачту, красный киль, – хоть что-нибудь, намекающее на затонувшего по какой-то причине «Флибустьера». Но тщетно: мой кораблик как в воду канул.

Вечерний бриз принёс терпкий запах нагретых холмов острова. Трещали цикады. Где-то рядом пряталась миниатюрная островная лиса: длиною с кошку, с пушистым хвостом и раскосыми глазами, она подходила совсем близко, притворно зевая и принюхиваясь. Любопытство её было сильнее страха. Это создание, почти исчезнувшее с лица земли, совершенно покорило моё сердце, превращая меня в истукан с очарованными глазами при одном только её появлении. Островная лисица была моим безусловным божеством: я совершенно не понимала, как она, такая маленькая и любопытная, выжила в этом мире. Мыши здесь были гигантскими, и питалась она, очевидно, ягодами и ящерицами, – островная мышь ей была буквально не по зубам. Мой крошечный «Флибустьер», разумеется, также принадлежал особому миру миниатюр, и тоже вызывал моё беспредельное восхищение... Его украли, – я не могла найти другую причину его отсутствия. Удар, который я получила по затылку, взбираясь

на палубу после своей утренней экскурсии на байдарке вдоль берега, только подтверждал мою версию: кто бы это ни был, охотился он не за мной. Я была скорее помехой, чем жертвой... Скорее всего, от удара я потеряла сознание, и меня вынесло на берег. Не утонула я, очевидно, только благодаря своему спасжилету, надеваемому исключительно для береговой охраны. Спасательный жилет, выходит, меня спас.

Я автоматически просчитывала свои варианты, молча глотая слёзы: хоть я и была выброшена на берег острова, но всё же этот остров был обитаем, по крайней мере в летний сезон. Я знала, что здесь есть туристические базы, да и в соседних бухтах стоят на якоре яхты. Но вот мой маленький беззащитный «Флибустьер» – где он сейчас? В чьи злые руки он попал? С «Флибустьером» у меня исчезли деньги, документы, все мои капитальные вложения в приборы и карты. «Флибустьер» – это мой дом, моим верный друг и товарищ. Я обязательно найду тебя, мой крошечный кораблик!

Глава первая. Родом из детства

Путешествие моё на «Флибустьере» возобновилось лишь год спустя после злосчастных событий в Сан-Симеоне. Сначала все было просто превосходно: Дейв отрекламировал свои ветряки во время парусной регаты Морро-Бэй – Авилла Бич, «Флибустьер» выиграл приз зрительских симпатий, и наутро после регаты к нам пожаловали первые журналисты. Я рассказывала о том, как устроен «Флибустьер» и показывала все закоулки мини-яхточки. В статьях меня называли «минималистом в квадрате», а женский журнал даже опубликовал мой рецепт рыбного пирога. Все, казалось бы, шло прекрасно, но меня всё больше беспокоил хирургический шов на левом боку. Рана, поначалу казавшаяся пустяковой, никак не хотела заживать: её края оставались крас-

ными и набухшими. После регаты кожа вокруг швов стала почти горячей на ощупь.

Я позвонила в больницу. Несмотря на явные признаки инфекции, на приём меня записали с перерывом в две недели. За это время и копыта можно отбросить, – решила я и попросилась на сканирование у своего знакомого доктора. На снимках было четко видно, что в моей утробе торчит чужеродный предмет треугольной формы. Тут же набрав номер телефона хирургического отделения, я обвинила всех и каждого в непрофессионализме и пригрозила пожаловаться больничному начальству и прессе. В результате такого прессинга меня мгновенно положили на операцию. Оказалось, что во мне остался кончик ножа, которым меня ткнул Вован. «Обломился об мои железные мышцы!» – пыталась я шутить с медсестрами: они- то были здесь ни при чем. Очевидно, вытаскивая нож, медики решили, что русское холодное оружие всегда имеет странную форму трапеции, и даже не пытались сообщить хирургу, что кончик у ножа отсутствует. Так или иначе, меня резали и зашивали, потом снова резали и снова зашивали. Долгое время я ходила перебинтованная вокруг толстой абдоминальной прокладкой с абсорбирующими свойствами, туго прижатой к моему животу.

Дейв, понимая, что мне придется отложить свой пробег по побережью на неопределенное время, гостеприимно предложил поставить «Флибустьер» в гараже своего дома. Я согласилась, чувствуя себя абсолютно несчастным человеком:

я оказалась без своей яхточки, которая давно стала моим домом, с уродливым разрезом на боку, без работы и без денег, так как все мои сбережения ушли на оплату больничных счетов... Дейв, безусловно, вел себя по-джентельменски. Поставив трейлер с «Флибустьером» в теплый гараж, он предложил мне пожить у него, пока я не стану чувствовать себя лучше или, по крайней мере, двигаться немного быстрее. Тем более что места у него было более чем достаточно. Его дом оказался старинной постройки, в три этажа: наверное, он был возведен для местной элиты лет сто назад. Дом перешел ему по наследству от отца, вместе с красным кабриолетом и двухмачтовым кечем «Дульсинья», стоящим в марине Морро Бэй. Я подозревала, что мой гостеприимный хозяин получил и наследство в виде крупной суммы на банковском счету, – содержание таких хором и яхты стоило немало денег. Впрочем, согласно уверениям Дейва, оплата за коммунальные услуги равнялась нулю, потому что всё, включая подсос воды, работало на ветряных и солнечных батареях. Дом его был всегда хорошо протоплен, светел и сух, и в нем было очень комфортно прятаться от летних туманов Морро Бэя.

Вечерами, завернувшись в плед, я забиралась с книжкой в широкое кресло и часами просиживала в библиотеке, вдыхая почти забытый запах фолиантов в твердых переплетах. Дейв обычно сидел за массивным письменным столом, и настольная лампа отбрасывала желтоватый кружок на блокнот,

в котором он делал быстрые пометки, не сводя глаз с экрана компьютера. Иногда я поднималась с кресла и, придерживая повязку на животе, продвигалась вдоль стеллажей, водя пальцем по корешкам книг. В отличие от Дейва, я носила свою коллекцию книг размером в пятьсот томов на маленькой электронной планшете и по фолиантам особо не скучала, но само пребывание в домашней библиотеке приносило мне чувство покоя и невероятного уюта. По вечерам Дейв всегда работал за компьютером, но, тем не менее, с видимым удовольствием вступал со мной в беседу. Иногда я зачитывала ему какой-нибудь абзац, и мы часами развивали понравившуюся тему, выхватывая с полок книги, цитируя авторов, – каждый доказывая свою правоту.

Однажды я увидела тоненькую книжку в дешевом бумажном переплете, под названием «В одиночку против Атлантики». Полистав страницы, я наткнулась на фотографии и, не веря своим глазам, уставилась на знакомые обводы миниатюрной яхты.

Торжествуя потрясая книжкой, я закричала:

– Дейв! Ты не поверишь! Я нашла что-то совершенно потрясающее у тебя в библиотеке!

Дейв, улыбаясь, подошел поближе и сел рядом в кресло:

– Что ты нашла, Дин?

– Смотри! – я показала ему фотографии, – это «Янки Гёрл» – трехметровая парусная лодка, в которой Джерри Спосс совершил переход через Атлантику и Тихий океан.

Я детстве прочитала отдельные главы этой книги в русском журнале «Катера и яхты». А у тебя – целая книжка! Просто не могу в это поверить!

– Так ты, выходит, все заранее запланировала и построила «Флибустьер» с оглядкой на «Янки Герл»?

– «Янки Герл», «Тинкербель», «Акрок Австралиус», «Гилтспур», «Бриз»... «Лена» и «Саид» Жени Гвоздева, наконец. Слышал о таком? Он на легкой пластмассовой «Лене» вышел в океан через Каспийское море. В перестройку, в холодину, зимой... Тогда не то, что тушенкой или там газом для горелки запастись, – сахар и чай купить невозможно было. А потом построил крошечный «Саид» и спустил его с балкона на веревках в грузовик... Ладно, это тебе не понять...

– Почему же не понять? Он очень любит ветер и свободу... А интересно, какая самая маленькая лодка пересекла океан?

– Точно не скажу, но, по-моему, это был британец Мак-Нелли, и его супер яхта «Вера Хью II» была чуть больше метра, и стоила Британии пятьдесят пять тысяч фунтов стерлингов... Он шёл через океан сто пять дней. Но возможно, его победил американец Хьюго Вилен, – они в восьмидесятых и девяностых с ним всё время соревновались: у кого меньше...

Дейв чуть не подавился от смеха:

– У кого меньше! И потратить восемьдесят тысяч долларов! На лодку, в которой невозможно даже сидеть, не говоря

уже обо всём остальном... Откуда ты это всё знаешь?

– Я просто в детстве под парусами ходила, а по ночам читала про своих героях. Как раз тогда и была эта лихорадка путешествий на маленьких лодках... Сейчас по-прежнему рискуют, но теперь это – риск разбиться на огромной скорости в легчайшем катамаране. А в Сакраменто я скучала по морю, вспомнила свою детскую мечту и решила попробовать построить маленькую яхточку. Если и не пересекать океан, то хотя бы залив Сан-Франциско... Но и для коварного залива надо было строить что-нибудь надежнее... Вот и получился «Флибустьер», – парусная лодка с кабиной...

– Ага, а еще с водонепроницаемыми отсеками, шестью разными парусами, с дополнительным балластом в виде запаса воды на два месяца и десятикилограммовым якорем... Строили швертбот, получился теплоход...

– Это у меня нечаянно как-то получилось!

– Врешь ты все, Дина. Всё ты заранее спланировала. Надо признать, что твоя лодка, по сравнению с «Вера Хью II», – это просто гигант! Я вообще удивляюсь, что ты этот британский рекорд решила не бить. А ставить твой «Флибустьер» на трейлер – это наказание божеское. Это же надо – метр осадки у четырехметровой лодки! А вес больше полутонны! Вся набережная собралась смотреть на это чудо-юдо, из воды выходящее!

– Фоткали?

– Еще как!

– «Флибустьер» всегда фоткают. Он у меня уникальный и фотогеничный, – соглашалась я.

.... В другой раз на полке обнаружился «Алхимик» Пауло Коэльо, и я стала расспрашивать Дейва об его детских мечтах и его Легенде:

– Помнишь, там такой юноша – пастух мечтает найти сокровища, о которых ему приснился сон, и он, следуя пророчествам гадалки, добирается до Египетских пирамид. Он, конечно, выносит многие злоключения, его грабят и бьют, он проходит испытания процветающим бизнесом и размеренным бытом, но сохраняет чистое сердце и не сдаётся, следуя своей Легенде. В итоге он добирается до пирамид и настолько сливается с природой, что может разговаривать с ветром и солнцем. Он даже не удивляется, когда узнает, что сокровища его ждут в той самой церкви, где ему приснился сон. Сокровища всегда были рядом, но чтобы добраться до них, необходимо были пройти этот путь. Он не сдался и следовал своей Личной Легенде до конца, и получил вознаграждение за свою веру без фанатизма и открытость сердца. Так вот, у каждого человека есть такая Легенда. Это – как миссия на Земле. Какая у тебя Легенда?

– Я даже как-то и не думал об этом, – сказал Дейв. – В детстве я любил читать о попытках создать «перпетум мобиле» – вечный двигатель. А потом, когда мы всей семьей на всё лето отправлялись в плаванье на нашей «Дульсинее», совершенно естественно я увлекся ветром. Я и в детстве вет-

ряки строил. Отец мне, правда, тогда помогал. А сейчас любой сдвиг в направлении энергии солнца и ветра делает меня абсолютно счастливым. Совершенству предела нет! Возьмем, к примеру, скажем, лодочные моторы с солнечными панелями, – они могут работать и заряжаться одновременно от солнца. Перпетум мобиле, не так ли?

– Не совсем так. У него стираются части, и, несмотря на огромную площадь солнечной панели, мотор все же тратит намного больше энергии, чем поглощает...

– Вот-вот! То есть нужны более эффективные батареи, панели, лучшие материалы. Все это требует исследований, но в результате мы получаем нечто приближенное к вечному двигателю! Такая энергия спасет мир!

– Да, но вечный двигатель должен производить достаточно энергии, чтобы построить самого себя. И потом, совершенство всегда будут копировать. Что, если вечный двигатель произведет фурор, и где-нибудь в Китае начнут строить заводы по производству дешевых подделок? Как тогда быть с нашей концепцией спасения мира?

– И что плохого в дешевизне? Больше народа будет использовать... Ты меня извини, но раньше такие рассуждения называли «реакционерство». Во-первых, если так думать, то никакого прогресса нам вообще не видать. Во-вторых... во-вторых, ты мне все-таки напомнила о моей детской мечте. Точнее, своего рода утопических мечтаниях. Я искал на картах незаселенные районы, и мысленно высаживал туда отряд

ученых, прибывших на парусных судах. Эти ребята при помощи новейших технологий строили там совершенный мир: мир, в котором нет места шумному транспорту, выхлопным газам и пестицидам. Всё организовано на основе естественной энергии солнца, воды и ветра. Все живут в коммуне, как, скажем, племена Новой Гвинеи, только на основе осознанного обществом супер-образованного контингента ученых принципа нестяжательства и любви к ближнему своему...

– Звучит заманчиво, прямо как коммунизм в идеальном смысле этого слова... Пригласи меня в свой утопический мир, у меня всегда найдется пара идей по поводу социальных структур... Могу вылить на тебя ушат холодной воды прямо сейчас... К примеру, ты и я – такие вот ученые. Ты думаешь, что следуешь принципу простого быта и самодостаточности, путешествуя и занимаясь исследованиями на своём кече. У тебя там холодильник, телевизор и ванна с горячей водой. Я тоже следую тому же принципу на своем «Флибустьере», питаюсь макаронами, пойманной рыбой и грибами из леса... Но я буду тратить время на то, чтобы прокормить себя, вместо того, чтобы заниматься учеными исследованиями. В итоге кто-нибудь придумает социализм и выдаст нам абсолютно одинаковые яхты, – что-то среднее между твоим кечем и моим дракончиком, и это будет нечто, абсолютно лишённое индивидуальности, но достаточно эффективно, чтобы мы занимались исследованиями. Нам также выделяют красивый район с островами в океане, который будет защищен

от пиратов, – ради нашей безопасности нам из него нельзя будет выходить... Но мы-то затоскуем без наших собственных корабликов и свободы перемещения...

– Спасибо за информацию, – саркастически хмыкнул Дейв, – Это была моя детская мечта, между прочим...

– Ой. Извини, пожалуйста! Но другая мечта сбылась, так ведь? Ты ведь занимаешься энергией ветра! Но выходит, Дейв, что ты следуешь своей Личной Легенде!

– Выходит, что так. А как насчет тебя, Дин?

– Хм... Помнишь тех людей из книги, которые откладывали исполнение своей мечты на потом, решая неотложные дела, занимаясь бизнесом, растя детей? В книжке они так и состарились со своим бизнесом, не решаясь менять привычный уклад, и только иногда вспоминали о своей Легенде... Но ведь Пауло Коэльо не прав. Ведь, безусловно, есть люди, которые в итоге отправляются на поиски своей мечты, – просто они терпеливы и связаны на некоторое время семейными или там деловыми узами. Не так уж и тяжело быть бедным и странствующим в поисках мечты юношей... Для пацана это нормально, на самом деле: никакого героизма тут нет. Рассказ был бы намного интереснее, если бы в поисках мечты так же странствовала молодая женщина с ребенком...

– Тьфу на тебя, Дина, такую сказку испортила! Это уже не притча, а какой-то триллер получается...

В таких вот философствованиях незаметно прошло две недели. Расцеловав хозяина гостеприимного дома и драко-

нюю голову «Флибустьера» троекратно на прощание, я все же уехала в Сакраменто. Мишка и Альма, увидев меня у калитки, стали носиться кругами, периодически выдавая радостное «гав!». Мишка поначалу не отходил от меня ни на шаг, словно боялся, что я куда-нибудь снова исчезну. Но вскоре он вновь переключился на Альму. Ему нравилось забираться на спинку дивана и с этой высоты атаковать свою бедную подругу, по-ковбойски запрыгивая на её спину. Судя по счастливому выражению Мишкиной морды, он это называл «давай поиграем в лошадку». Высоты Мишка совершенно не боялся, и при этом обладал какой-то невероятной прыгучестью. Он напоминал повадками рысь; впрочем, и внешностью тоже. Наверное, процент дикой собаки Динго в нем был больше обычного. Качества сторожевой собаки в нём были естественным образом отлично развиты. Он ухитрялся защищать простодушную Альму от агрессивных собак, несмотря на то, что та была его на четыре года старше и в три раза больше. Я была рада тому, что Мишка совершенно не скучал в Сакраменто, а общительная Альма нашла себе наконец-то верного друга.

Вскоре я нашла работу в пост-операционном центре реабилитации, и жизнь потихоньку стала входит в обычную колею. После работы я выгуливала собак и садилась за книги. Я штудировала карты ветров и морских течений, анализировала графики ураганных ветров, – словом, готовилась к океанскому переходу. Моё небольшое путешествие вдоль берега

Калифорнии прибавило мне уверенности в солидных морских качествах «Флибустьера», и я стала подумывать о возможности продолжения своего плавания. Мысль о том, что после Гавайских островов я могу с попутным ветром дойти до острова Таити, а оттуда – до Новой Зеландии приводила меня в трепет. С Тихоокеанского юга можно было бы двинуть на северо-запад в сторону Красного моря, а оттуда – и до Черного! Одной рукой я привычно придержала тугую повязку на животе, другой крутила глобус: далекая Ялта манила меня также сильно, как в детстве – таинственные тропические острова. Гавайи и Таити были первой ступенью в веренице портов, ведущих на милый моему сердцу северный берег Черного моря. «Как, вы не были на Таити?!» – спрашивала я себя мультяшечным голосом попугая Кешы, соединяя на карте карандашной линией тропический остров с Гавайями.

Книги с описанием типичных океанских переходов показывали, что благоприятный сезон для путешествия по островам начинается в апреле и кончается октябрём. Это навело меня на отличную мысль: если первого апреля сообщить Алёше, Сережке и родителям о том, что мы с «Флибустьером» отправляемся на Таити через Гавайи, они точно этому не поверят. Можно было совершенно избежать ненужных уговоров и предостережений. Первое апреля – международный день дураков! Так у меня появилась ориентировочная дата отплытия из Калифорнии. Но до этого време-

ни было необходимо все же продолжить свое путешествие вдоль побережья, обогнуть мыс под названием Пойнт Консепшн, который отделяет Центральную Калифорнию от Южной и считается довольно серьезным препятствием, которое не всякая яхта может преодолеть. Если «Флибустьер» выдержит это испытание, то можно будет серьезно готовиться к первоапрельской шутке по поводу Гавайев. На том я и остановилась.

Глава вторая. Пойнт Консепшн

Проработав чуть меньше года в реабилитационном центре, я выпросила себе отпуск и в начале августа направилась к Дейву. Он совсем не изменился за прошедший год и встретил меня с распростертыми объятиями. «Флибустьер», как

ни в чем не бывало, стоял в гараже, чуть пыльный, но сухой и в полной боевой готовности. Дейв помог мне спустить яхточку на воду. Загрузив «Флибустьер» продуктами, мы оставили его у гостевого дока на одну ночь. Вечером, обменявшись новостями за бутылкой красного вина, мы обсудили мой маршрут и договорились встретиться на острове Санта – Каталина, что располагается в океане прямо напротив Лос-Анжелеса, всего в двадцати трех милях от Голливуда через пролив Каталины.

Мы с «Флибустьером» вальяжно покинули гостеприимный Морро Бэй в семь утра и без приключений добрались до Авилы во второй половине дня. Встав на якорь недалеко от муниципального пирса, я пообедала и отправилась смотреть достопримечательности. Небольшой курортный поселок располагался на территории примерно равной Массандре¹². Местные пытались подзаработать на туристах: на набережной художники выставляли свои картины, худенький мальчик играл на гитаре, и почему-то совершенно незагорелая девочка – подросток в коротком платьице крутила под музыку обручи. Купив себе мороженого, я прогулялась по пляжам, но не нашла тут ничего особенного. Среди туристов преобладали люди пожилого возраста, и я вскоре заскучала. Поговорив с местными рыбаками по поводу бедного улова из-за морских львов и дельфинов, съедающих всю рыбу у причала, я отправилась назад на «Флибустьер». Тут-то и на-

---

¹² Пригород Ялты, Крым

чалось самое интересное.

Со старого пирса на сваях вниз шёл длинный железный трап, – к нему я накануне привязала свою байдарку. Вода за время моей экскурсии по городу поднялась сантиметров на сорок, и байдарочные «швартовы» оказались под водой. В итоге мне пришлось совершать акробатический этюд на трапе, вертикально спускающемся от настилов пирса к воде: держась одной рукой за мокрые перекладины, другой я пыталась развязать затянувшийся в воде узел. К тому же поднявшийся ветер гнал волну, то и дело окатывавшую меня сзади. Я балансировала на железных перекладинах, стоя по пояс в ледяной воде, и продрогла до костей. Наконец развязав узел, я плюхнулась в байдарку, почти её перевернув, и со всей мочи стала грести к «Флибустьеру», согнувшись в ней под углом сорок пять градусов: меня буквально сдувало назад, к пирсу. Метр за метром я выгребала против ветра, пока наконец не ухватилась за бортик своей яхточки. Втащив байдарку на палубу, я мгновенно выпустила из нее воздух, упаковала в мешок и как следует его обнайтовила. Сменив одежду, я поставила чай и открыла упаковку печенья. Я чувствовала себя совершенной идиоткой: вместо того, чтобы провести носовой швартов на самый верх трапа, я привязала его внизу, даже и не подумав о приливе. К тому же я не взяла с собой кормовой, чтобы привязать другой конец байдарки к буям напротив пирса, – их специально для этого там поместили. И еще простодушно подумала: и зачем тут эти буйки? Подняв-

шийся ветер стал изо всех сил колошматить мою надувнушку о ржавые перила трапа и покрытые острыми ракушками деревянные сваи пирса... Как она, бедная, только уцелела? А я ведь знала, что на побережье после четырех часов вечера поднимается ветер! Знала, но забыла. Переход от Морро Бэй до Авилы показал, насколько отвыкла я за год от морской жизни. Я всерьез стала подумывать о том, что мне следует просто немного покрутиться в этом заливе, вновь, как говорить, встать на морские ноги перед мысом Концепшн. Однако, прослушав сводку погоды на неделю, я все же решила двигаться на юго-восток, как и было запланировано. Если я не выйду как можно раньше, то застряну в Авиле как минимум дней на десять: на всю неделю объявили штормовое предупреждение. Южная Калифорния с её умеренными ветрами лежала сразу за Пойнт Концепшн, и я решила, что её эти сводки совершенно не касались. Главное – успеть проскочить этот мыс.

Поспав пару часов, я в полной темноте подскочила от звона будильника. Час ночи. Поставив кофеварку на горелку, я принялась натягивать на себя теплое белье и водонепроницаемую одежду. Не смотря на то, что на дворе стоял август, ночи были прохладными. Ветра не было. Луны тоже; небо было затянуто тучами. Подсвечивая компас и выставляя курс на навигаторе, я прикончила свой кофе и завела мотор. Летом ночи, как правило, безветренные. Перспектива идти под мотором всю ночь меня не радовала, но друго-

го выхода не было: мы просто должны были обогнуть Пойнт Консепши́н сразу после полудня. Вокруг мыса ветер усиливается многократно, и, рассчитывая на то, что утром ветер будет дуть с силой в десять узлов, в районе коварного мыса нам предстоит ожидать порывы узлов в тридцать. Ветер крепчает где-то после часа дня, достигая своей максимальной мощи после четырех. Мне, во что бы то ни стало, надо было проскочить Пойнт Консепши́н до этого времени.

Скользя по глади океана, мы вышли за пределы бухты Авила. Сплошь застроенный берег отсвечивал огнями к востоку от бухты; на мысе Дьявола, ограничивающего Авилу с запада, мигал белым светом маяк. На полной скорости мы двигались вдоль побережья, не встречая других судов, до самого рассвета. В шесть утра прямо по курсу стало подниматься солнце; оно лучами пробивалось сквозь низкие облака, раскрашивая золотом всё вокруг. Выше голубело небо; было такое ощущение, что еще немного, и с неба ангелы сойдут на пушистые облака, раздувая щеки и возвещая трубами царство божие. Но вместо них на горизонте появились киты. Они выдавали в небо струи воды, подбрасывали свои гигантские туши вверх, игриво взбивая фонтаны брызг гигантскими хвостами... Вместе с китами пришли дельфины. Они окружили «Флибустьера», и, словно соревнуясь с ним в скорости, стайками проходили под самым его форштевнем. Облака куда-то исчезли, и солнце полноправным хозяином поднималось всё выше и выше, не жа воду своими золоты-

ми лучами и приветствуя всех обитателей океанских глубин: с добрым утром!

В районе мыса Агуэйо были хорошо различимы ракетные установки военной базы Венденберг, стоящие на берегу, прямо напротив нефтяной платформы с красивым названием «Ирэн». Моя рация на шестнадцатой частоте безапелляционным тоном запрещала прохождения квадрата М начиная с девяти часов утра в связи в тренировочной стрельбой. Этот квадрат мы только что благополучно траверсировали. Радио в этом районе не умолкало. Военный корабль «Уоршип 118» требовал от кого-то судна немедленно покинуть место обстрела. У злосчастного шкипера судна или радио не работало, или он плохо понимал по-английски, да только через пятнадцать минут «Уоршип 118», находясь в явной близости к этому судну, коротко приказывал: «Моторное судно, находящееся в квадрате М с координатами... Над вами кружит вертолет! Немедленно покиньте квадрат! Здесь проводится тренировочная стрельба из ракетных установок!»

Ветер стал усиливаться, и я, подняв паруса, заглушила мотор. Вскоре мы бежали со скоростью в четыре узла. Я продолжала слушать радиоперепалку. Мне было и смешно, и немного не по себе. Я представила себя на месте шкипера этой моторки: он, наверное, был напуган до смерти. Наконец-то проснувшись, он, заикаясь, стал спрашивать по рации, в какую сторону ему бежать от ракет. Говорил он с очень сильным испанским акцентом, – скорее всего, был мексикан-

цем. Я подумала, что нам повезло: мы прошли этот квадрат вовремя. В противном случае, если бы я не включила рацию, так и мы бы очухались с вертолетом над мачтой и военным судном по борту. А может быть, «Флибустьера» эти военные могли вообще не увидеть, и начать палить почём зря! Хотя благодаря полой мачте «Флибустьера», набитой фольгой, на радаре он вырисовывается в виде солидного треугольника, – ничем не хуже пятнадцатиметровых яхт.

Вскоре быструю речь незадачливого мексиканца стали прерывать позывы какого-то неизвестного судна, – может, и над ним висел вертолет? Не зная, к кому обращаться, шкипер кричал в микрофон: «Управляющий ракетами, управляющий ракетами, управляющий ракетами! Вас вызывает парусная яхта «Принцесса морей». Я что, нахожусь в зоне обстрела?! Мои координаты ... Приём!» Ему никто не отвечал. Я пыталась разглядеть участников разворачивающейся драмы в подзорную трубу, но мы были уже далеко от злополучного квадрата М. Ветер продолжал усиливаться, и я взяла рифы. Несмотря на уменьшенную площадь паруса, мы летели со скоростью в шесть узлов: волны, шипя, подталкивали «Флибустьера» в корму, ветер срывал белую пену.

Мы приближались к Пойнт Концепшн. Знаменитый мыс пологими скальными уступами спускался в воду. Издалека были видны гигантские волны, накатывающие на скалы и тут же разбивающиеся об них вертикальным фонтаном. Над волнами белел маяк. Ни деревца, ни кустика не было

видно на этой бурой земле, – ветер неся сюда с безкрайних холмистых долин Калифорнии, через гряду прибрежных гор, и обрушивал всю свою ярость на ничем не защищенные склоны мыса. Далее в океан, в двадцати милях к юго-востоку от берега, был различим контур острова Сан Мигель, – самого крайнего из группы островов Чаннел. Начиная от мыса Пойнт Концепшн, береговая линия загибалась налево, на восток, – начиналась Южная Калифорния. Острова Чаннел протянулись параллельно береговой линии. Пролив между этими островами и континентом выплескивает всю свою сдерживаемую берегами энергию на соединении с океаном у Пойнт Концепшн. Это называется эффект Вентури. Вот так же широкие реки, плавно текущие по долинам, вдруг сужаются скалами и превращаются в бурливые опасные потоки. Из-за этого именно здесь, особенно в послеполуденное время, когда воздушные массы начинают перемещаться быстрее из-за нагретых солнцем гор и долин, и происходит многократное усиление ветра и волн. Пойнт Концепшн с незапамятных времен называют «калифорнийским мысом Горн».

К часу дня ветер еще более усилился. Каких-то минут двадцать, – и мы пройдем коварный мыс. Я уже взяла последний риф на люгере, но оставила небольшой треугольный передний парус – стаксель. Я была рада, что сообразила взять рифы как можно быстрее: чтобы подобрать рифы, надо вставать носом к ветру, и вот тогда-то становится ясно,

насколько сильно он дует. «Флибустьера» бросало из стороны в сторону, и мне пришлось лечь в дрейф, чтобы хоть как-то уменьшить эту «болтанку». Палуба тут же стала мокрой от захлестывающих её волн; держась за проведенные вдоль бортов леера с сеткой до самой палубы, я на полусогнутых ногах добралась до мачты, ввязывая риф-сезани в люверсы и крепя люгер к буму. Я приучила себя встёгиваться карабином на шлейке к страховочному линю, протянутому вдоль палубы. Такая самостраховка была просто необходима: окажись я за бортом, бросить спасательный круг было бы некому.

Пройдя Пойнт Консепшн, я, постепенно срезая угол, повернула на восток. Закончилось наше стремительное движение по ветру и волнам. Сейчас «Флибустьер» принимал всю силу ветра своим бортом, но продолжал на удивление хорошо двигаться, не рыская по волне. Я уже видела якорную стоянку Кохо, лежащую в бухточке, образованную двумя мысами. О том, чтобы подойти туда с этого угла и речи быть не могло: в такую волну даже под стакселем идти против ветра было невозможно. Нам пришлось пройти вдоль берега дальше на восток, и, развернувшись на 180 градусов, уже под прикрытием берега двигаться в обратном направлении, в сторону якорной стоянки. В течение часа мы бились с волнами и ветром; не желая уступать ни пяди отвоеванного расстояния, я завела мотор. С его помощью мы, наконец, вошли в бухточку Кохо. Даже в бухте продолжало дуть с огромной

силой; только работающий мотор удерживал нас на одном месте, пока я спускала стаксель и крепила реёк вместе со свернутым люгером к буму, распластавшись на раскачивающейся из стороны в сторону палубе. Наконец бросив якорь, я переключилась на «нейтралку», и ветром нас сразу же понесло прочь от берега. Якорная цепь натянулась как струна: якорь врубился в песок дна, да там и остался. Я внимательно смотрела на берег: не тащит ли нас вместе с якорем? Склонившиеся к земле редкие кустики оставались на том же месте. Успокоенная, я вытравила еще пятьдесят метров цепи, и осмотрелась.

Параллельно береговой линии шла насыпь железной дороги; словно в подтверждение этому, по рельсам на огромной скорости пронесся товарняк, просвистев приветственное «Ту-туу!». Внизу слева, прямо под скалами Пойнт Консепшн, на узком пляжике что-то белело. С нехорошим предчувствием я взялась за подзорную трубу. Так и есть: на песчаной полоске на борту лежала выброшенная на берег яхты метров в десять длиной. Можно было хорошо разглядеть узкий длинный киль и характерные обводы парусного судна. Внутренне сжавшись, я потянула за цепь, еще раз проверяя якорь. Пойнт Консепшн не прощает ошибок... Наконец, надежно закрепив румпель ближе к правому борту, я спустилась в каюту и, поставив разогреваться мясное рагу, налила себе вина. «За место!», – сказала я «Флибустьеру», и чокнулась с его кабиной.

Не успев сделать и глотка, я вздрогнула от раздавшегося телефонного звонка. «Надо же, есть сигнал!» – подумала я, нажав на зеленую кнопку приема. Звонил Дейв.

– Привет! – раздался в трубке чуть напряженный голос, – Ты где сейчас?

– В Кохо, стою на якоре! – заявила я, пытаюсь сдержать расплзающуюся от уха до уха счастливую улыбку. Любой человек, мало-мальски разбирающийся в истории Калифорнийского побережья, слышал об этом естественном укрытии возле Пойнт Консепшн. В Кохо уже многие столетия назад выжидали благоприятную погоду для прохождения коварного мыса парусные суда. Мы с «Флибустьером» могли по праву гордиться своим пребыванием в исторической бухте.

– Ого, прошла, значит. Молодец, поздравляю! – в голосе Дейва явно слышалось облегчение, – Но ты там, похоже, за села надолго: сводка погоды ужасная. Сегодня ветер усилится до сорока узлов, и будет дуть как минимум всю неделю.

Сорок узлов! Ничего себе! Это значит, что даже если завтра утром ветер стихнет, то волны, надутые этим ветром, всё еще будут высокими. Я выглянула из кабины наружу.

– Да уж, мы тут даже на якоре сидим накренившись на левый борт. Дует изо всех сил.

– М-да... Ничего не сломалось на «Флибустьере»?

– Нее, – я откусила от хлебной горбушки, и, жуя, заявила, – Даже не скрипнул! Против ветра идти было тяжело, когда к Кохо подходили..

– Ну, против ветра всем тяжело... Я слышу, кушаешь сейчас. Давай поешь хорошо и отдохай...

Слышит, как я «кушаю»? Я что, чавкаю в трубку? Перестав жевать, я отчаянно промычала что-то нечленораздельное. Дейв засмеялся и сказал:

– Дин, пожалуйста, звони, как будет возможность. Я планирую встретить тебя на острове Каталина. Ты просто молодчина! Еще раз поздравляю, – он положил трубку.

Я уставилась на карту. Меня не столько беспокоил ветер, как волны: для маленького «Флибустьера» даже волна высотой в метр теоретически была серьезным препятствием. Если я могла избежать высоких и крутых волн, то мне следовало это сделать. Если я выйду из этой бухты через неделю, то нагнанное многодневным штормом море может быть серьезнее, чем завтрашнее волнение. Кроме того, если я доберусь до острова Сан-Мигель, то последующие участки пути пройдут через группу островов Чаннел, и так или иначе мы будем двигаться с подветренной стороны берега, защищенные его гористым рельефом. Решено: завтра утром выходим в сторону острова Сан-Мигель. В конце концов, нам надо пройти испытание, и лучше это сделать сейчас, вблизи от береговой охраны. Если что, и военные придут на помощь! Я вспомнила отчаянные позывы шкипера яхты, пытающегося поговорить с «управляющим ракетами», и невольно рассмеялась. Наконец поужинав, я сполоснула посуду в забортной воде и отправилась спать.

Глава третья. Остров Сан-Мигель

Поспать мне толком не удалось. Выставленный мною накануне вечером сигнал навигатора срабатывал всякий раз, когда яхта удалялась от координат первоначального места на длину более пятнадцати метров. Таким образом, если якорь не выдержит нагрузки и начнет скользить по дну, я могла быстро отреагировать и взять ситуацию под контроль. Но ветер стих, и вместо того, чтобы, натягивая цепь, стоять на одном месте, «Флибустьер» стал выписывать круги, передвигаясь по воде вместе с приливом. Навигатор то и дело отчаянно пищал, и после пятой ложной тревоги я его отключила. Мне надоело каждый раз выбираться из теплого спальника в кокпит, чтобы в очередной раз убедиться в том, что берег все там же. Я вынесла спальник наружу и забралась в его теплое нутро.

Ночь была бесподобной. Темный бархат неба был усыпан миллиардами звезд. Луна освещала скальные обрывы мыса, и лунная дорожка бежала через гладь бухточки до борта «Флибустьера». Все вокруг казалось мирным и по-домашнему уютным, и лишь белеющий на берегу корпус выброшенной яхты напоминал о ярости зимних штормов. В том, что яхту выбросило на берег зимой, я почти не сомневалась: коварной Санта-Аной, юго-восточным ветром, раньше пугали здесь маленьких детей. Она без предупреждения приходит

грозой и дождем с океана, выбрасывая шквальным ветром ничего не подозревающие корабли на берег.

Спать мне уже не хотелось. Ветра в бухте совсем не было; очевидно, он все же дует в миле от берега, но не так сильно, как накануне вечером. Поразмыслив, я решила использовать ночное затишье и отправиться в сторону Сан-Мигель. В конце концов, навигация была предельно проста, и на моем пути из бухты не лежало никаких подводных камней и прочих препятствий. Я заглянула в каюту, – нет ли там свободно лежащих книг и прочего, что непременно будет летать по всей кабине. Все было в порядке. Я сложила спальник в мешок и затолкала его в пространство под кокпитом, где у меня хранилась одежда. Освободив румпель от державшего его линия, я отправилась было отвязывать люгер и поднимать якорь, как вдруг увидела две светящиеся точки на дальних холмах. Точки двигались со склонов по направлению к берегу, то и дело останавливаясь, словно что-то высматривая или сверяя путь по карте. «Налобные фонарики!» – поняла я. Насколько я знала, до ближайшего посёлка путь был неблизким. По пустынной местности проходят лишь поезда; автомобильные дороги обходят ветряный мыс стороной. Никаких туристических маршрутов здесь не нет: километры пустынных холмов никому не интересны. Может быть, эту лодку выбросило на берег совсем недавно, и её экипаж по какой-то причине не может дозвониться до береговой охраны? Или они отправились на берег в поиске воды? Может быть, им нужна

помощь? Придерживая коленом раскачивающийся румпель, я не отрываясь смотрела на приближающиеся белые огоньки. Вдруг, как по команде, они исчезли, – наверное, путники зашли за небольшой холм. Они были совсем недалеко: мне стало казаться, что я слышу обрывки разговора. Но вскоре я поняла, что испытываю слуховые галлюцинации: я могла распознать отдельные слова и фразы, но все они были на испанском языке. Я не удивилась. Ближайший отсюда городок Ломпок славится своими бесконечными виноградниками и овощными грядками; тут так много аграриев-мексиканцев, что совсем не обязательно говорить по-английски. Но мексиканцы предпочитают более комфортное времяпрепровождение, чем шататься ночью по пустынным холмам, – только, конечно, если такое шатание не стоит больших денег. Но, скорее всего, мой уставший от напряжения и желания что-либо понять мозг стал услужливо подбрасывать мне фразы на языке, который я пыталась учить в течение последнего года. В конце концов, последние двое суток я спала всего часа четыре и была физически просто измотана. Держалась я, очевидно, только на адреналине и всепоглощающем ощущении счастья.

Поплескав на лицо холодной океанской водой, я снова стала всматриваться в темноту берега. Я совершенно ничего не видела и не слышала. Минут через пятнадцать безрезультатного ожидания я выбрала якорную цепь и, крепко привязав якорь к баковым кнехтам, подняла зарифованный люгер.

Как только мы вышли из бухточки, ветер подхватил «Флибустьера», и мы бодро двинулись по направлению к острову. С одним взятым рифом мы шли со скоростью в четыре узла. Меня это вполне устраивало. Обернувшись, я бросила прощальный взгляд на удаляющийся берег и застыла на месте: на фоне светлеющего неба можно было четко разглядеть две темные фигуры, стоящие на прибрежной скале. Они не махали руками и не делали никаких прочих намеков на отчаянное положение. Широко расставив ноги, они, казалось, что-то высматривали в на горизонте. Наведя на них подзорную трубу, я тут же отпрянула назад: двое мужчин разглядывали меня в бинокль. Я махнула им рукой, готовая повернуть «Флибустьер» назад, но они лишь развернулись ко мне спиной и стали быстро спускаться вниз со скалы. «Странно всё это», – думала я, продолжая наш путь к Сан-Мигелю.

«Флибустьер» резво бежал курсом зюйд-зюйд-ост. Опасаясь, что ветер будет крепчать, я взяла еще два ряда рифов и ничуть об этом не пожалела. С минимальной площадью паруса «Флибустьер» нёсся под порывами усиливающегося ветра как хорошая скаковая лошадь, и уже через три часа мы входили в гавань Кулье. Скальный островок Принц стоял на страже входа в бухту с северо-востока; окружающие глубокую гавань горные массивы были прорезаны живописными каньонами. Именно эти каньоны позволяли воздушным массам спускаться в бухту: волн тут не было, но ветер по-прежнему свистел в такелаже «Флибустьера», накренивая его на

левый борт. Во второй раз подряд я вставала на якорь под работающим в режиме «вперед» двигателем, дающем нам возможность оставаться на одном месте, – настолько сильным был ветер в защищенной горами бухте! И речи быть не могло о том, чтобы отправиться на берег на байдарке.

С палубы «Флибустьера» было хорошо видно белый пляж и высокие пальмы, высаженные Голливудом для съемок исторического фильма про капитана Блая и его корабль «Баунти» еще в начале двадцатого века. Также как Ялтинская киностудия использует Крымские пейзажи для имитации всех частей земного шара, так и Голливуд издавна использовал острова Чаннел в качестве естественных декораций. В данном случае пляж с пальмами на острове Сан-Мигель переносил зрителя в Таити. Жарким тропическим климатом на острове, правда, и не пахло. То ли из-за близости к мысу Консепши с его эффектом Вентури, то ли из-за собственного горного микроклимата, да только небо над Сан-Мигелем почти всегда затянуто тучами. Краткий морской путеводитель по островам Чаннел называл гавань Кулье не только самой живописной, но и самой холодной из всех естественных якорных стоянок островов. Красота и вправду была необыкновенной и какой-то по – северному суровой. На скалах у воды сидели крупные нахохлившиеся птицы, окрасом и комплекцией напоминающие миниатюрных пингвинов. Я бы не удивилась, если бы мне сказали, что я прибыла на Аляску – особенно после того, как дрожа от ветра, я достала свой

пуховик, не желая сдаваться ветру и прятаться в кабину. В конце концов, путешествие хорошо не столько самим движением, сколько новыми впечатлениями и видами.

На пляже с пальмами расположились морские слоны. Они громко переговаривались и, судя по всему, обсуждали план захвата «Флибустьера», – если мы не уберёмся отсюда как можно скорее. Я никогда раньше не видела этих длинноносых созданий, поэтому с интересом изучали их в подзорную трубу. Белый песок пляжа, на котором резвились слоны, смотрелся несколько странно в окружении бурых скалистых обрывов с кустиками скудной растительности; намного более естественным было бы увидеть здесь гальку, присыпанную снежком. Было холодно. «Мы так не договаривались, – бубнила я, потирая замерзшие руки, – мы же обогнули мыс Концепшн, здесь должно быть безветренно и жарко!». При всей моей любви к северу, меня все же тянуло «в сторону южную». Я твердо решила пройти без остановки мимо острова Санта-Роза и отправиться на остров Санта-Круз, – третий в цепи островов Чаннел¹³. Судя по карте, на острове было около сорока бухточек, пригодных для якорных стоянок, и примерно столько же для временного укрытия. Там я наконец-то смогу поплавать с трубкой и маской, позагорать и половить рыбку, – словом, всячески предаваться обещанной

---

¹³ Просьба не путать с городом Санта-Круз, что находится недалеко от Сан-Франциско в Северной Калифорнии. Город Санта-Круз упоминается в первой части книги.

неге Южной Калифорнии... Налюбовавшись бухтой Кулье и плотно пообедав макаронами по-флотски, я завернулась в спальник и провалилась в глубокий сон.

Глава четвертая. Остров Санта-Круз

Яхта под алыми парусами входила в бухту Пеликан. Я остановилась и, растягивая мышцы ног, смотрела, как капитан выжимает последнее из слабых дуновений ветра. Бухта хорошо защищена мысами, и, попав в её подветренную часть, яхта лишилась своего двигателя-ветра. Кроме «Флибустьера», в бухте находилось еще несколько яхт и неболь-

ших прогулочных катеров. Расстояния для манёвров было немного: «Флибустьер» с одной стороны, скалы- с другой. Недолго думая, капитан завёл мотор, и почти неуправляемая яхта, дрейфовавшая к камням, мгновенно среагировала, развернувшись носом против ветра. Капитан, высокий мужчина в кепке, выскочил на бак и быстро стал вытравлять якорную цепь. Один, – поняла я. Без команды, и без особого желания использовать мотор. Видно, привык становиться на якорь только под парусом.

Я ему немного завидовала. Овладев навыком «зарывать» якорь на заднем ходу мотора, я не совсем доверяла своему умению делать это под парусом в легкий ветер. Когда ветер задувал и «Флибустьера» буквально уносило от якоря, – это другое дело. Якорная цепь натягивалась, как струна, и якорь немного продвигался за ней и прочно застревал в океанском дне. В лёгкий ветер этого не происходило, и даже техника обратного хода под парусом не казалось мне надежной. Лишь нырнув на глубину и разглядев зарывшийся в песок якорь, я могла спокойно пойти спать, рассчитывая проснуться на том же месте. Поэтому для таких закрытых якорных стоянок мне казалось наиболее безопасным использовать мой мотор. Не романтично, но зато дешево, надёжно и практично, как говорил Папанов в фильме «Бриллиантовая рука». Романтик из меня так себе, средней паршивости.

Яхта встала рядом с «Флибустьером». Я разглядела на баке соседней яхты женщину, – она приветственно махнула

рукой и что-то прокричала капитану «алых парусов». Какие все милые, приветливые люди! Затянув разболтавшуюся шнуровку на кроссовках, я продолжила свою пробежку. Хорошо набитая тропа шла наверх по холму, траверсом проходила вдоль скальной гряды и круто спускалась вниз, в каньон. Она связывала две бухты под названиями Пеликан и Гавань Тюремщиков. В начале восемнадцатого века сюда свозили пойманных воров и бандитов со всей мексиканской Калифорнии. Остров тогда был заселен индейцами племени Чумаш и алеутами, которых русские корабли привезли с Аляски. Славяне в это время промышляли здесь морскую выдру, славившуюся своим мехом; завезенные ими воинственные алеуты вытесняли местных индейцев. Кроме индейцев, алеутов и тюремщиков, зимой здесь бывали американцы на торговых кораблях, спасающиеся на островах от губительных шквалов Санта-Аны. Сосланные сюда мексиканцы, опасаясь враждующих племен и сходя с ума от вынужденной изоляции, поджидали в на берегу такие корабли и брали их на abordаж. Так залив и получил свою ужасную репутацию, вкуче с названием Гавани Тюремщиков.

Позже, в девятнадцатом веке, когда остров стал дачным курортом, в заливе был построен пирс, к которому стали привозить камнеломов для работы на карьере. Те вырезали куски песчаника из скал и сгружали каменные блоки на дрезину. По рельсам песчаник доставляли к воде, где находился склад, – это здание склада до сих пор хорошо сохранилось.

Со склада песчаник грузили на лодки для доставки местным землевладельцам. Тогда же и был построен отель «Пеликан», развалины которого находятся в одноименной бухте, в двух милях к западу от Гавани Тюремщиков. Строить дорогу вышло бы значительно дороже: местность всё же очень пересеченная. Даже крутая тропинка, по которой я бежала, местами была усилена деревянными ступенями.

Эта тропа была проложена еще владельцами отеля «Пеликан» мистером и миссис Итон. Они, построив отель в одноименной бухте, высадили вокруг него агавы и пальмы: гости могли попозировать на фоне мыса Святого Петра, желтыми скалами замыкающим заливы и бухты берега. Пальмы с агавами придавали особый, почти тропический колорит этой панораме. Своих именитых гостей мистер Итон привозил на пароходе «Морской волк», совершая морские прогулки из Санта – Барбары через пролив к бухте Пеликан. Прогулки совершались до тех пор, пока «Морской волк» не был выброшен на берег Санта- Барбары зимним штормом. Так или иначе, но уже в начале двадцатого века многие артисты, писатели и поэты пытались найти покой и уединение среди нетронутой красоты этих бухточек и каньонов. Лучшего места для созерцания было не найти: ведь отель «Пеликан» находился на острове. Говорят, когда-то давно католический священник потерял здесь алтарный крест, который нашли индейцы и возвратили его миссионерам. В честь этого события остров и называли «Санта-Круз» – Островом Свя-

того Креста.

Санта-Круз превосходил мои самые смелые ожидания. Теплый, богатый растительностью и совершенно уникальными животными, он является самым крупным из островов группы Чаннел. Его называют Калифорнией в миниатюре, и это не случайно: южный берег острова славится песчаными пляжами и длинным прибоем, известным в среде серфенгистов, а северный берег потрясает воображение туристов крутыми обрывами, пропиленными в прибрежных скалах арками и узкими галечными пляжами. Здесь, на северном берегу, было немного холоднее, так как солнце уходило за горы намного раньше. «Внутри» острова была также жарко и сухо, как в долине Сакраменто. А самое главное – океанская вода здесь действительно была намного теплее! Для длительных подводных экскурсий с трубкой и маской я надевала мокрый гидрокостюм, но и без него можно было совершенно спокойно находиться в воде минут пятнадцать. Наконец-то я могла поплескаться в чистой океанской воде, а потом и позагорать с книжкой на пляже. Прямо как в Крыму!

Первая моя остановка была в бухте Пеликан. Из-за сильного ветра мне пришлось пройти мимо многочисленных бухточек северо-западной оконечности острова: штормовая погода продолжалась всю неделю, я не рисковала вставать на якорь ни в одной из этих второстепенных бухт. Бухта Пеликан же, если верить автору мореходного путеводителя, могла выдержать штормовой ветер до шестидесяти узлов, и была

хорошо защищена от волнения.

Путеводитель не подвел. Бухта и вправду глубокой подко-
вой врезалась в побережье, и была окружена белыми скала-
ми с выпиленными в них гротами. На возвышающихся из во-
ды камнях восседали те самые пеликаны, мирно соседствуя
с коммодорами и чайками. Время от времени они быстро
взлетали и тяжело плюхались животом в воду за рыбой. Я
точно с такой же «грацией» ныряла с бака «Флибустьера»,
чтобы освежиться... С рыбкой у меня дела тоже обстояли
отлично. Охотилась я на донную треску, но попадалась мне
лишь крупная макрель; впрочем, жаловаться мне и в в голо-
ву не приходило. Красная жирная мякоть макрели превос-
ходно шла на рыбные котлеты, пироги и растягаи. Про кон-
сервы я совершенно забыла; как и в былые времена, на за-
пах рыбного пирога тянулись соседи. Всем было интересно
заглянуть в кабину, чтобы посмотреть на интерьер «Флибу-
стьера». Пеликаны плавали рядом, но особо не докучали.
Они, пожалуй, мои любимые морские птицы. Они народ ми-
ролюбивый: между собой редко дерутся, и маленьких не оби-
жают.

Я получила приглашения «на холодное пиво» от каждой
яхты и моторного катера, стоящих тут в бухте, и охотно про-
водила вечера в кают-компаниях, по размерам намного пре-
вышающих всего «Флибустьера», даже если мерить его от
носа дракона до кончика пера руля. Холодильника у меня
не было, а значит, моё собственное пиво охлаждалось пу-

тем погружения на дно. Интересно, что о таком способе многие яхтсмены даже и не знали, так что мгновенно прозвали его «русским методом». Надо признать, камбузное пиво было все же холоднее. Яхты и катера здесь были в основном с Вентуры и Санта-Барбары, и до острова Санта-Круз они добирались за полдня. Для яхтсменов Южной Калифорнии путешествие на острова были всего лишь маршрутом выходного дня.

Вскоре моим ближайшим и любимым соседом стал капитан «алых парусов», появление которого в бухте я наблюдала с тропинки на береговых холмах. Его звали Вернер. Родом из Швеции, он в возрасте тридцати лет иммигрировал в Канаду, где с женой и четырьмя детьми купил яхту, сделанную из железобетона. На ней они пересекли Атлантический океан. На основе своих путевых заметок он написал книгу, ставшую довольно популярной в Канаде. Затем он увлекся пчеловодством и огородничеством, и снова написал книгу, доказывающую, что жить «от земли» намного здоровее и экономнее, чем покупать напичканные химикатами продукты в магазине. Наконец, в возрасте шестидесяти-семи лет, оставив жену возиться с внуками в Канаде, он в одиночку отправился из Вермона в кругосветное плаванье. По планам, в Сан-Диего к нему должна присоединиться его двадцатичетырехлетняя дочь, – самая юная из той четверки малышей, что пересекли с отцом Атлантику двадцать лет назад. Загоревший, худой и энергичный, Вернер напоминал мне моего отца, и об-

щение с ним только усилило моё желание завершить моё путешествие прибытием в Ялту. Впрочем, именно Вернер изменил мои планы, отговорив меня от путешествия по Красному морю. «Политика, арабы и пираты...», – говорил он с обольстительной улыбкой заправского донжуана. – «Поверь, это – не самый лучший выбор маршрута для такой прекрасной леди».

Пересидев шторм в бухте Пеликан и насладившись прогулками по великолепным каньонам, я попрощалась с Вернером и отправилась в бухту Фрайз. Эта бухта находилась в четырех милях к западу, и на пути к Пеликану я её благополучно проскочила, не решаясь там остановиться. Сейчас же, воодушевленная рассказами бывалых «островитян», я непременно хотела взобраться на местный «Эверест» под названием Пик Дьявола, – путь к нему лежал с пляжа Фрайз. Мне не терпелось пройти на байдарке сквозь каменные арки выступающих в океан скал, поплавать с маской и трубкой в глубоких гротах, расположенных прямо по соседству с этой бухтой. Я взяла у Вернера адрес его электронной почты и, договорившись отыскать его на острове Каталина или в Сан-Диего, пустилась в путь.

Бухта Фрайз оказалась пустынна. Выходные закончились, и начало рабочей недели заставило большинство яхт покинуть гостеприимный остров. В бухте никого не было, и лишь мой маленький «Флибустьер» одиноко покачивался на волнах. Несмотря на необыкновенную красоту местности и

обилие подводных чудес, я в первый же вечер стала скучать по компании. В очередной раз я пожалела о том, что со мной не было Мишки. Впрочем, на заповедные острова собак и кошек привозить было нельзя: уж слишком хрупким был этот уникальный животный мир. Когда европейцы завезли на остров кошек и собак, то именно домашние животные стали охотиться на островных крошечных лис и почти совсем их истребили. Впрочем, у Мишки проблем с лисами не было бы: он никогда первый не нападает и всегда дружелюбно относится к животным... Но вот Альма, – это другое дело. У неё в крови инстинкт «догнать и уничтожить». Пока мы не огородили свой участок в Сакраменто частым забором, она ловила соседских кошек и даже пару раз до смерти забивала заблудших к нам кур. Чрезвычайно поджарая и очень быстрая, она походит на русскую борзую. С собаками же Альма дружелюбна до крайности: умильно виляя хвостом, она позволяет им пить из её чашки и съедать всю её еду. Это безобразие прекратилось с появлением Мишки. Сейчас во время пикников или турпоходов ни одна собака не смеет подойти к Альминой миски: Мишка зорко стоит на страже «семейного» добра, и рычанием дает понять, что разделается с любым наглым псом.

Заскучав, я решила отоспаться как следует, засолить рыбу и отправиться на остров Каталина. Возвращаясь на байдарке с плавания по гротам, я решала, когда именно мне лучше всего сняться с якоря. Я знала, что на Каталине был целый

город, и туда из Лос-Анжелеса каждые два часа ходил теплоход. Если бы только Серёжка приехал туда с собаками! Мы бы отправились в поход с ночевкой на пляже, и устроили бы пикник с шашлыками и вином!

Позвонить и договориться о грандиозных планах я не успела: пока я поднималась на палубу «Флибустьера», меня кто-то так двинул по затылку, что я потеряла сознание и рухнула в воду рядом с байдаркой. «Флибустьер» же бесследно исчез...

Глава пятая. Поиски пропавшего «Флибустьера»

Моя красная надувнушка, выброшенная на галечный

пляж, оказалась на удивление целой. Я вытряхнула содержимое гидромешка, который обычно висел на крючке в каюте «Флибустьера» и который я брала собой всякий раз, отправляясь в дальнее путешествие на байдарке. В нем находилось всё необходимое для выживания в случае кораблекрушения: зажигалка, фильтр для воды, обычный ручной опреснитель для воды, вдобавок еще и опреснитель, работающий на солнечной энергии и выдающий по стакану воды в день. Еще там были рыболовные снасти, компас, сухая еда, кружка-кастрюлька с телескопической ручкой, ложка, нож, и легкое серебристое одеяло, отлично сохраняющее человеческое тепло. Все было компактным и весило не более двух килограмм. В случае, если байдарка переворачивалась, гидромешок оставался на плаву, и обычно был привязан к байдарке репшнуром.

Так или иначе, я была рада одеялу, зажигалке и сухому пайку. Я знала, что поблизости есть вода: в ста метрах от пляжа на поверхность выходил ручей. Я там и раньше не раз набирала воду: она была намного вкуснее, чем опресненная вода из океана. Разложив костер, я вскоре обедала супом вермишелевым с мясом из пакетика. Суп был знаком мне с юности: тогда в студенческой среде в Свердловске он проходил под кодовым названием «Рататуй». Пару месяцев назад, охваченная ностальгией, я купила двадцать таких пакетиков в русском магазине Сан-Франциско... Супа и сухого пайка у меня было немного, но сейчас экономить на еде мне не хоте-

лось: в конце концов, на острове Санта-Круз были турбазы, береговая охрана, два раза в неделю с континента приходили рейсовые теплоходы...

На следующий день я отправилась на байдарке в Гавань Тюремщиков, – там располагалась туристическая база. На базе мне дали рацию, чтобы я смогла связаться с береговой охраной. Рассказав о случившемся, я позвонила в банк и заблокировала свои карточки. Судно береговой охраны вскоре появилось у пирса, а за ним подошел полицейский катер. Мужчина в форме представился следователем Джоном и записал мои показания. Высокий и плечистый, он был родом из штата Техас и говорил медленно, с характерным акцентом. Несмотря на общепринятую у калифорнийцев манеру высмеивать техасцев за их неотесанность и вспыльчивость, впечатление Джон на меня произвел хорошее. Он показался мне прямолинейным и честным человеком. Он даже предложил подбросить меня до берега, – денег на билет у меня не было. Я поблагодарила, но отказалась: уйти с острова я не могла. «Флибустьер» был где-то рядом, далеко его не могли увезти. Джон посмотрел на меня с состраданием и угрюмо сообщил:

– Искать его, скорее всего, охранники особо не будут. Судно маленькое, любительское постройки, не застрахованное, никто не знает, насколько хорошо якорь держал... Многие думают, что его, скорее всего, просто унесло течением. Все что охрана может сделать, – объявить по радио о дрейфую-

щим объекте с просьбой всем судам сообщать о местонахождении объекта береговой охране. Дай бог, рыбаки увидят... А насчет того, что тебя по голове шандарахнули, – что ж, тут разные могут быть причины. Говоришь, нет у тебя врагов? Мы осмотрим бухту на всякий случай, но я очень сомневаюсь, что что-то отыщется... Хотя чем черт не шутит!

Я показала Джону на телефоне фотографии «Флибустьера», включая те, что сделала в бухте Фрайз. Некоторые фотографии я скинула ему на мобильник. На фотографиях я могла указать, где меня выбросило на берег, и где лежала моя байдарка. «Флибустьер» Джону понравился. Пока мы ждали новости с банка и береговой охраны, Джон расспрашивал меня о путешествиях и лодочной жизни. Сам он был настоящим ковбоем: высоким, мускулистым и увлеченным лошадьми. Оказалось, что держать лошадей, – это непростое и довольно дорогостоящее занятие. Он с приятелями постоянно привозил теплоходом скакунов на ежемесячные турниры на острове Каталина. Этот крупный остров, – просто идеальное место для прогулок верхом на коне и для различных ковбойских соревнований вроде бросания лассо. Узнав, что Каталина входила в мои планы, он пригласил меня непременно покататься на одной из его лошадей, – если, конечно, «Флибустьер» отыщется до окончания турнира. Я сохранила номер его мобильника в своём телефоне и горячо пожала ему руку. Было все же в Джоне что-то такое самобытное, без фальши и искусственности. Я была уверена, что он прило-

жит все усилия и поможет мне найти «Флибустьера».

Парни из береговой охраны также оказалась неплохими ребятами: поняв, что с острова я уходить не намерена, одарили меня картой и даже дали какой-то морпехотовский паек в виде плоской вакуумной упаковки. Я решила его держать как НЗ. Собравшаяся около катера береговой охраны публика, – в основном яхтсмены со стоящих на якоре парусных и моторных лодок, – довольно громко обсуждала событие за моей спиной, пока я разговаривала с приятным на вид бригадиром. Никто не мог поверить, что вот так запросто могли увести лодку, да еще такую маленькую, не представляющую из себя никакой ценности на рынке судов. Да еще и по голове стукнули. До меня долетали обрывки разговора: один мужчина, судя по голосу, постарше, меня ругал, а другой выгораживал:

– Да нет, на якорь плохо поставила, и привиделось, будто напал кто-то. А сейчас эта лодка её дрейфует неизвестно где, кто-нибудь не увидит ночью, и влипиться в неё со всей скорости...

– Как-никак без лодки человек остался, а ведь аж с Сан-Франциско сюда добрался, не похоже, что новичок...

– Ну, значит, нечисто тут что-то. Видишь, медсестра по профессии. Может, она наркотиками торгует, а наркоманы выследили да и забрали всё, а лодку и поджечь могли...

От такого нелепого предположения я тут же развернулась и ушла на крепкого усатого мужчину лет шестидесяти.

Стараясь не сорваться на крик, я было двинулась на него, но Джон положил мне руку на плечо.

– Как Вам не стыдно? – громко спросила я усатого. – Вы меня первый раз в жизни видите, а плетете неизвестно что! Как Вам такое вообще в голову могло прийти? На моем месте мог оказаться любой, ничего такого ценного у меня в лодке нет, просто соседей в бухте не было, кто бы присмотреть за ней мог, вот и все...

Мужчина еще что-то бурчал, но его стали стыдить. Подошедшие туристы отдали мне какую-то теплую одежду. Глядя на такую заботу, засуетились и владельцы парусных яхт: кто-то принес целый мешок с консервами, кто-то старый стаксель: завернуться в него ночью от влаги... Кто-то даже пару книжек положил в мою надувнушку. Я была за все безумно благодарна; честно говоря, я совсем не ожидала такой помощи.

Еще раз поблагодарив всех за участие и доброту, я отправилась на восток, до соседней бухты. Если и дрейфует мой «Флибустьер», то дрейфует он в этом направлении. Время было позднее, мне надо было поесть и отоспаться, но я не хотела оставаться в Гавани Тюремщиков, – слишком большое внимания я привлекла там к своей особе, и отдохнуть бы не получилось. Соседняя бухточка была без названия и совершенно не пригодна для якорной стоянки, но мне якорная стоянка была не нужна, – у меня и якоря-то не было. Сейчас нужен был лишь узкий проход среди камней да кусок

пляжа, чтобы вытащить на берег байдарку. Пронеся её через камни и уложив под скалами на берегу, я принялась разводить небольшой костер. Поужинав и рассмотрев свои прибавившиеся пожитки, я уставилась на парус. Парус оказался не стакселем, как я вначале решила, а совсем небольшим гротом с карманом для мачты. Очевидно, парус был от небольшого швертбота-тендера, которые свободно помещаются на яхтах длиной метров двенадцать и больше. Я не раз с завистью смотрела на такие легкие игрушечные кораблики, на скорости рассекающие волны прямо у берега даже в самый тихий ветер. Мачта с накрученным на нее парусом и шверт легко убиралась, и они лодочки мгновенно превращались в весельную или моторную лодку. Если мы когда-нибудь купим большую яхту, но у нас непременно будет такой замечательный тендер. Тендер, пожалуй, я могу и сама построить. Точнее говоря, я могу руководить, а строить будем все вместе. Такой вот семейный проект, с детьми и внуками: кто-то пилит, кто-то строгает, кто-то парус шьёт... А что, это идея! Почему бы мне не превратить мою байдарку в небольшую парусную лодку?

Я в раздумье рассматривала парус и пыталась сообразить, как поставить его на надувнушку. У байдарки был необычно открытый кокпит, но никаких ребер жесткости у нее не было: все три отсека были надувными камерами, а сверху они были покрыты суровым синтетическим брезентом. В принципе я могла соорудить что-то вроде креста – распорки для

дна. И на него прикрепить еще один поперечный брус, – для мачты и наружного шверта-плавника. Сделать это без инструментов было бы тяжело, но инструменты я могла у кого-нибудь попросить, или состряпать что-нибудь совсем простое... Идея поставить на байдарку парус казалась мне все более и более заманчивой. По крайней мере, даже если я на этом потеряю время, то смогу наверстать упущенное под парусом. И потом, на этом берегу все время встречаются какие-то железки, гвозди и прочее, – следы железной дороги и каменоломни. В бухте Фрайз вообще рельсы к воде идут, а на поляне у ручья лежит огромный ржавый цилиндр, похожий на часть гигантского мотора, обложенный кирпичами. Кирпичи были в саже, – наверное, там кто-то ночью грелся у этих кирпичей. Я пожалела, что идея с парусом ко мне не пришла на этой поляне, – там наверняка нашлись бы острые железки. Впрочем, тогда у меня не было паруса.

Всё утро следующего дня я потратила на поиски подходящего дерева. С этой стороны остров прорезан каньонами и ущельями и покрыт лесом. Насколько я знала, только в этом районе растет сосна, – практически все остальное побережье представляет из себя скалы и безлесные холмы. Шансы найти что-нибудь подходящее в лесу у меня были довольно хорошими. Но дерево я нашла не в лесу, а совсем недалеко от турбазы. Зброшенный на вид дом с покосившимся забором был окружен двориком, в котором в беспорядке валялись полусгнившие доски и рейки. На мой честный стук в дверь и

окна мне никто не ответил. «Всё равно они тут сгниют, а так хоть еще послужат», – оправдалась я перед закрытой дверью и, выбрав несколько лучших досок, взвалила их на плечо и отправилась назад в свою безымянную бухту.

Открыв одноразовые пакетики с эпоксидкой и загустителем из моего байдарочного набора, я намазала этой смесью пару дощечек и прилепила их к брезентовому дну. К полученному кильсону я приделала небольшую скамеечку, проделав дырку для мачты прямо над дыркой в нижней доске. Сейчас я смогла поставить сюда едва обструганную палку – мачту с надетым на нее парусом. На поиски подходящей палки для мачты я потратила три часа. За это время подсохла на жарком солнце и «схватилась» почти до рабочего состояния эпоксидка. Результат мне понравился. Дело оставалось за малым: прикрутить к байдарке капроновым шнуром руль и шверт; никаких других видов крепежа у меня не было. Над этим требовалось поразмыслить, и я решила оставить умственную деятельность на завтра. Высоко в небе светила луна, и от усталости у меня сводило плечи. Зато завтра я могла двигаться под парусом, – все же это намного быстрее, тем более на такой легкой байдарке. Поужинав, я завернулась в одеяло и закрыла глаза.

На следующий день я поднялась ни свет ни заря, сварила кофе и принялась на работу. Третье утро на острове без «Флибустьера»! За это время он мог сдрейфовать на многие километры! Включив на пару минут телефон, – прослушать,

нет ли сообщений от береговой охраны, – я с сожалением почти тут же его отключила. Охрана со мной не контактировала. Была пара сообщений от Сережки и Дейва, но их беспокоить я пока не хотела. Или «Флибустьер» где-то здесь, либо дрейфует в сторону Каталины, и так или иначе Дейва с Сережкой я смогу оттуда вызвонить. Тратить драгоценные минуты заряда мобильного можно было только на самые короткие и нужные звонки.

Этим утром я никак не могла ввязать шнуры в проделанные дырки в досках для шверта и скамеечки, на которую он крепился. Оказалось, что дырки не совсем сходятся, а точнее, совсем не сходятся, и мне пришлось их расширять. Вместо того, чтобы подрезать мягкое дерево ножом, я стала колотить по железке, которую я использовала вместо стамески, камнем, и в итоге расколола шверт. Вот уже права была наша химичка, когда говорила: «Спешка хороша только при ловле блох». Мне предстояло потратить полдня на изготовление нового шверта! Я изо всех сил швырнула камень-молоток в воду и закричала, вне себя от своей глупости: «Дура!!! Ну ты и дура!» и только собралась зареветь, как услышала прямо за свое спиной: «Что, не получается?»

Я просто подпрыгнула на месте. В двух метрах от меня стоял невысокий светловолосый парень с рюкзаком за спиной и широко улыбался.

– Привет, – сказал он, как-то по-собачьи наклонив голову на один бок. – Помочь, может?

– Привет... Слушай, у тебя есть инструменты?, – надежда захлестнула меня, и я с нетерпением ждала, что он мне ответит. Парень снял рюкзак. У него был допотопный «Ермак» или что-то вроде того, с алюминиевым каркасом и стертым брезентом. Я с удивлением смотрела на весла, прижатые с двух сторон стропами к каркасу, и пыталась понять, каким ветром занесло сюда этого «руссо туристо».

–Игорь, – представился он, шаря в клапане рюкзака.

–Дина, – сказала я, – Ты вообще откуда появился?

– Из леса, вестимо... Слышу, стучит кто-то и ругается по-русски. Ну, думаю, конфуз перед иностранной державой может случиться, если позволить человеку так ругаться на иноземной территории...

– Во завираешь! – восхитилась я, неожиданно от всей души радуясь свалившемуся неизвестно откуда земляку, да еще с такой витиеватой речью.

Игорь, наконец, выудив тяжелый пакет из клапана, уставился на мой шверт и спросил:

–Спешишь куда? Как срочно надо сделать?

–Срочно, Игорек!

–Ладно, не кричи. Что случилось, расскажи в двух словах.

Он стал прикручивать к дереву металлические скобы, стягивая мой расколотый шверт. Я рассказывала:

– Лодку у меня сперли. Вот только байдарка от неё осталась. Лодка маленькая, наверное, деньги взяли, приборы... не знаю, что там еще брать... Я думаю, лодку бросили, и она

дрейфует где-то...

– Понял... План действий какой?

– Я думаю пройти по двум-трем бухтам с южной стороны, – ветер в ту сторону дул, может, прибило куда-нибудь. А потом оттуда в сторону Каталины пойти, – больше никуда. Могло и на остров Санта-Барбара этим ветром сдуть, но мне кажется, что вряд ли...

– Ладно, сделаем так... Ты давай вдоль берега морем, а я по горам с биноклем, может, увижу лодку твою. Туристов поспрашиваю...

– Правда?

– Ну да. Я и так собирался по горам походить, а то уже вся жопа в ракушках... Встретимся сегодня вечером в Гавани Контрабандистов... Лодка, я так понимаю, парусная?

– Парусная, – люгерный парус... Небольшая, три метра шестьдесят сантиметров. С кабиной. Деревянный дракончик на носу... Называется «Флибустьер».

– Понял. Все, готово, давай спускать на воду.

Мы вынесли байдарку на глубину, – сейчас из-за шверта и руля ей требовалось сантиметров тридцать воды. В бухточке ветра не было, и я заработала веслами, пока не вышла из-под защиты скального выступа. Ветер тут же заполоскал парус. Выбрав шкоты, я мгновенно почувствовала, как надувшийся грот рывком сорвал лодку с места, и мы безумно быстро понеслись по волнам! Обернувшись, я лишь успела махнуть рукой стоявшему на берегу Игорю: увидимся вечером!

Глава Шестая. Гавань Контрабандистов.

Красная байдарка бодро бежала по волнам вдоль берега, пытаясь завалиться на бок под порывами ветра, и мне приходилось быть постоянно на чеку, то и дело вытравляя и подбирая шкоты. Ходить под парусами на легких швертботах – совсем не то, что двигаться на тяжелой по водоизмещению яхте, даже если она всего лишь три с половиной метра длиной! Легкие юркие швертботы реагируют на любые малейшие изменения в силе или направлении ветра, и если вовремя не вильнуть румпелем, то можно мгновенно «кильнуть-ся» и оказаться в воде рядом с перевернутой вверх дном ло-

дочкой. Да еще и мачта на мелководе может в дно воткнуться... Но скорость у таких малышей просто отменная! За какой-то час мы обогнули мыс Святого Петра, замыкающий северную оконечность острова, и стали лавировать против ветра вдоль песчаных пляжей южного берега. Пройдя до красивой и глубокой Кабаньей бухты, я повернула назад, в сторону Гавани Контрабандистов. «Флибустьера» нигде не было видно, и смысла оставаться на южном берегу я не видела, – ветер дул с юга-востока всего один день, и вероятность того, что его унесло ветром дальше Кабаньей бухты была равна нулю. Точнее, я очень сомневалась, что его вообще унести дальше Гавани Контрабандистов, – течение-то не меняется, и даже при сильном ветре с юга северное Калифорнийское течение будет всегда препятствовать дрейфу. Искать нужно было на юго-востоке.

Игорь уже был на берегу: я издали увидела его приземистую фигурку, машущую мне рукой. Но моторных, ни парусных яхт на рейде не было, и я решила, что он стоит на якоре в соседней бухте. Я ведь даже не спросила его, на какой яхте он прибыл. Отсюда хорошо было видно волны прибоя, накатывающие на широкую песчаную косу. Волны закручивались в форму бочонка и ровно шипели. Я не могла в это поверить, – самые настоящие океанские волны для серфинга! И как мне через них проходить?! Пока я в раздумье скользила вдоль песчаного берега, Игорь спустился вниз и сейчас стоял по пояс в воде, держась за транец своей надувнушки и

выжидая волну. Раз! – и он, сильно вытолкнув лодку на подошве волны, заскочил в нее и что было силы принялся гребсти в мою сторону. Следующая волна подтолкнула снизу нос и, почти перевернув лодку, высоко подбросила её вверх. Но она удержалась на волне! Игорь продолжал быстро работать веслами, и через несколько секунд он был на ровной воде.

– Дин!– закричал он, – давай мачту снимать, тут только веслами!

– Это и козе понятно... – проворчала я, радуясь, что Игорек был рядом.

Я вытравила шкоты, заполоскав грот, и байдарка остановилась рядом с его лодкой. Мы связали наши надувнушки вместе, таким образом увеличивая их остойчивость в десятки раз, и я спокойно «раздела» байдарку, вытащив мачту, руль и шверт и примотав их к корпусу. Еще раз проверив, все ли надежно закреплено, мы отвязали мою байдарку, и я на веслах двинулась за Игорем. Он мне объяснял:

– Главное – это не останавливаться. Как решила пройти с волной, так садись на неё и греби со всей силы, пока в песок не ткнешься!

...Я все же рано остановилась, думая, что уже в безопасности. Меня протащило отходящей волной назад, а новая волна накрыла с головой! Байдарку при этом лишь развернуло боком, и я, отплевываясь, вытянула её на берег. Игорек уже стоял на берегу и смеялся:

– Я же тебе кричал: «Греби!!!», а ты не слышала!

– А я чувствую – что-то мокро вокруг, и дышать нечем!
И несет кувырком!

Мы расхохотались. Держась за живот, я спросила:

– Слушай, а где твоя лодка?

– Блин! – Игорь резко развернулся и, увидев свою надувную шку, с облегчением сказал, – Так вот же она...

– Да нет, не тендер, а большая лодка. В смысле яхта.

– А! Да нет, я пока налегке путешествую. Омниа меа мекум порто, как говорили небедные, но мудрые римляне.

– Все свое ношу с собой... Это – все твое барахлишко?
Супер!

Оказывается, Игорь прилетел в Сан Диего и взял напрокат charterную лодку. Правда, без каких-то там курсов и штампа Американской ассоциации парусного спорта лодку ему дали только на однодневные выходы внутри залива Сан-Диего, и его планы походить по океанским волнам накрылись, по его же выражению, медным тазиком. К счастью, трудности эти он предвидел, поэтому не расстроился, а купил билет на поезд до Санта-Барбары, надул свою весельно-парусную резиновую лодку, сложил продукты питания в рюкзак, и отправился с попутным ветром и компасом по курсу 180 градусов строго на юг. Вечером того же дня, преодолев около сорока километров по воде, вышел на берег острова Санта Круз несколько миль восточнее бухты Фрайз. Вытащив свою лодку на берег, он её сдул, упаковал в рюкзак и улегся спать. Двигаясь на следующий день вдоль береговой линии,

он дотопал до туристического лагеря, где его снабдили подробной картой-схемой острова с обозначенными источниками воды и достопримечательностями. Так он и оказался на тропе, идущей мимо «моей» безымянной бухты...

– Ну ты даешь! – только и смогла произнести я, с уважением рассматривая Игоря и его длинную резиновую лодку в форме каноэ, с аккуратным пластмассовым стаканчиком для мачты, сидением-распоркой для жесткости, нащелкивающимся снизу скегом, – все было сделано прочно и выглядело солидно.– Совместное производство?

– Да нет, российский дизайн, и производство наше...

– Тяжелая, наверное?

– Ну уж потяжелее твоей будет.

– Между прочим, мы с тобой почти пересеклись несколько раз. Я тоже начала байдарить с бухты Фрайз, у меня же оттуда «Флибустьер» стащили...

Я на секунду пригорюнилась. Мы уже дошли до небольшого лагеря, устроенного Игорем. Чуть в стороне от пляжа стояли мощные деревянные столы со скамейками; один из таких столов был накрыт клеенчатой скатертью. На столе возвышался закутанный в курточку котелок, рядом стояли одна миска и две кружки. На земле был разостлан кусок синтетического брезента, на котором набирал воздух пуховый спальник. Я с удовлетворением пощелкала языком: хорошо устроился! Его продукты были по-хозяйски уложены в специальный закрывающийся наглухо металлический ящик,

установленный здесь для того, чтобы туристы складывали в него свои продукты, а животные не привыкали к легкой наживе. Игорь помог мне спрятать мои нехитрые запасы еды, и мы уселись ужинать.

Виды на приборь были совершенно потрясающие. Игорь открыл фляжку с водкой и разлил по кружкам. Мы выпили за красоты острова и за то, чтобы «Флибустьер» нашелся, и принялись за рис с тушенкой. Тушенка была еще из советских запасов Игорька, и я сразу же вспомнила один давнишний поход с отцом по Байкалу. Шёл дождь, и ужин на костре был бы готов не скоро... Я тогда была совсем маленькой девочкой, и после длинного перехода мне вместе с другими детьми дали бутерброды из ломтей серого хлеба с кусками тушенки. Мы были уставшими и голодными, и эти бутерброды стоили целого ужина; хоть и холодная, с размазанными по хлебу кусками белого жира, тушенка была все же очень вкусная.

Игорь рассказывал про свою жизнь в России, и выходило, что и на его работе полно стресса. Платили, правда, неплохо, и он с семьей путешествовал как минимум два раза в год. В этот раз он смог выбраться немного раньше, и жена с двумя сыновьями к нему присоединиться в Сан-Диего через десять дней.

– Слушай, а жена тебя не ревнует? Отправился гулять один по островам... – не удержавшись, спросила я.

– Не, я её тоже одну отправляю на острова иногда... Мы

только скупаем друг по другу сильно, так что редко такое устраиваем. Обычно вместе отдыхаем.

– Молодцы вы, вот что я вам скажу... У меня вот так пока не получается...

Я рассказала Игорю про Дэна, и заодно и про события годичной давности в Сан-Квентине. Он почесал затылок и заявил:

– Ну я бы на месте этого твоего Дэна сто раз подумал бы, прежде чем тебя в кровать тащить..

Я опешила и решала, обижаться мне или нет. Игорек объяснил:

– У тебя идея фикс: построить лодку и одной отправиться в путешествие. На лодке в принципе места нет для двоих! Не надо быть психологом, чтобы понять, что у тебя какие-то большие проблемы в плане доверия, тебе никто не нужен, и ты все стремишься делать сама. Могла бы ради приличия спросить совета у мужика, или обсудить что-нибудь... Я, например, всегда у жены совета спрашиваю, и она зачастую просто гениальные вещи выдает!

От обиды я насупилась и перешла в наступление:

– Подожди... ты хочешь сказать, что я сама его оттолкнула? У меня, может, мечта детства – построить лодку и влиться в стройные ряды сумасшедших путешественников. Их не так уж и много, между прочим, – может быть, меньше сотни за всю историю человечества наберется, не считая викингов и алеутов. Так что проблемы с доверием тут ни при чём, это

проблемы с моей мечтой детства. И потом, я же не собиралась за него замуж... Это так, романчик завязался, ничего серьезного...

Игорь улыбался и, прищурившись, внимательно смотрел на меня. Я прикусила язык, и, краснея, пробормотала:

– Я начинаю чувствовать себя полной дурой...

– Такая и есть! Не обижайся... А в тюрьму какого рожна полезла? И так понятно, что там не место тебе. Разве можно так себя ломать! Ты же птица свободного полета, и сама в тюрьму полезла... Зачем? Денег всех не заработаешь... А что заработаешь, то на лечение потратишь.

– Так и получилось! Ничего не заработала, только шрам на животе...

– Вот-вот. У нормальных баб – шрам от кесарева сечения, а у тебя – ножевое ранение... Тебе в мужья не канадец-программист нужен, а снайпер из горячей точки планеты!

Мы рассмеялись и снова выпили. Он был прав. Игорек рассказывал о путешествиях на русский север, к островам, где вода такая холодная, что больно чистить зубы... Там рыбацкие лодки жмутся к домам на морском обрывистом берегу, и иногда у пирса встречается старый корабль, – настоящий, с прямыми парусами и пеньковым такелажем, прямо из прошлых столетий. Время там давно остановилось, как, впрочем, и здесь, на острове... Сквозь шум прибоя то и дело доносились протяжные скрипы цикад. Солнце малиновым шаром уже закатилось за горизонт, но его огненные сполохи

все еще освещали прибор и узкую полоску берега. Сильно пахло нагретым эвкалиптовым маслом и травами, – земля постепенно отдавала накопленное за день тепло. Игорек потянул носом и предложил:

–Слушай, меня от водки на прогулку тянет. Пошли орехи собирать!

–Какие орехи?– не поняла я.

–Грецкие. Там у дома целый сад грецких орехов. Я еще днём хотел набрать, да боялся тебя пропустить.

И тут я поняла, о каком доме он говорит. Этой землей еще столетие назад владела выходцы из Генуи. Они-то как раз и построили дом с солнечными часами на стене, – я видела его на фотографии в «Островном вестнике». А сама Гавань Контрабандистов получила свое название еще до того, как генуэзская семья приобрела эту землю. Здесь в начале девятнадцатого века торговые корабли из совершали нелегальный бартерный обмен товарами, купленными в Бостоне, Южной Америке и на Гавайях, таким образом избегая огромных пошлин на продажу. Потом остров стали заселять иммигранты из Европы, – новоиспеченные граждане США. Семья Клэр, как и другие американцы в то время, рассматривала пустынные острова лишь в качестве вложения капитала под пастбища для скота и небольшого фермерского хозяйства. Впрочем, со временем они полюбили этот необыкновенный уголок земли в океане и поселились здесь надолго, – пока государство не приобрело острова Чаннел на милитаристские

нужды во время Второй Мировой.

Мы двинулись от нашего лагеря по тропе мимо строгой вывески, выполненной красными буквами. Вывеска гласила: «Внимание! С острова запрещается что-либо выносить, включая артефакты и представителей флоры и фауны!» Нас окружали эвкалипты и оливковые деревья; с земли тянуло прохладой. Пройдя метров сто по тропинке, мы увидели сияющий в лунном свете белой штукатуркой одноэтажный дом под красной крышей. Дом был увешен глицинией; живую изгородь обвивал разросшийся вьюнок. Казалось, что мы без спроса влезли в чей-то двор.

– Там кто-то живет? – спросила я шепотом

– Нет, все давно заброшено, только сад и остался...

Мы подошли ближе. Слева от грунтовой дороги аккуратными рядками высились роскошные ореховые деревья. Зеленая кожица на орехах уже лопалась, и из-под неё выглядывал нежный кругляш цвета кофе с молоком. Я сорвала орех побольше и потянулось было за камнем, чтобы тут же его разбить, как Игорек схватил мою руку.

– Тише! – зашептал он. – Там кто-то есть!

Мы затаились за орехом. Сейчас и я слышала ритмичную музыку с барабанной дробью и красивое пение. Было похоже на хоровое пение у костра и немного напоминало протяжную музыку кельтов. Игорек сказал:

– Туристы, наверное, в дом влезли. Пошли, посмотрим.

Мы, хихикая, начали по-партизански, короткими пере-

бежками от куста к кусту, двигаться в сторону дома. Встав на цыпочки, мы заглянули в огромные окна дома, – он был по-прежнему необитаем. Музыка шла откуда-то снизу, – наверное, дом стоял на вершине склона, но из-за кустов ничего невозможно было разглядеть. От орехового сада вниз бежала узкая тропка, – мы пошли по ней и вскоре поняли, что незаметно для себя начали двигаться по пересохшему руслу реки. Дно реки было каменистым, и вода лишь изредка сочилась сквозь камни. Луна полным шаром висела на безоблачном небе, освещая отвесные стены начинающегося каньона. Русло становилось все уже. Мы притихли, зябко потирая плечи, и стали поговаривали о том, чтобы повернуть назад, как вдруг на открывшейся широкой излучине мы увидели костер. Пламя костра высоко взмывало вверх, стреляя в небо искрами горячей смолы. Отвесные стены каньона с нависающими скальными карнизами амфитеатром замыкали галечный берег, на котором кругом расположилась небольшая группа людей. Они раскачивались из стороны в сторону, монотонно напевая. В центре группы высокая длинноволосая женщина в белом саване била в бубен и мелодично выкрикивала что-то на непонятном языке; она задавала ритм всему происходящему. Нам на секунду стало не по себе; заунывное пение потихоньку вводило в оцепенение, и я перевернула плечами.

– Мама миа, сектанты! – прошептал Игорек и схватил меня за локоть. – И сюда добрались!

Меня почему-то развеселило это замечание: я и не знала, что в России сектантство до сих пор в моде. Давясь от смеха, я предложила:

– Давай подкрадемся и выскочим с криками «Руки вверх! Сдавайтесь!», вот они удивятся!

Игорек больно стиснул мой локоть и горячо стал меня убеждать:

– Не, ты что?! Они знаешь какие задвинутые, это же для них святой ритуал, а ты его хочешь нарушить. Они тебя камнями побьют, и их в суде оправдают...

– Ладно, не буду... Ой, смотри, они двинули куда-то, пошли за ними...

Длинноволосая женщина в белом саване по-прежнему возглавляла их небольшую процессию. Она медленно и ритмично била в бубен; казалось, что шедшие за ней люди даже подпрыгивали в такт. Я едва сдерживалась, чтобы не засмеяться во все горло и закрывала рот ладошкой. Даже Игорек перестал серьезничать и заулыбался, глядя надвигающихся вслед за женщиной сектантов. Их было пять человек; женщина была шестой. Прячась за жалкими порослями эвкалипта и камнями, мы шли за процессией, – дробь барабана становилась все более частой и гулкой. Белый саван женщины вдруг скрылся из вида, – похоже, она зашла в какой-то грот. За ней последовали и остальные. Боясь потерять их из виду, мы, уже нисколько не скрываясь, бросились за ними. Между нами были какие-то сто метров, не больше, но все-таки мы

упустили их из виду. Как мы не старались, так и не смогли отыскать это место. Женщина, наверное, хорошо знала этот каньон, если смогла найти своё потайное место для продолжения ритуала – лунный свет отбрасывал невероятно большие тени от нависающих скальных уступов и карнизов, и то, что казалось выпуклым и рельефным, на деле оказывалось почти плоской стеной.

– Вот блин, – разочарованно сказал Игорёк, – мы их потеряли... Они, наверное, сейчас групповым сексом там занимаются...

Я очень удивилась такому интимному знанию сектантских ритуалов и решила промолчать.

– Ладно, давай выбираться отсюда, – Игорек был явно расстроен. Чтобы его поддержать, я предложила:

– А ты им на костер пописай. Они выйдут из своей пещеры, а костра нету, одни мокрые головешки лежат... В конце концов, нельзя же оставлять костер без присмотра.

Игорек согласился и обрадовано затрусил к костру. Почти потухший огонь окончательно сник под внушительной Игорехиной струей. Удовлетворенные, мы двинулись назад, прочь из каньона. Выбравшись по еле заметной тропке к знакомой поляне с домом, мы осмотрелись. Как все-таки приятно было находиться на открытом месте! Звезды жемчужинами рассыпались по небу; луна громадным белым шаром висела посреди них. Я посмотрела на солнечный циферблат: гномон указывал на цифру шесть.

– Смотри-ка, – показала я Игорю, – лунные часы! Шесть ночного утра по лунному времени.

– Время шесть, час дракона! – заявил Игорь, скорчив страшную мину. На секунду он застыл с вытаращенными глазами и вдруг серьезно спросил:

– Дин, что это, дым что ли?

Я посмотрела в направлении, куда он указывал. Густой дым вертикально поднимался из каньона, откуда мы только что вышли. Я удивленно посмотрела на Игоря:

– Костер? Мы же его потушили... Неужели пожар случился?

– Ветер, может, поднялся, и раздуло его снова... Слушай, там же люди!

– Блин! Тушить надо!

– Дин, ты давай дуй в каньон, топчи там все, если сможешь, а я за насосом побегу. У меня в лодке насос со шлангом есть, будем воду со дна речки качать...

Я бросилась обратно в каньон. Хмель у меня как рукой сняло. Я представила себе людей, смешно поднимающих колени, процессией шагающих к скалам... Потом вдруг подумала о доверчивых крошечных лисятах, прячущихся в гротах каньона и спускающихся к воде напиться в дневную жару... Меня утешало то, что за пятнадцать минут огонь не должен был сильно разгореться, – быть может, мы справимся своими силами, без пожарных. Когда они сюда доберутся!

Я неудачно спрыгнула с камня вниз, и боль остро прон-

зила мою «плохую» лодыжку. Прихрамывая, я добралась до того места, где мы еще час назад прятались с Игорем. Ничего не понимая, я осмотрелась. Пожаром и не пахло. Было сыро, внизу ровно журчала вода. Костер едва тлел. Сколько я не напрягала глаза, ни огня, ни дыма нигде не было видно. «Мистика какая-то», – недоумевала я, кругами прочесывая дно каньона. Ничего так и не поняв и растоптав оставшиеся угли я, хромя, побрела назад.

Игорь несся мне навстречу. Я лишь слышала топот его ног да прерывистое дыхание.

– Игорь!– закричала я, – не беги! Все хорошо! Нет пожара!

Словно не веря, он пробежал еще немного и остановился напротив меня, тяжело дыша. Гигантский гофрированный шланг от насоса в его руках взметнулся вверх и повис, согнувшись вдвое, в виде вопросительного знака.

– Как нет пожара? А дым откуда?

– Не знаю... Может, там пещера большая внутри, и они костер развели...

Мы пошли обратно и вновь вышли на поляну с домом. Луна продолжала свое путешествие по небесному своду, и гномон был на цифре пять: лунное время быстро текло вспять. Небо над каньоном искрилось звездами, и не было ни малейшего намека на недавний густой дым. На меня навалилась усталость.

– Игорек, пошли спать, – попросила я и забрала у него

шланг.

Игорь стоял в лунном свете, обнимая брезентовое ведро с насосом, и всё смотрел в сторону каньона. В конце концов, он пожал плечами, и мы отправились вниз к нашим лодкам.

Глава Седьмая. Желтая Отмель

Наутро, попив кофе с сухариками, мы решили вернуться на поляну с домом и как следует все осмотреть. Я готова была поклясться, что видела дым своими глазами, да и Игорек настаивал на осмотре окрестностей. Не доходя до дома, мы

увидели парочку, поднимающуюся по туристической тропе. Хорошо набитая тропа шла по склону вверх; указатель со стрелкой в её сторону подтверждал нашу догадку: тропа вела в соседнюю бухту Желтая Отмель. Наверное, эта парочка совершила утреннюю экскурсию от бухты к этому дому семейства Клэр и сейчас возвращалась назад.

– Вот же не спиться людям! – проворчал Игорек, и толкнул меня локтем: – Давай, спроси их о сектантах, у тебя английский лучше.

– Хэллоу! – закричала я, улыбаясь, и помахала туристам рукой. Они заулыбались и остановились, всем своим видом показывая, что они не спешат и ответят на любые вопросы. Мы остановились в двух шагах от них. Я спросила:

– Извините, вы не видели здесь группу из шести человек? Мы от них вчера отстали, в этом каньоне, – я махнула рукой на нагромождение скал внизу. Женщина вопросительно посмотрела на своего спутника и пожала плечами:

– Нет, к сожалению, никакой группы мы не видели. Мы и в каньон не заходили, только прошлись вокруг дома... Ничего особенного, дом как дом. Честно говоря, мы ожидали большего...

– А костра нигде не видели?

– Костра? Тут, кажется, вообще костер жечь нельзя, это же заповедная территория... – женщина с подозрением посмотрела на нас, и отступила назад по тропе.

– Вот-вот! И мы тоже удивились, когда вчера вечером дым

тут увидели...

– Хмм... нет, мы ничего такого не видели. Хотя, конечно, мы были в другой бухте, куда и возвращаемся... Извините, но ничем не можем вам помочь...

– Что ж, не будем вас задерживать. Всего доброго!

Мы распрощались, и парочка продолжила резво подниматься по тропе. Я смотрела им в спину, и нехорошее предчувствие стало закрадываться ко мне в душу. Мы переглянулись. Игорек сказал:

– Я все правильно понял? Ничего не видели и не слышали?

– Да, все верно...

– Слушай, ты ничего не заметила? У женщины, на волосах...

– Заметила! Так что же получается, они из той группы? Где же остальные четверо?

– Всё врут! Побежали вниз, выследим их с моря. Мы же можем добраться до Желтой Отмели по воде! Давай только на моей лодке, быстрее будет...

Мы стали быстро спускаться вниз. В бухте по-прежнему не было никаких судов, за исключением корабля береговой охраны, вставшему на якорь для тренировки экипажа: с берега было видно черные фигурки ныряльщиков в гидрокостюмах, вставших в шеренгу на палубе. Похватив Игореву надувнушку за леера, протянутые вдоль бортов, мы пронесли её к воде и, стоя по пояс в воде, подтолкнули лодку на

спину волны. Быстро выгребая против прибоя, мы благополучно вышли на ровную воду и заработали гребками: Игорь – слева по борту, я – справа. Через каких-то пять минут мы траверсировали мыс, отделяющий гавань Контабандистов от соседней бухты, и перед нами открылась панорама бухты Желтая Отмель. Песчаные скалы горизонтальными пластинками, похожими на кусок арахисовой халвы, спускались к воде. Небольшой каньон разделял скалы на две части, и по нему петляла тонкая тропинка. Бухта была значительно более мелководная, чем Гавань Контрабандистов, и две стоявших на якоре моторные яхты расположились довольно далеко от берега. Экипаж не было видно. Мы подошли к ним поближе; нехотя достав свой телефон со встроенной камерой, я на всякий случай сделала два снимка этих яхт. На снимках было четко видно их названия и регистрационный номер. Заряд у меня почти закончился, и я в очередной раз пожалела, что не купила для телефона компактную солнечную батарею. Выключив телефон, я убрала его в непромокаемый пакет.

– Смотри!– произнес Игорек, показывая на берег.

Вдоль скал по тропе двигалась знакомая нам пара. Они двигались к пляжу, где стоял серый тендер на колесах. Тендер был полужесткой надувной лодкой с колесом управления в носовой части; я знала, что такие моторные катера стоят как минимум десять тысяч. Парочка явно не только воспитанная, но и обеспеченная. Зачем же все-таки они нам на-

врали?

– Может, уйдем отсюда, пока они нас не увидели? – предложила я.

– Не, давай останемся. Мы ведь просто отдыхаем, все нормально!

Парочка уже спустила на воду свою лодку и завела мотор. Ровно гудя, их катер двигался нам навстречу; волны белой пеной расходились из-под его поднятого носа. Женщина сняла соломенное сомбреро; длинные волосы мягкой волной упали на ее плечи и тут же поднялись шлейфом за ее спиной. Приподнявшись с сидения, она стала что-то привязывать к посту управления или борту лодки. Расстояние между нашими лодками стремительно уменьшалось, но их катер и не думал замедлять ход. На носу лодки что-то поблескивало.

– Мать родная! – прошептал Игорек, и его глаза округлились. – Это же шести зубчатый гарпун для рыб. Эти твари нас сейчас порвут, как бобик – мячик!

– К берегу! Давай к берегу, на воде у нас шансов нет!

Изо всех сил мы заработали веслами, гребя по направлению к скалам. Развернувшись по крутой дуге, катер стал нас догонять. Игорек, взяв весло наперевес, встал на корме и приготовился отражать нападение. Я гребла сильно и ритмично, стараясь не думать о погоне; шум от мотора катера был совсем близко, и я внутренне сжалась. Бум! Широкая лопасть весла, ударив о копьё, на миг отбросила катер от нашей лодки. Игорек опрокинулся навзничь на округлый борт;

она сильно накренилась. Я из всех сил вцепилась в леер, чтобы не упасть за борт. Мимо моего уха что-то тонко посвистело и ушло под воду. Черный овал глянцево сверкнул под солнцем и пропал в глубине.

– Иго-орь! Они стреляют!– заорала я, развернувшись к корме. Игоря нигде не было видно. «Попали, гады!» – пронеслось в голове. Серый катер снова приближался, оглушая ревом мотора; женщину не было видно из-за высокого борта. Я скользнула в воду. Нашарив в кармане надежную «финку», я выбросила руку вперед, одновременно нажав на кнопку. «Пшш!», – воздух с шумом вырвался из неровного отверстия в борту катера. Получилось! И увидела Игорька. Живого. Он уже бил их лодку со стороны кормы. Когда он успел припрятать этот свой охотничий нож, я не знаю. Может, как и я, он не выходит в плаванье без ножа в кармане: всякие лодочные линии, фалы и шкоты имеют дурацкое обыкновение обматываться вокруг ног в самый неподходящий момент.

Мимо нас проносились пули, сверля воду и оставляя за собой конусообразную воронку. Еще раз пырнув снизу лодку, мы, защищаясь своей надувнушкой, каким-то чудом до сих пор прыгающей по волнам залива, стали плыть к берегу. Мотор позади нас захлебнулся и заглох; слышался плеск воды и приглушенные ругательства, доносившиеся неровной по громкости амплитудой по ветру и волнам. Погони не было: звуки оставались далеко позади. Тяжело дыша, мы взгромоздились на полусдутую лодку, выгребли на берег и посмотре-

лись. Наши преследователи, облаченные в спасжилеты, медленно плыли в нашу сторону. Издалека они казались совсем безобидными и какими-то нелепыми в своем оранжевом облачении. Мне на секунду стало их жалко и даже захотелось им помочь.

– Звони в полицию! – первым опомнился Игорек и схватил меня за руку. – Давай, Дин, звони этому полицаяу своему! У тебя же есть его телефон!

Я наконец выудила из непромокаемой сумки мобильник, для верности завернутый в два полиэтиленовых пакета, и нашла номер, сохраненный как «следователь Джон». После трех бесконечно длинных гудков я с радостью услышала по-ужному неторопливое:

– Джон слушает...

– Джон! – заорала я в трубку. – Это Дина, помнишь меня? У меня лодку украли, маленькую, помнишь?

– Привет, Дин, как дела?

– Если честно, хреново. Ты можешь кого-нибудь прислать на Желтую Отмель? Тут два человека, мужчина и женщина, и они вооружены. В меня и еще одного человека стреляли. Похоже, мы стали свидетелем преступления.

– Какого рода преступления?

– Не знаю точно. Сектантского рода. Она их всех увела в пещеру, а потом был дым! Возможно, там осталось четыре человека в пещере, их надо спасти! Они там какой-то пожар устроили...

– Постой-ка...– он что-то быстро говорил в сторону от микрофона, и вдруг неожиданно громко спросил:

– Ты сейчас в безопасности?

– Я? Да! Хотя относительно. Они в воде, плывут к берегу. Я уже на берегу. Я не знаю, будут ли они опять стрелять, когда выберутся на берег... В смысле, я не знаю, стреляет ли пистолет, если он в воде... Может, они его вообще потеряли?

– Дина! Сосредоточься! Как далеко они от берега?

– Минут десять вплавь. Они теряют силы. Не волнуйся, на них спас жилеты...

– Ладно, понял. Прячься куда-нибудь, сейчас организуем наряд... Можешь быть на связи?

– Как, в смысле, мобильник не отключать? Нет, у меня не хватит заряда...

– Ладно, звони немедленно на этот номер, если что. Оки-доки?

– Оки-доки. Жду.

Я нажала красную кнопку отбоя. Игорек уже оттащил надувнушку к скалам и нетерпеливо переминался с ноги на ногу, поглядывая на раскачивающуюся в волнах парочку в оранжевых жилетах.

– Ну что? – спросил он.

– Обещал, что пришлет наряд... Сказал спрятаться...

– Да? Ну посмотрим, как работает американская полиция...– Игорек нервно улыбнулся и подмигнул.

Несмотря на попытки подурачиться, вид у него был до-

вольно напряженный: песчаный пляж заканчивался отвесными скалами, и бежать нам было некуда. Я же, напротив, оказавшись под навесами скал, расслабилась. Здесь я чувствовала себя как дома. Рассмотрев крупные «ручки» – зацепы по всей длине карниза и дерево наверху, я еще больше приободрилась. По этим нависающим скалам я спокойно могла забраться наверх и вытянуть на веревке Игорька; даже сорвав пару зацеп, я смогу удержаться на этих огромных валунах и вылезти наверх. Я очень сомневалась в том, что наши преследователи брали уроки скалолазания и совершенствовали технику лазанья по карнизам... Нет, здесь, на берегу, мы были в безопасности.

Парочка приближалась все ближе к берегу. Мужчина уже явно пытался нащупать дно, и вот-вот он вылезет на песок... Я уже собиралась предложить Игорю обвязаться веревкой и быть готовым довериться моей страховке, как вдруг мы услышали шум приближающийся моторных лодок и переглянулись. Монотонный плеск набегающих на пляж волн окончательно взорвал душераздирающий вой полицейских сирен. Синие моторные лодки с надписью «Полиция» по дуге рассекали залив, все ближе приближаясь к барахтающейся в волнах женщине. Позади них двигался катер береговой охраны.

– Не двигаться, полиция! – ревел микрофон голосом Джона.

Женщина взметнула вверх руки, почти вывалившись из

своего спасжилета. Она была в каких-то пятидесяти метрах от берега. Даже со скал было видно, насколько испуганно смотрела она на волны, выходящие из-под форштевня полицейской лодки. Совершенно не обращая внимания на то, что она почти захлебывается солеными брызгами, полицейские подходили все ближе, держа ее под прицелом и требуя показывать руки. Женщина стала паниковать, то одной, то другой рукой пытаясь отбиваться от захлестывающих ей волн. Двое ребят с катера береговой охраны, одетых в гидрокостюмы, неожиданно вынырнули сзади нее и, скрутив ей руки, бросили женщину в лодку полиции. Все произошло настолько быстро, что мы, совершенно растерявшись, просто глазели на разворачивающееся действие, напрочь забыв о своей безопасности.

Игорек опомнился первым и дернул меня за руку:

– Где мужик-то, куда он делся? Неужели смылся?

– Н-не знаю...

Я даже заикаться стала от волнения. Количество мускулистых, одетых во все черное парней с береговой охраны и суровое лицо Джона настроило меня на романтический лад. Все происходящее стало казаться американским фильмом – боевиком, и мне вдруг отчаянно захотелось сыграть роль эдакой крутой спасительницы, которую благодарные жители Калифорнии непременно будут подбрасывать в воздух с криками «Ура!». К тому же высокий ковбой-полицейский был так привлекателен... Прячась за скалами, мы с Игорем стали

двигаться вдоль берега, осматривая каждый мало-мальский валун в поисках пропавшего преступника, но были остановлены усиленным громкоговорителем грозным окриком Джона:

– Всем оставаться на своих местах до завершения операции. Повторяю...

Я быстро взглянула на Джона. Он, продолжая вещать в рупор, смотрел в нашу сторону, вытянув горизонтально руку ладонью вперед, подавая нам сигнал «Стоп». Мы замерли на месте. Адреналин все еще кружил нам голову, и нам отчаянно хотелось пуститься в погоню за преступником. Немного подумав, мы все же уселись на песок, стараясь скрыть свое разочарование.

–Хоть позагорает, – сказала я и постаралась принять наиболее соблазнительную позу.

– Ага, – сказал Игорек, – а мужика-то мы прошляпили. Вон его по тропе полицаи ведут. Видно, засаду устроили...

Я посмотрела на расселину среди скал. Нашего недавнего знакомого и вправду вели четверо полицейских вниз по тропе. Он казался эдаким благополучным и благопристойным американцем с хорошим годовым доходом, их тех, что встречались мне на вечеринках, устраиваемых знакомыми из яхт-клубов Сан-Рафаэля. И одет он был соответственно: шорты цвета кофе с молоком, белая рубашка-поло и белые высокие носки. Я даже разглядела туфли от «Вест Марин» – компании, специализирующейся на оборудовании, одежде и обу-

ви для яхтсменов. Безумно дорогая компания, надо сказать. Как шутили мои знакомые моряки, стоит только к обычной вещи прилепить ярлык «морская», как эта вещь дорожает в несколько раз. Невозможно было поверить, что этот тип пытался нас пристрелить каких-то полчаса назад. Еще более невероятным было то, что он даже и не пытался скинуть эти свои фирменные туфли, плывя к берегу.

Подошедший второй полицейский катер вскоре увез парочку в сторону Санта-Барбары. После непродолжительного обыска моторной мега-яхты были найдены водительские удостоверения шестерых человек, двое из которых оказались нашими преступниками. Яхта была опечатана, и катер береговой охраны остался ей охранять. Второе судно было взято полицейскими на abordаж, и сонные пассажиры давали показания о передвижениях своих соседей по бухте. Ребята в гидрокостюмах все еще прочесывали дно в поиске оружия и распоротой лодки, мгновенно утянутой на дно подвесным мотором.

Выслушав наш сбивчивый рассказ приключениях прошлой ночью, полицейские немедленно погрузили Игореву судую надувнушку на борт и понеслись в сторону соседней бухты. Мы с Игорем сидели в катере рядом с Джоном и доедали бутерброды, предложенные нам только-что прибывшими полицейскими. Рядом сидела громадная немецкая овчарка и часто дышала, капая слюной. Я спросила кинолога, можно ли дать собаке кусок бутерброда, но он ответил, что

лакомиться псу позволено после работы. Начались поиски пропавших четырех пассажиров яхты.

– Дело в том, – объяснял Джон, – что в этих бухтах давно происходят что-то странное. Пропадают люди вот уже как года четыре. И свидетели видели жертвы в последний раз в этой части острова, – либо с северной стороны, либо с южной. Кто-то видел похожих туристов на тропе. Кто-то видел группу аквалангистов около яхт. Ничего конкретного! Единственное, что мы знаем, – заявляют пропажу родственников редко, да и то не всегда. И обычно это связано с тем, что прекращаются выплаты по кредиту, и банк начинает разыскивать должников через родственников. Многие родственники просто отмахиваются, – кредиты все ненавидят, понятное дело: мало ли, месяц-два дядюшка просрочил с выплатами, у кого не бывает... Некоторые, правда, начинают беспокоиться: мол, никогда он выплаты не пропускал... И оказывается, что человек пропал, а со счетов сняты все деньги. А когда мы начинаем искать, то оказывается, что целая группа вместе с ним таким же образом пропала. И никаких зацепок! Вот мы и попросили береговую охрану тренироваться на этой стороне острова, а сами с другой стороны сидим, ждём-с. Похоже, дождались.

Мы с Игорем переглянулись. Игорь спросил:

– А что, и яхты бесхозные находили?

– Да нет, в том-то и дело. Мы даже не уверены, как они сюда добирались. Ведь у многих и частные самолеты были.

Люди в основном очень состоятельные. И – как в воду канули.

– Значит, они уходят на катерах и самолетах... – удовлетворенно хмыкнул Игорь.

Мы прошли мимо дома и свернули направо. Тропа по дну каньона в дневном свете смотрелась совсем по-другому. Мы с трудом нашли остатки костра, потушенного нами накануне, и от него указали кинологу направление к скалам. Приземистый и крупный в кости, пёс быстро взял след и вскоре стал лаять на небольшой закрытый грот, скорее нишу, с деревом у входа. Джон покачал головой:

– Индиана Джонс, да и только...

Полицейские засмеялись. Кто-то сказал:

– Потайные кнопки на стенах, отодвигающиеся скалы, ловушки... Всё, ребята, камни руками не трогать и на кнопки не нажимать!

Но все оказалось намного проще. В самом гроте слева отказался узкий проём, – немудрено, что мы его не смогли найти. Проём был изнутри прикрыт чем-то вроде металлического листа с нанесенным снаружи пластиковым рельефом скалы. Металлический щит гулко стонал под ударами кулака Джона. Попросив кинолога взять собаку на поводок, Джон попытался отодвинуть щит. Он не поддавался. Сфотографировав вход и покричав для порядка: «Эй! Есть кто-нибудь? Открывай, полиция!», полицейские принялись вырезать фрезой небольшой прямоугольник. Кто-то пытался по-

шутить и стал петь: «Сим-сим, откройся!», да только оборвал своё пение на полуслове. Из открывшегося проёма резко потянуло сладким до тошноты запахом тлеющих углей и жареного мяса. Мы отпрянули в сторону; кинолог громко сглотнул и отошел вместе с собакой подальше за кусты. Мне вдруг вспомнился запах гари, исходящей от одежды «туристов» утром на тропе. Длинные волосы женщины были прикрыты сомбреро, их вымазанные в саже концы предательски выбились из-под шляпы... Я меланхолически смотрела, как Джон высвечивает фонариком внутренности пещеры. Его рот открывался темной впадиной, – он что-то говорил, поворачиваясь к полицейским, его лицо казалось постаревшим, покрытым глубокими морщинами на границе света и тени. Я отходила все дальше и дальше, пока не наткнулась на камень ногой и заплакала от боли. Я плакала сначала тихо, потом навзрыд, и Игорь встал рядом и стал похлопывать меня по спине, не зная, как еще меня утешать.

– Это не игра, понимаешь, не игра! – пыталась я ему втолковать сквозь слезы. Почему-то это было очень важно. Словно все, что происходило с нами до этого, было чьим-то спектаклем, в который мы ввязались против воли и принялись исполнять свои роли. Игорек всё похлопывал меня по спине, не зная, что сказать.

Глава Восьмая. Санта-Барбара

– Так что вот, сидят они пока у нас по камерам, наняли адвоката... Надеюсь, что мы соберем доказательства... – Джон приветливо кивнул официанту, и тот поставил перед нами по второй кружке пива. – Эта парочка каким-то образом мыла этим богатеям мозги. Скорее всего, сажали на наркотики. Мужик рассказал кое-что, но про наркотики не колется, боится. Идиот! Им же прямая дорога в Сан-Квентин! Эксперт говорит, что трупов в пещере – десятки! Зубы не горят.

По зубам, наверно, и опознание трупов будут проводить, не знаю, я не спец по этим делам. Они нашли пещеру на острове и придумали, как в неё заманивать и умерщвлять людей, предварительно обобрав их до нитки. Так надежнее: мертвые не болтают. Пещера оборудована очень просто, с хорошо запрятым естественным входом. Выход наверх они немного расширили. Даже не знаю, почему они ничего умнее не придумали, с такими-то деньгами... Там всего -то и наворотов было, что двустенный ящик для представления, как в цирке, да труба-распылитель дыма.

– Чем проще, тем лучше: меньше вероятность того, что в системе будет сбой, – сказала я. От упоминания о Сан-Квентине у меня зачесался шрам на левом боку.

– Ты права, наверное. Поэтому сами в этот спектакль играли, никого не нанимали. Так вот: женщина была жрицей, а мужчины был как-бы рядовым членом секты. Эту так называемую жрицу в пещере сектанты сжигали. Точнее, они думали, что она сгорала, принося её в жертву языческим богам. Это они так справедливость историческую восстанавливали. Эти земли раньше племени Чумаш принадлежали, у них жертвоприношения были. Ну и вот они так отчищались тоже тут, как в стародавние времена. Я не вдавался в подробности, я человек верующий, мне вся эта чертовщина ужасно опостылела. Все смотрели, как она горела в этом двойном ящике в виде алтаря, – прямо как в цирке, – а ее напарник в это время закрывал вход при помощи металлического щита

на рельсе... Потом он сам прятался в глубине грота, в закрытой нише. Там у него был противогаз и накидка, а термокостюм он надевал еще снаружи, под саван. Костер разгорался не на шутку, и эти обдолбанные наркотой люди начинали метаться по пещере, пытаясь найти выход. Преступники ждали, пока все они задохнуться от дыма, и выбирались наружу через отверстие наверху скалы, обычно прикрытое еще одним металлическим щитом и присыпанное камнями. Они вообще хорошо все маскировали. Там у них была заготовлена лестница. Они присоединяли к отверстию что-то вроде трубы, распыляющей дым и уводящей все запахи вниз, в каньон. В Миннесоте такие сейчас популярны, чтобы зимой соседей не обкуривать, – не все же дровами топят, кому-то и запах даже не нравится. В течение ночи тела сгорали в бушующем пламени, а дыма совершенно не было видно. Вы засекали этот дым буквально в те три минуты, когда они вылезали из пещеры. После этого заглушка сразу же закрылась.

Я повела плечами, словно стряхивая наваждение. После выпитого пива слегка кружилась голова, и недавние переживания легко уносились прочь. Всё прошло: шумный полицейский участок, свидетельские показания, фотографии. Отпечатки пальцев для подтверждения личности, – ведь мои водительское удостоверение и паспорт остались на «Флибустьере»... Солнце катилось к горизонту. Ветер с севера приносил долгожданную прохладу. Конец сентября – самый популярный сезон Южной Калифорнии: океан уже прогревал-

ся настолько, что можно было плавать без гидрокостюмов, и жара понемногу спадает. К вечеру все бары и рестораны заполнены туристами и местными жителями – отдохнуть и поужинать за столиками. Вот и мы сидели на террасе шикарного пивного бара, пристроенного к пивзаводу Санта-Барбары.

– Клёвое место, правда? – говорил Джон, подцепляя с тарелки колечко жареного кальмара, – Пиво- свежайшее, вкусная еда, и цены не кусаются: бар не для туристов, а для местных...

Мы согласно кивали, смакуя тягучее темное пиво из высоких фирменных кружек. Игорь, Джон и я сидели за пределами туристической зоны, обозначенной рельсами и старинным зданием железнодорожного вокзала. Цены здесь и вправду были вполне приемлемыми, а пиво – холодным и изумительно вкусным. После нашего немудреного туристического провианта Игорь и я с нетерпением вдыхали аромат, доносившийся до нас из кухни, и косились на огромные порции рыбы с жареной картошкой на соседних столиках. Вскоре и нам принесли долгожданные «фиш-н-чипс». Мы набросились на еду и в течение десяти минут просто молча ели. Наконец я откинулась на спинку стула, отдуваясь и поглаживая живот.

– Спасибо тебе, добрый человек, что привел нас сюда, – Игорь тоже перестал жевать и дурашливо поклонился, подняв над столом кружку в честь Джона.

– Место – супер! – присоединилась я. Смочив горло пи-

вом, я призналась, – Всегда хотела посмотреть Санта-Барбару. После этого сериала в России даже фраза такая была: «Сплошная Санта-Барбара», то есть бесконечная драма с интригами.

– Какой сериал? – не понял Джон.

– Ну как же? Длинный такой сериал, не знаю, сколько серий или там лет он шёл, называется «Санта-Барбара».

До Джона наконец-то дошло. Он, расхохотавшись, хлопал себя по ляжкам, повторяя:

– Не могу поверить, что вам показывали эту голливудскую отрыжку! Неужели русские это смотрели?

Я обижено сказала:

– В стране, между прочим, шёл ликбез по сериалам. Не только эту вашу, прости господи, «Санта-Барбару» смотрели, но также мексиканские и бразильские сериалы. Очень даже интересно, потому что у нас такого не было. Нам советское образование не позволяло такое снимать и смотреть. А тут – на тебе: любовь – морковь, слезы- сопли, и никакого патриотического долга!

– А сейчас есть сериалы?

– Еще какие! Свои, отечественные, и про полицию, и про бандитов, и про медиков, и про любовь... Все как в Америке.

– Хочу в Россию... – мечтательно сказал Джон и закатил глаза, – найду там себе голубоглазую невесту с льняными волосами и золотым загаром, родим кучу детишек...

– Размечтался, – прервал его Игорек, – так не бывает. Ес-

ли невеста, то бледная и замученная городским метрополи-
тенном, или, на худой конец, пробками. Золотым загаром она
покроется на островах, куда вы поедите отмечать медовый
месяц...

– На острова – дорого...

– Тогда ищи невесту в Санта-Барбаре. Русская без остро-
вов на тебе не жениться! Таких как ты и в России хватает...

– Ну почему же? – встала я на защиту Джона. – Ведь есть
тропические острова в Мексике, там, наверное, не так уж и
дорого...

– В Мексике опасно, – сказал Джон.

– Я там была, и тоже на островах. Правда, на субтропиче-
ских островах, что в море Кортеса. Ничего опасного я там не
видела. Все дружелюбные, расслабленные. Теплоходы постоян-
но ходят, туристы с рюкзаками, студенты. Мусора мало. В
Кабо Сан Лукас и Ла Пасе ¹⁴очень много американцев-пен-
сионеров живут. У них даже своя газета там выпускается.
Много канадцев, целые поселения...

– Опасно, я тебе говорю! Ты знаешь, сколько политиков
там погибло в этом году? Этих мэров там наркобароны пря-
мо на мосту в Энсенате ¹⁵ повесили, во устрашение публике!

---

¹⁴ Ла Пас – столица штата Баха Калифорния, Мексика. Находится на море Кор-
теса, которое отделяет полуостров Баха Калифорния от континентальной Мек-
сики. Жан Жак Кусто в своё время назвал море Кортеса «самым большим аква-
риумом мира». В Ла Пасе развит туристический бизнес. В настоящее время ма-
рины Ла Паса заняты в основном американскими яхтами.

¹⁵ Портовой город на границе между США и Мексикой. Чёрный рынок, управ-

– Так ты не лезь в политику...

– Я-то не лезу. А если на пляже или в магазине разборки начнутся, то так и попадешь под пули со своей невестой.

С этим было трудно поспорить. Я все же буркнула:

– Вечно вы народ Мексикой запугиваете... вот у меня друзья по работе все время к себе в Мексику ездят, а потом только о поездке и говорят. И ждут следующую. Все иммигранты в итоге рвутся домой, ну хотя бы на время. Или вот даже туристы. Вот спроси Игоря – рвется ли он в Россию?

– Рвешься? – спросил Джон

– Не-е, не рвусь, – заулыбался Игорек. – Тут тепло, светло и мухи не кусают. Деньги пока есть, жена с детьми скоро приедет. Будем яхту покупать.

– Какую яхту? – в один голос удивились мы с Джоном.

– Парусную. В Сан-Диего. Я с продавцом уже все обсудил, но жена должна сама посмотреть. И пацаны тоже.

– Большая яхта? – спросила я с опаской.

– Смотря с чем сравнивать. По сравнению с твоей – гигантская...

– Сколько метров?

– Семнадцать. С половиной.

Я поперхнулась и попросила:

– Пожалуйста, не говори мне, что платишь наличкой...

ляемый «картелью», основан на ввозе в Мексику оружия из США и вывоза из Мексики в США наркотиков. Энсенада, будучи пограничным городом, играет в этом траффике роль обменного пункта и известна своей коррупцией.

Игорь широко улыбнулся и хитро подмигнул.

– А? Знай наших! – я гордо обвела глазами террасу бара и посмотрела на Джона. – А ты говоришь – невеста... Умом Россию не понять!

– А потом куда? На яхте-то? Или вы её в Сан-Диего будете держать? – вежливо поинтересовался Джон.

– Нет. Мы на юг пойдём, в Мексику, а потом на Карибы через Панамский канал. Там её и оставим до следующего отпуса.

– Надеюсь, вам понравится в Мексике. Но всё же имейте в виду – это страна третьего мира. Будьте аккуратны, фильтруйте воду и обрабатывайте овощи и фрукты дезинфицирующим раствором, иначе проведете на горшке весь свой отпуск. У нас это называют «Реванш Монтезумы»...

– Фигня это всё, – заявила я, тут же почему-то вспомнив советскую хлорированную воду идохлых рыбок в своем аквариуме. В детстве, решив поменять рыбкам воду, я их всех погубила. Оказывается, воду из-под крана надо было отстаивать в течение суток перед тем, как залить её в аквариум, а я по малости лет этого не знала. – В Мексике рынки на улице, прямо как в Ялте, и все пробуют немые фрукты с лотков ...

– Украина – тоже страна третьего мира... – неуверенно заявил Джон и покосился на меня.

– Ага! Раш Лимбо¹⁶ и Россию называет страной третьего

---

¹⁶ Ведущий радиопередач, сторонник и выразитель взглядов радикальных рес-

мира! Вообще охренел!

– Нет, не так. Он говорит, что бывший Союз – это страны с образованием и вооружением на уровне стран первого мира и экономикой третьего мира.

Я скорчила злую мину:

– Что он вообще понимает! Он же из Америки ни куда не выезжал, потому что боится за свою жирную жопу... Он только и помогает этим политиканам всех рассорить, весь мир стравить, чтобы все перебили друг друга...

Игорек закашлялся и пнул меня ногой под столиком. Я извинилась. Мне и самой надоело спорить о политике. Наша перепалка по поводу политики и международного положения продолжалась всю дорогу от острова Санта-Круз до полицейского участка Санта-Барбары. Очевидно, дебаты не закончились и в баре, и пиво лишь усилило моё желание помучничать. Даже если я и было в чем-то согласна с Джона, то ни за что в этом бы не призналась. Из-за принципа – потому что Джон был республиканцем, а мне тогда еще импортировали лозунги демократов. Поэтому я лишь миролюбиво спросила:

– Джон, а где ты был в Мексике? В Акапулько отдыхать ездил?

К нашему огромному удивлению оказалось, что двадцать лет назад совсем еще тогда молодой Джон со своими двумя приятелями проехал на лошадях всю южную часть полуост-

рова Баха Калифорния, начиная от Сан-Игнасио и заканчивая Лос Кабос. Он видел магические города Тодос Сантос в бухте Всех Святых, осмотрел Мулехе – город-оазис в пустыне, отбитый мексиканцами назад у американцев в девятнадцатом веке. Он видел безобидных акульих китов, подплывающих совсем близко к купающимся и дающим себя потрогать за плавник. В Санто Розалии он бродил по кварталам, отстроенным по проекту месье Эйфеля – архитектора той самой знаменитой башни в Париже. Лорето же преподнес ему особый сюрприз. Около старой церкви первых миссионеров Джон повстречал крепкого мужчину, державшего на поводке местного мохнатого ослика-бурро. На американца, несмотря на свою светлую щетину на подбородке, он был не похож: слишком неровные зубы, да и волосы торчали из носа и ушей. Присев рядом с ним на ступенях церкви, Джон завел с ним беседу. Эта встреча так поразила его молодое воображение, что он до сих пор помнил её до мельчайших подробностей. Улыбаясь, Джон стал рассказывать:

– Его звали Рой Сноубол. Рой начал идти пешком от океана и по горам пересек полуостров с запада на восток. В итоге он оказался на берегу моря Кортеса. Ослик – его верный товарищ – все это время безропотно нес воду и немного провизии... Рой оказался родом из Новой Зеландии. За всю свою длинную жизнь он работал сварщиком, каменщиком, рыбаком, а также ловцом крабов и лангустов в коварных морях Новой Зеландии. Выйдя на пенсию и добравшись до Сан-Ди-

его, он на три месяца сдал свою яхту в аренду американцем и, договорившись с ними встретиться в мексиканском порту Лорето, что на море Кортеса, отправился в свое путешествие по Мексике. Выторговав в деревушке ослика-бурро, он загрузил на него воду, и смело двинулся через пустыни и горы Сьерра де ля Хиганте. Рою было тогда шестьдесят семь лет. Жена его умерла за три года до этого путешествия, а самому Рою уже сделали две операции на сердце. Он шёл наверх, в горы, и задыхался, а сердце его стучало так, что готово было выпрыгнуть из груди. Тяжело ему приходилось и на спуске с гор – стершиеся хрящики в коленях причиняли невыносимую боль. В холодные ночи в спальник не раз залезали скорпионы – погреться от человеческого тела, а днем среди кактусов скользили бесшумно гремучие змеи, так и норовя попасть прямо под ноги. Один неверный шаг – и никто не сможет помочь одинокому путешественнику. Но всё же это было для Роя намного лучше, чем сидеть в домашнем кресле, слушая, как настенные часы отстукивают ему последние минуты... Дойдя до Лорето, он пришел к церкви и здесь высматривал, кому бы отдать своего ослика... «У нас в Новой Зеландии, – овцы, а здесь, в Лорето – козы в основном... Я бы пастуху отдал, всё помощь. Будет ему воду носить...» Так и не дождавшись пастушка у церкви, Рой, по-медвежьи расставляя крепкие ноги, отправился к невысоким домам, – высматривать будущего хозяина ослика. У причала его уже ждала красавица яхта, готовая к новым приключениям бес-

страшного капитана...

Джон отпил пива и продолжал:

– Я хорошо помню, как расспрашивал его о Новой Зеландии, и глаза его загорелись, а лицо озарилось светлой улыбкой... И тогда я точно понял, что он непременно доберется до своей страны, чтобы это ему не стоило...

Джон замолчал, словно вновь переживая встречу с Роем. Может, и он скучал по своему Техасу. Я вспомнила Вернера – капитана «алых парусов» из бухты Пеликан, – ведь и ему было шестьдесят семь. Я с восхищением думала о том, что сколько вот таких отважных роев и вернеров бегут от старости и болезней в горы, тайгу, моря и океаны, подчас обманывая смерть, выгадывая у Костлявой год-другой, а то и все десять лет, – время, полное встреч и приключений...

Мы расплатились и не спеша направились в сторону набережной. Я была благодарна Джону за то, что он поделился с нами своими воспоминаниями, и жалела, что спорила с ним о политике. Была пятница, и на Старой Верфи показывали бесплатное кино. Народ сидел на раскладных стульях и прямо на нагретых за день деревянных настилах верфи, потягивая пиво и закусывая орешками. Продавцы картин сворачивали свои стеллажи. Невдалеке играл джазовый оркестр. Отовсюду неслась иностранная речь; было много русских. На рейде стояла, едва покачиваясь на волнах, гигантская «Луна» Абрамовича. Огни набережной Санта-Барбары напомнила мне вечернюю Ялту, и до сладкой боли в сердце захо-

телось домой... Игорек и Джон тоже как-то приутихли; каждый думал о своем. Не сговариваясь, мы вдруг взялись за руки и, смеясь, понеслись по песку навстречу пенистому прибою. Теплые волны ласкали наши ступни, и мы еще долго бежали вдоль кромки воды, обрызгивая друг друга и просто радуясь жизни.

Глава Девятая. Сны

Уютно устроившись в кровати, я щелкала пультом, выбирая канал поинтереснее. Последний раз телевизор я смотрела очень давно, и сейчас просто прилипла к экрану, замороженная мельканием картинок. Русский миллионер Игорек

заплатил за номер в гостинице в пяти минутах от пляжа, и мы наслаждались комфортом и уютом курортной Санта Барбары. Вдоволь набегавшись по телеканалам, я потушила свет и сладко обняла подушку.

Игорек посапывал на соседней кровати. Казалось немного странным спать рядом с ним в одном номере, хотя на острове лежать в спальнике рядом с ним и слушать шум прибоя казалось совершенно обычным делом... Я взяла в банке немного наличных, и вопрос с деньгами больше не стоял так жестко. Я могла бы заплатить половину за номер, но Игорек не позволил. По прибытию в гостиницу мы оба на несколько минут почувствовали себя не в своей тарелке; мне даже показалось, что Игорек мысленно корил себя за то, что не снял нам отдельные номера. Но неловкость быстро прошла: мы оба знали, что в любом случае сидели бы в одной комнате. Номер стоил больше двухсот долларов, и выбрасывать на ветер такие деньги не стоило. Я зарядила телефон и наконец-то связалась с Сережкой, Алёшкой и Дейвом, а Игорек позвонил семье в Россию через скайп, усевшись в холле гостиницы за один из компьютеров.

То, что Игорек совершил путешествие на надувной лодке через океанский пролив к островам только для того, чтобы скоротать время в ожидании семьи, да к тому же собираясь покупать яхту стоимостью в полмиллиона «зеленых», приводило меня в полное восхищение. Я лежала и тихонько посмеивалась, представляя себе озадаченное лицо Джона.

Игорехин подход мне ужасно нравился. К тому же, несмотря на свои миллионы, деньги он попросту не тратил, да и яхту купил парусную, чтобы его пацаны учились бережливому отношению к природе-матушке. Зачем зря бензин выливать, если есть такая силища, как ветер? О красоте и романтике тут и говорить не приходится...

С ветра и парусов мои мысли переключились на Дейва. Когда я ему позвонила, он, как обычно, был немногословен, словно боялся отнять у меня время. Может, он просто не любил говорить по телефону. Я немного по нему скучала и уж совсем его не стеснялась, но как-то не решилась сказать ему о потерянном «Флибустьере». Я, наверное, смирилась с вероятностью того, что никогда больше не увижу флибустьерскую драконью морду, но в глубине души все же отчаянно надеялась на чудо. Сережка и Алёша уже созвонились с Дейвом. Было решено, что мы встретимся на острове Каталина через неделю. Я поняла, как ужасно соскучилась и по сыновьям, и по Дейву, и с нетерпением ждала нашей встречи. Потеря «Флибустьера» казалась мне уже сущей мелочью. Главное, что все живы-здоровы, и слава богу. Я представила себе свое и Игорехино семейство в сборе и заснула, улыбаясь.

Мне снилась Мексика. В зеленой воде плавали неторопливые черепахи, вытягивая шеи и словно поглядывая на нас из перископа. Алёшка и Сережка, совсем маленькие в моем сне, строили на песчаном берегу шалаш из топляка, выброшенного приливом на пляж. Накануне я еле вытянула их

на берег: они совсем замерзли и стучали зубами, но никак не хотели вылезать из воды. Весь день мы плавали с маской и трубкой, то и дело ныряя на дно за жемчужными раковинами и мюрексами – ракушками удивительной формы. Нас касались своими плавниками пестрые рыбы-попугаи, а также неведомые огромные рыбы необыкновенных окрасов, с большими, словно силиконовыми, губами. Среди кораллов сновали маленькие синие рыбки. Закрытые плоские раковины лепились к кораллам – они так и манили своими запрятанными внутри сокровищами. Мы уже набрали с десятков скалопий, и в лимонном соке мокли свежие устрицы.

Совсем рядом замаячила подтянутая фигура моего мужа Дениса. Он шел по песчаному пляжу, смотря себе под ноги и аккуратно ступая мимо разбитых ракушек. В его руке была связка небольших, но вкусных рыбок кабриа, которые мы обычно жарили на костре. Я радостно махала ему рукой, но он был так занят разглядыванием острых ракушек, что совсем меня не замечал. «Па-па!» – Сережка с Алёшкой наконец-то оторвались от постройки шалаша и бросились Денису навстречу. «Мы плавали с черепахой! Мама сказала, что её зовут Тортилла! Это правда?» «Не Тортилла, а Тортийя, – поправил их Денис, – двойное «эл» читается как «и краткое». Это означает мексиканскую лепешку». Мальчишки требовательно уставились на меня, и я, прикусив от смеха губу, предложила: «Ну что ж, я думаю, это не та черепаха. Наша черепаха совсем не похоже на лепешку. Какое же

у неё тогда имя?» «Нинзя!» – выпалил маленький Сережка. «Подходит! А вы как думаете?» – посмотрела я на Дениса и Алёшку.

Денис сидел на корточках и разводил костер. Он устало взглянул на меня и лишь раздраженно пожал плечами. Алёшка встал рядом с ним и, тоже нахмутив свои светлые бровки, стал раскладывать тонкие веточки поверх бревен. «Ну что ты делаешь!» – одернул его Денис. – «Они тут же прогорят! Надо еще бревен положить поперек!» Он смахнул ветки вниз. Тонкие крылышки Алёшкиных лопаток окаменели. Я смотрела на его узкие плечи, беззащитно выступающие позвонки, и мое сердце сжималось от обиды за малыша. В горле болезненно застрял комок, и я проснулась, задыхаясь от подступающих слез.

Мобильник показывал три часа ночи. Я тихонько села на край кровати и уставилась в открытое окно. Сквозь густые ветки магнолий искрились по-южному яркие звезды. Ночью было значительно свежее, и подоконник покрылся росой.

– Не спится, Дин? – вдруг раздалось за мой спиной.

Я вздрогнула от неожиданности. Игорек, приподнявшись на локте, смотрел на меня из глубины комнаты.

– Сны снятся какие-то дурацкие, – сказала я, шмыгая носом.

– Давай, колись тогда, что снится-то? Может, полегчает? Готов поспорить, что за тобой бегают обгорелые трупы, – пробовал пошутить Игорь.

– Если бы! Алёшка с Сережкой снятся, маленькие, лет пять, не больше...

– Ну ты, мать, даешь! Что же тут плохого? Мне вот мои пацаны всегда такими снятся...

– Мне тоже! – улыбнулась я, размазывая предательскую слезу по щеке. – Всегда такими – пятилетними. Я по ним очень скучаю. Всего один раз они маленькими бывают. А тогда казалось, что так будет всегда... «Черепашки Нинзя», трансформеры, кубики «Лего»...

– Это точно! – засмеялся Игорек.

– Знаешь, мне мой бывший муж приснился. Словно мы в Мексике, на островах отдыхаем. Денис недовольный такой, ворчливый. Алёшку ни за что, ни про что обидел во сне. Алёшка ему всегда во всем подражал. Он как-то быстро вырос и уехал от меня в свою Силиконовую долину. Такое ощущение, что как только смог, так и уехал. Наверное, у него целая куча проблем из-за нашего развода, но он ведь ни за что не поговорит, не признается...

– Дин, у нас у всех проблемы. Я уверен, что ты его воспитала здравомыслящим и психически уравновешенным человеком. Взрослый парень, самостоятельный, со временем разберется, что к чему. Жизнь научит...

Я кивнула головой:

– Никогда не понимала, когда мне так мама говорила. Раздражалась ужасно. А сейчас вот вижу: во многом мама права была.

– Мамы обычно правы... И семья – самое большое, что у нас есть. Самое ценное...

Я благодарно улыбнулась:

– Спасибо, Игорёк. Ты спи... Я с телефона еще почитаю, если тебе свет спать не мешает...

– Не мешает. Порть глаза себе на здоровье...

Игорь пожелал мне спокойной ночи и вскоре снова засопел. Прочитав пару глав легкого детектива, я погасила экран мобильного и закрыла глаза. Зеленые волны моря Кортеса тут же вернулись и стали плескаться предо мной, заманивая в свои необыкновенные глубины.

Песчаная коса полумесяцем обрамляла изумрудную воду. Защищаясь от северного ветра, жались к склонам горы ветхие домики – временное пристанище рыбаков. Тонкий загорелый мальчишка-мексиканец лет тринадцати ходил по пляжу с пластмассовым ящиком и, останавливаясь перед пьющими пиво отдыхающими, брал пустые бутылки и складывал в тару. Туристы были в основном американцами. Кто-то в придачу доставал пятерку, кто – пару долларовых бумажек, пытаясь потрепать мальчишку по коротко остриженной голове. На его правой щеке проступало родимое пятно; оно было светлее, чем его смуглая кожа. Мальчишка не улыбался и держался с достоинством. Я пошарила глазами вокруг и, найдя пустую бутылку, протянула её мальчику. «Дякую» – поблагодарил он почему-то по-украински. Я проводила глазами его худую фигурку, одетую в красную футболку и джин-

сы. Он не спеша двигался к серому волнорезу, обходя лежащих на полотенцах отдыхающих. Под его ногами блестела мокрая от воды галька. На волнорезе вкривь и вкось было по-русски выведено большими красными буквами: «Нырять запрещено!». Я в Крыму! – моё сердце подпрыгнуло от радости. – Это же Ялта! Я стала оборачиваться, пытаюсь среди отдыхающих разглядеть друзей и родителей, но их не было видно. Мобильник разрывался от звона, мешая мне сосредоточиться, и я отмахивалась от него, как от назойливой мухи: не сейчас, не сейчас...

– Дин, проснись! – тряс меня за плечо Игорь. – Тебе Джон звонит!

Я нащупала кнопку приёма, и сипло сказала:

–Привет, Джон...

–Буэнос диас!¹⁷ – энергично протрубил Джон мне в ухо.

Я поморщилась и спросила:

–Сколько чашек кофе ты уже выдул?

– Только две. Но большие! – он рассмеялся и продолжил, – Я только что из дома этого Эрика, ну, серийного убийцы, которого мы задержали... Так вот, – там, в подвале, целая грибная плантация. Галлюциногенные грибки, прикинь? Пещера, грибы: средневековые какое-то! Вот жмоты, а? Даже на наркотики деньги не тратили!

– Ну и правильно, свидетелей меньше, на фига с наркодельцами связываться?... И потом, они же в образ вжива-

---

¹⁷ Доброе утро! (исп.)

лись, у них же культ был, жертвы девственниц и так далее, я так понимаю... Слушай, ты мне из-за этого в такую рань звонишь?

– А что, разбудил, да? Вообще-то твоя лодка нашлась...

У меня ёкнуло сердце, и я окончательно проснулась. Помолчав две секунды, я жалобно попросила:

– Джон... повтори, пожалуйста, что сказал.

– Твоя лодка нашлась! Целая и невредимая! Ты, Дина, безумно удачливая, я тебе доложу!

Я стала смеяться и, как маленькая, закричала «Ура!», а потом в раздумье принялась накручивать на палец прядь волос:

– А ты уверен, что это моя лодка?

– Ага! Ты еще где-нибудь видела трехметровую лодку с кабиной, метровым килем и драконьей головой? Собирайся. Я сейчас в гостиницу еду, по дороге все расскажу!

Мобильник отключился и тут же снова пискнул: пришло сообщение. Джон написал: «Что ты на это скажешь, Фома неверующая?». Я открыла прикрепленную к сообщению фотографию. На фоне белого песчаного пляжа, в изумрудно-прозрачной воде красовался мой «Флибустьер». Драконья голова как ни в чем не бывало сияла свеженьким лаком, и даже будто бы косила глазом в мою сторону: «Ну где ты всё бродишь? Я уже заждалась!» Позади мачты «Флибустьера» высились конусы давно потухших вулканов; по их склонам огромными палицами возвышались зеленые кактусы. Я

вдруг вспомнила свои сны и в недоумении покачала головой: «Флибустьер» позировал в живописной бухте где-то на море Кортеса...

Глава десятая. Микос

Полицейская машина резко затормозила, и взметнувшийся столб пыли покрыл коричневой пудрой ветровое стекло. Джон выругался и включил дворники. В образовавшемся светлом окошке вновь показался «Флибустьер», и машина окончательно остановилась.

Черный пикап с надписью «Мексиканская полиция» уже собрал кучку зевак. Мужчины стояли вокруг пикапа и что-то

оживленно обсуждали. Мальчишки сидели на толстом бревне, лежащем на берегу воды. Женщины в длинных юбках и платках держались поодаль; как только мы остановились, они, как по команде, повернулись в нашу сторону, тревожно рассматривая нас из-под платков. Пахло чабрецом. Ветер приносил сладкий аромат с окружающих нас холмом. Я с наслаждением вбирала в себя этот запах Мексики, вглядываясь в танцующем на волнах «Флибустьера». Отделившись от собравшихся вокруг пикапа мужчин, к нам подошёл человек в коричневой форме полицейского.

– Хосэ, – буднично представился он и протянул руку для пожатия.

Мы по очереди пожали его руку. Хосе взял меня под локоть и отвёл в сторону

– Прошу вас, будьте снисходительны, – сказал он, глядя мне в глаза. – Парню только шестнадцать лет, не ломайте ему жизнь...

Я кивнула головой и пожала плечами: главное, что «Флибустьер» нашёлся. Зачем мне ломать жизнь какого-то мальчишки? Мне по дороге сообщил Джон, что отец некоего подростка заявил в мексиканскую полицию о найденном его сыном «Флибустьере». Местный подросток, якобы, нашёл его на трейлере около моря, прямо у пляжа города Сан-Филиппе¹⁸. Полиция в это не верила. Все считали, что подросток

---

¹⁸ Город у северного берега моря Кортеса, недалеко от пограничного города Мехикали

каким-то образом замешен в краже, а отец пытается его выгородить перед властями. Правда, и я не совсем понимала, как ему удалось доставить «Флибустьер» к морю Кортеса, и зачем это было делать? Вопросом было много, и я надеялась найти на них ответ. Но больше всего мне хотелось плюнуть на все формальности и поплыть к «Флибустьеру», обнять его деревянную голову и посмотреть, все ли с ним в порядке.

– Вот он, полюбуйтесь! – неожиданно строго сказал Хосе, поманив пальцем одного из мальчишек, сидящих на бревне. Ребята на бревне перестали галдеть и посмотрели на худенького подростка в красной футболке и джинсах. Тот встал и стал медленно приближаться к нам. Не отрываясь, я смотрела на его правую щеку: на ней светлело округлое, размером с металлический доллар, родимое пятно.

Я слышала, как гулко бьется моё сердце. Я смотрела на мальчишку из своего сна, и у меня появилось странное состояние невесомости, словно я скользила над землей.

– Рассказывай! – сказал Хосе, хмурясь и строго глядя на высокого подростка снизу вверх. Мальчик был немного выше и старше, по сравнению с тем, которого я видела во сне, но это был он. Только будто бы он повзрослел за это время.

– Подождите! – попросила я Хосе, и медленно обернулась к подростку, – Ты говоришь по-английски?

Он кивнул. Жестом пригласив его следовать за мной, я двинулась к кромке воды. Усевшись на песок, я стала смотреть на качающегося на волнах «Флибустьера».

– Красивый... -сказал мальчик и сел рядом.

– Да. – согласилась я и представилась, – Дина.

– Я знаю... Меня зовут Микос. Вообще-то меня зовут Микеланжело, но все называют меня Микос...

– Мучо густо¹⁹... Микос, я совсем запуталась, расскажи мне, что ты знаешь о моей лодке... Пор фавор²⁰...

Микос кивнул и стал рассказывать. Говорил и на испанском, и на английском, и картина постепенно стала проясняться.

Недавно, собирая бутылки по пляжу, Микос наткнулся на трейлер с «Флибустьером» у воды. Забыв обо всем на свете, он вглядывался в деревянную голову дракона, смотрел на округлые бока, и сердце его бешено колотилось. Всю свою жизнь Микос мечтал о парусной лодке. Надо сказать, что парусный спорт в Мексике дорогой и популярностью совсем не пользуется. Мексиканцы – народ небогатый и прагматичный. Они любят мощные джипы и пикапы, в совершенстве подходящие грунтовым дорогам. Морские просторы раскают панги – надежные и прочные плоскодонки с мощным подвесным мотором. Парусная лодка – это причуда для богатых американцев, которым некуда девать деньги и время, – так считает большинство в Мексике.

Микос любил читать. Его отец, архитектор из Мехико – сити, собрал крупную библиотеку, которая кочевала с ним

---

¹⁹ Очень приятно (исп.)

²⁰ Пожалуйста (исп.)

из города в город, пока он работал по контрактам на разные компании. В итоге он проехал всю страну и очутился в Сан-Филипе, городке на западе Мексики, что располагается в верховьях Калифорнийского залива, который еще именуют морем Кортеса. Работая в Сан-Фелипе, Алехандро – так звали отца Микоса – встретил красивую и добрую девушку по имени Люпэ, которой и сделал предложение. Почетное положение архитектора в городке чрезвычайно порадовали семью Люпэ, да и парень он был неплохой, и все приветствовали Алехандро как нового члена семьи. Так и осел Алехандро в Сан-Филиппе. Библиотека вскоре перекочевала в коридор нового, построенного по проекту хозяина, дома молодой семьи. Дом стоял прямо у моря.

Микос отчаянно любил море. К пятнадцати годам своей жизни от твердо знал, что будет капитаном. Даниэль, инструктор подросткового парусного клуба, рассказал ему, что он нанимается на парусные яхты капитаном к богатым европейцам и американцам-гринго и путешествует по всему миру. Микос не мог в это поверить, – оказывается, можно быть капитаном на чужой яхте и даже зарабатывать деньги! «Неплохие деньги», – уверял его Даниэль, с гордостью показывая на свою новенькую гоночную яхту. Даниэль был родом из Аргентины, но работал в Мексике, упрямо развивая в чужой стране парусный спорт.

Жизнь Микоса определилась. Он принялся изучать английский и навигацию, аэродинамику и основы кораблестро-

ения. Одна беда, – его отец ни в какую не соглашался давать деньги на парусный клуб, уверяя себя и Микоса, что наемные капитаны мало чем отличаются от цыган и совершенно не думают о семье. Перспектива отдать сына во власть океанов совершенно не прельщала сеньора Алехандро: он видел сына архитектором, продолжателем семейной традиции.

Микос же не сдавался, и ему не терпелось практиковаться на настоящих яхтах. На каникулах он мыл полы в магазинах-теньдах и собирал бутылки, обходя пляж за пляжем, – собирал деньги на парусный клуб. Какова же была его радость, когда во время одного из таких обходов он вдруг увидел миниатюрный корабль, глубоко сидящий на трейлере. Весь день провел Микос у «Флибустьера» в ожидании хозяина, но никто так и не появился. Микос решил, что необычный «Флибустьер» был кем-то забыт у пляжа. «Причуды богатых гринго», – решил для себя Микос. Он уже понял, осматривая мощный киль и толстые стены корпуса, что «Флибустьер» может выдержать даже самые суровые бури моря Кортеса... Ночью он залез в лодку и обнаружил в ней мои документы, карты и фотографии. Микос лишь утвердился в своих предположениях о том, что мини-яхта построена для океанских переходов, – на картах он увидел путь, проложенный мною до самого северного побережья Черного моря. И тогда он решился. Он отдал все свои невеликие сбережения водителю мощного пикапа, чтобы тот отбуксировал трейлер с «Флибустьером» вниз к песчаному берегу и поставил лодку на воду.

Микос завел мотор , – тот заработал! Спрятав яхту в соседней бухте, юный капитан бросил якорь и стал размышлять.

– Понимаешь, когда я увидел все твои фотографии на стенах кабины и карты, я понял, что ты не могла бросить «Флибустьера». Ты же его сама построила, он тебе, наверное, почти как ребенок...

– Буратино! – усмехнулась я, – Пинокио, по вашему. Деревянный мальчик папы Карло...

Микос важно кивнул и продолжил:

– На корабле был беспорядок, и я подумал, что произошло несчастье. Ну, что ты за борт упала и утонула, или на тебя напали... Но я смотрел на фотографии и никак не мог поверить, что тебя нет. И тогда я пошёл к Холму...

– Холму? – не поняла я

– Да. К священному Холму. У нас там семейная статуэтка Тлалока – бога дождя спрятана. Я попросил его о помощи. Попросил, что если ты жива, то пусть он тебе поможет. А я пока твой корабль охранять буду...

Он так и сказал, – охранять. Словно «Флибустьер» был живой, и он был в беде без хозяина... Я вспомнила свои вещи сны, неожиданно громко сглотнула и спросила:

– А как полиция-то узнала?

– А я отцу рассказал. Ну, чтобы тебя они тоже разыскивать стали.

Я слышала, как громко билось его сердце. Я спросила:

– Микос... Куда ты ходил на «Флибустьере»? Далеко?

Он виновато кивнул:

– Далеко... До острова Анхель де ля Гарда дошел...

Я присвистнула. Миль пятьдесят, не меньше.

– Под парусом шёл?

– Ага. Ветер был сильный, я рифы взял... Два раза...

– Страшно было?

– Еще как страшно... Но это вначале. А потом, наоборот, – радостно. Такое ощущение, как птица в небе...

Микос улыбался одними глазами, вспоминая свой полёт по морским волнам. Всё-таки отчаянный они народ, эти мальчишки...

– А отец как же? Не потерял тебя?

– Не-е. Я ему сказал, что я у Виктора, – ну, у друга моего, – буду пару дней. Каникулы все же... И звонил ему все время. В кабину залезал, чтобы он ветра в телефоне не слышал... Если ему все время звонить, то он не переживает...

– Понятно... Спасжилет надевал?

– Надевал.

– Еще пристегиваться надо к стропе, – в случае, если за борт упадешь, всегда вытянуть себя сможешь на палубу. Я тебе завтра покажу...

– Да?

– Да. И с отцом поговорю... Может, и правда капитаном когда-нибудь станешь.

Микос как-то по-новому посмотрел на меня. Он словно внутренне распрямылся и успокоился. Я вдруг почувствова-

ла, что Микос разом и навеки принял меня в свою большую семью, в родное племя, и теперь мы всегда сможем друг на друга положиться...

***

Хосэ, полицейский из Сан Филипе, съездил в тьендунский местный магазинчик, и привез лепешки, овощи и свежесытый козий сыр. Мы ждали эксперта, который добирался сюда из Энсенады. Несмотря на то, что Микос прибрался на моей яхточке, я тут же обнаружила раскуроченное узкое отделение под кокпитом, который обычно был забит пенкой для придания плавучести. Блоки синтетической пенки были кем-то аккуратно вытащены, и узкие «пеналы» под кокпитом были совершенно пусты. Так, по крайней мере, мне показалось. Я тут же сообщила об этом Джону. Джон, высветив фонариком миллиметр за миллиметром всё пространство под кокпитом, неожиданно для всех обнаружил в узкой щелке между фанерными перегородками маленькую иглу в пластмассовом футляре.

–Твоё? – он показал мне иглу, пытаюсь держать её на расстоянии от моих глаз. На «Флибустьере» едва хватало места для нас двоих; Хосэ с двумя полицейскими, Микос и его отец Алехандро стояли в панге, с любопытством заглядывая в мою яхточку.

Я отрицательно покачала головой. У меня была парочка одноразовых шприцов на борту, но они лежали в аптечке, никем не тронутые. Эта игла больше походила на дротик для

метания, только очень маленький, с миниатюрным пластмассовым оперением. Раньше я таких не видела. Джон позвонил в Энсенеду, и потянулись томительные часы ожидания прибытия эксперта.

...Работа экспертов-криминалистов – не такая уж и интересная, как может показаться на первый взгляд. Сгибаясь в три погибели, одетый в штатское широкоплечий и громкоголосый Марки исследовал всего «Флибустьера» на предмет отпечатков пальцев, ботинок, а также следов слюны и крови. Ради развития американо-мексиканской дружбы было решено фиксировать все события на киноплёнку и показать работу эксперта по центральному мексиканскому телевидению. В конце концов, Марки старался во имя безопасности простого мексиканского народа. Впрочем, несмотря на направленные на него камеры, в выражениях он не стеснялся.

– Тут так тесно, – ворчал он, – что порезаться, – раз плюнуть. Я, конечно, извиняюсь, – обращался он к Хосэ, – но обычно мексиканцы не отличаются особой фантазией при транспортировке оружия и наркотиков. Мы все знаем, что оружие завозится из Америки в Мексику в обмен на деньги или наркотики. Казалось бы, нам известны обычные каналы, и мы успешно боремся с нелегальным трафиком, – совсем недавно был раскрыт целый подземный город у границы в Сан-Диего! На этот раз ваша картель меня просто поразила. Это же надо додуматься: выбрать такую заметную лодку для транспортировки оружия! Спорю на бутылку текилы, – по-

ка эту лодку искали в океане, они поставили её на трейлер и по суше пересекли границу в Мехикали! Эту карликовую лодку, – Дина, я извиняюсь!– и проверять никто не станет! Кому это надо!

Эксперт-криминалист Марки, специализирующийся на американо-мексиканском приграничном трафике нелегальных товаров, сразу же определил принадлежность «иглы» к знаменитым дротикам, начиненным, кроме всего прочего, ядом кобры.

– Смертельные дротики, – объяснял он уже на берегу, размахивая руками и обращаясь ко всем собравшимся у полицейской машины, – были разработаны ЦРУ в семидесятых как биологическое оружие против русских. Они оставляют практически незаметный укол на коже, напоминающий укусы комара. Яд кобры, попадающий в кровоток, почти мгновенно приводит к остановке сердца, причем его невозможно выявить при посмертной экспертизе патологоанатомов. Все выглядит очень натурально -как неожиданный сердечный приступ.

Марки красноречиво прижал руку к сердцу и картинно закатил глаза. Собравшаяся на берегу толпа загудела, поражаясь такому хитрому способу уничтожения человека человеком.

– Эти дротики, – продолжал он, – вставляются в небольшой пистолет, как пули. Как вы видите, они очень миниатюрны. Их можно принять за шприцы для диабетиков; их

можно было перевозить совершенно открыто и даже вносить в охраняемые здания. Однако после крупного международного скандала и заседания комиссии ООН они были запрещены к использованию, и до поры – до времени лежали себе в хранилище на военной базе Венденберг, штат Калифорния. Но! – тут Марки сделал паузу и обвел публику глазами, – примерно год назад во время плановой инвентаризации было обнаружено, что часть оружия пропала. Началось расследование, которое тут же застопорилось из-за отсутствия даже мельчайших улик. Очевидно, кто-то из своих проник в хранилище... Но нельзя же подозревать всех работающих в здании! Однако сейчас дело принимает новый оборот. Уже сейчас данные анализируются и вся информация, собранная на месте преступления, отправляется по электронной почте в Сан-Диего и Энсенеду. Смеею вас заверить, что если у нас есть даже малая зацепка, мы найдем преступников! Самое главное, мы сможем изъять опасное оружие, которое угрозой нависло над всеми жителями Мексики!

Марки отпил воды из пластмассовой бутылки и отправился к своей передвижной лаборатории. Оператор некоторое время шёл за ним, крупным планом снимая его широкую спину, а затем перевел камеру на собравшихся около полицейской машины людей. Толпа гудела и никак не желала расходиться, обсуждая грозное оружие и мою яхточку, невольно ставшую соучастником преступления. Я невольно улыбнулась: в глазах местного населения из нелепой медлитель-

ной лодки «Флибустьер» вдруг превратился во что-то важное, достойное первой полосы в центральных газетах. Мальчишки хлопали Микоса по плечу и быстро говорили, стреляя в сторону эксперта Марки черными глазами. Хосэ и Джон о чём-то горячо спорили, но, скорее всего, к делу это никак не относилось: Хосэ тоже оказался заядлым ковбоем, и они, вероятно, обсуждали преимущества той или иной породы лошадей.

...Темнело. Марки давно уехал назад в Энсенеду, мы же решили остаться в Сан-Филиппе еще на один день, тем более что семья Микоса никак не хотела нас отпускать без ужина. Сеньор Алехандро усадил меня, Джона и Хосэ за празднично накрытый стол. Его жена Люпэ, мать Микоса, оказалась коренистой смуглой женщиной, напомнившую мне сибирских буряток. «Из коренных, наверное, – поняла я, – Тогда ясно, откуда эти верования в бога дождя у Микоса...» Высокий и большеглазый Микос походил на отца, и по его жилам явно текла кастильская кровь конкистадоров. Был ли он католиком, или в семье следовали традициям ацтеков? Я как-то не решалась об этом спросить.

Мы пили разбавленную текилу, подслащенную ликером «Комрой» и приправленную соком лайма. Младшие сестрёнки Микоса, улыбаясь, вносили лепешки, острую сальсу с кукурузными чипсами с сыром «начос», жаренное мясо и бобы. Джон, покрасневший от выпитой текилы, вышел с Хосе покурить. Сеньора Люпэ заворачивала мясо в лепешку

для самой младшей дочки, и, казалось бы, не обращала внимания на наш разговор.

Уже битый час я всей страстью, на которую была способна, рассказывала отцу Микоса о почетной и уважаемой работе яхтенных капитанов в Америке, и доказывала, что ничего плохого из того, что Микос посмотрит мир в юном возрасте, следовать не может. Напротив, – он всегда сможет позже поступить в институт и продолжить обучение, впоследствии став капитаном круизных судов... Может быть, он, поработав на разного типа яхтах, увлечется их дизайном и захочет сам проектировать морские суда? Подошедшие Джон и Хосэ, распространяя вокруг себя горьковатый запах мексиканских сигар, стали горячо меня поддерживать, со знанием дела толкуя о зарплатах и перспективах каждой профессии.

Сеньор Алехандро стал сдаваться под нашим общим напором. Махнув рукой, он сказал Микосу:

– Хорошо, сын. Я вижу, что работу ты выбрал и вправду перспективную, хоть и необычную. Завтра мы обсудим, какие шаги будем далее предпринимать...

– Да что там обсуждать! – вмешался захмелевший Хосэ, – Пусть себе тренируется да экзамен сдает на капитана. Парню уже шестнадцать. Он у тебя через год уже может лицензию получить, да и дело в шляпе!

Мать Микоса бросила быстрый взгляд на мужа. Я её понимала. Несмотря на все радужные перспективы, дело было не таким уж и простым. И лицензия, и экзамен стоили

немалых денег. Но самое главное, – парню без тренировок на настоящем судне было не обойтись. Парусные школы стоили безумно дорого, и для самостоятельного вождения яхт необходимо было арендовать судно... Таких денег в семье не было. Если даже мой надувной каяк стоил здесь месячную зарплату рядового мексиканца, то что говорить об аренде яхт... С другой стороны, если Микос постарается и сдаст вступительные экзамены на отлично, то обучение в институте будет бесплатным... Следуя логике вещей, стоило все-таки Микосу обучаться на архитектора. Беда только в том, что мечтал-то он об островах и океанах...

Я вздохнула и решительно сказала:

– Сеньор Алехандро, сеньора Люпэ... Дело в том, что я смогу начать запланированное путешествие через океан только в апреле. Как насчет того, чтобы Микос в это время присмотрел за моей яхтой? Он, конечно, может на ней совершать выходы в море, – я напишу доверенность. Базовые уроки яхтсмена он уже брал, и для многих этого вполне достаточно, чтобы не спеша развивать свою технику судовождения. Завтра я его протестирую на предмет безопасности, но, честно говоря, я и сейчас высокого мнения о его способностях и здравомыслии...

Мать Микоса что-то быстро спросила у Хосэ, и тот ей перевёл. В повисшей тишине сеньора Люпэ громко сдвинула тарелки на столе. Приподнявшись со стула, она благодарно протянула ко мне руки, и мы крепко обнялись. За её спиной

Микос что-то лихорадочно высматривал на экране компьютера и шевелил губами. Наконец он обернулся; на его правой щеке, прямо на родимом пятне, одиноко застыла прозрачная слезинка.

–Дюже дякую, пани Дина, – сказал он по-украински, и его серьезное скуластое лицо вдруг расплылось в счастливой улыбке.

Глава одиннадцатая. Храни тебя Тлалок

Поминутно подскакивая на ухабинах и рытвинах, мы медленно ехали в сторону шоссе и высказывали свои гипотезы по поводу преступления. Я вслух прокручивала события го-

дичной давности, пытаюсь понять, каким образом ко мне в лодку попали дротики. Я вообще удивлялась, как меня саму никто пока не заподозрил в незаконном хранении запрещенного биологического оружия, и вслух высказала свои соображения по этому поводу:

– Я – русская, значит, сразу на подозрении – это раз. Только я знаю о потайных местах «Флибустьера» – это два. Неужели я до сих пор вне подозрения, господин капитан полиции?

Джон развеселился:

– Детективов начиталась, да? Во-первых, русские в эти американо-мексиканские дела не лезут, себе дороже. Во-вторых... Впрочем, мне нравится ход твоей мысли... Кто был на «Флибустьере» из малознакомых тебе личностей?

– Хм, – почесала я переносицу, – Ну, репортёры были, я интервью давала для журналов и газет. Так что в принципе интерьер «Флибустьера» видели многие, а я рассказала в интервью о том, как и где я храню столько продуктов и вещей... Дейв в качестве рекламы «ветряк» на него поставил, и мы несколько раз в регате участвовали – от Морро Бэя до Авилы. Ну, конечно, «Флибустьер» получил приз зрительских симпатий, а я получила приз за самую маленькую яхту, участвующую в такого рода гонках. Рекламу «ветряка» до сих пор по телеку крутят, в программах для рыболовов-любителей...

– Да ты – знаменитость, оказывается... – присвистнул

Джон

– Ага, в узких кругах. Только это не я, а «Флибустьер». Он у меня фотогеничный...

– Помнишь, кому интервью давала?

– Сережка знает. Он все статьи про «Флибустьера» собирает, ламинирует и на стенку в летней комнате вешает, рядом с картой мира. Говорит, что это у нас «Уголок славы»...

Про то, что зимой «Флибустьер» стоял в гараже у Дейва, я решила пока не рассказывать. Замучают хорошего человека вопросами и подозрениями почём зря... Грунтовая дорога закончилась, и мы наконец-то двинулись по Первому Мексиканскому Хайвею. Невысокие и пологие холмы монотонно сменяли друг дружку. Лишь изредка высокие кактусы, как часовые на посту, охраняли их вершины. Я вдруг вспомнила двух путников с якорной стоянки Кохо и сказала:

– Джон... Наверное, это не важно, но мне сейчас кажется, что за мной могли следить еще с мыса Концепшн. Я там видела двух странных туристов. Мне кажется, что они были мексиканцами... Я точно не знаю...

Джон смешно сморщил нос и прогнусавил:

– Дина, пока всё, что тебе чудится или там кажется оказывается довольно ценной информацией... Я думаю, что на этой волне могу не только благодарность от начальства, но и повышение получить, так что давай, рассказывай...

– Повышение – это хорошо. Только рассказывать нечего, я уже всё рассказала. Двое мужиков с налобными фонари-

ками оказались на холмах около мыса. Я вначале подумала, что они с разбившейся яхты, – ну, там парусная яхты была на берегу, явно выброшена волнами. Я хотела им помощь предложить. Но они не были похожи на потерпевших кораблекрушение. Они стояли на холме и смотрели на меня и «Флибустьера» в бинокль, когда мы шли в сторону острова Сан-Мигель.

– А что там рядом с мысом Консепшн, какие города?

– Так в том-то и дело, что никаких, кроме Ломпока... Там база военная да фермы...

Джон внимательно посмотрел на меня. Тут и до меня дошло, и я ойкнула. Джон спросил в подтверждение:

– Венденберг?

– Ага... Венденберг.

Я виновато покосилась на Джона, но он уже говорил по телефону, сообщая следователям последние данные. Нажав на кнопку громкой связи, он ласково, как к психическому пациенту, снова обратился ко мне:

– Еще что-то помнишь, Дин?

– Щас... Накануне, около девяти утра мы с «Флибустьером» проходили мимо этой базы. Мексиканец или кто-то с похожим акцентом был на лодке в районе этой базы, когда военные начали закрывать какой-то квадрат М для учений. Я его не видела, но слышала по рации. Он не реагировал на их просьбу покинуть квадрат, и военные послали вертолет. Я еще подумала, что он или спит, или не понимает по-ан-

глийски, или вообще не знаком с правилами. Еще там был американец, который по радиации дал свои координаты, чтобы его имели в виду и случайно в него не попали. Я его тоже не видела, только слышала на шестнадцатой частоте. Это всё.

Трубка меня поблагодарила мужским голосом, и Джон, закончив беседу по телефону, объяснил:

– Будут смотреть видеозапись и попробуют вычислить мексиканца. По лодке, по лицу... В мексиканской картотеке полиции пока не нашли никого по тем отпечаткам пальцев, что Марки снял. Может, сейчас нам больше повезёт...

Мы помолчали. Я вновь уставилась в окно. Холмы сменились более живописным предгорным рельефом, стали появляться деревья. Мы спускались в каньон, и мелкий гравий стал то и дело выстреливать из-под колёс. Джон медленно сбросил скорость, и мы аккуратно въехали на небольшой мост перед крутым поворотом.

– А Дейв, это кто? – спросил он неожиданно.

– Мой очень хороший друг. Мы же с ним на Санта-Каталине встречаемся, у него яхта. Он Сережку и Марину с собаками привезет. Может, и Алёша приедет. По крайней мере, я очень на это надеюсь...

– Он тоже – демократ?

– Не знаю... Мы с ним о политике не говорили никогда...

– А о чем вы говорите?

– Ну, о разном... О ветрах, о мечтах. О книжках...

Джон помолчал. Я скинула кроссовки и поджимала под

себя ноги, устраиваясь поудобнее. Он взял с заднего сидения одеяло и стал меня укрывать:

– Спи давай. Я весь день дрых после этой текилы, а вечером кофе пил с пирожными. Какие же все-таки вкусные в Мексике пирожные! – Джон пощелкал языком.

– Это верно, – согласилась я, вспомнив воздушные эклеры. Ужасно захотелось сладкого, и я пошарила в пластиковом пакете, который нам сунула в дорогу сеньора Люпэ. Отыскав два слоеных язычка с кремом, я отдала один Джону.

– Дин, – сказал он, роняя масляные крошки на свои фирменные брюки. – А почему бы тебе не остаться в Санта-Барбаре? Переводи себе статьи на пляже, загорай. А на выходных на лошадях поедем. Хочешь – на Санта-Каталине, хочешь – по горам. Там такая красота! Тебе понравится...

Я покосилась на Джона. Мне хотелось отшутиться, сказав что-нибудь по поводу нашего политического конфронтизма, но не стала. В конце концов, мы стали большими друзьями. Я сказала:

– Спасибо, Джон, но не получится. У меня длинная дорога впереди, и я не знаю, куда она ведет, но уже точно не в Санта-Барбару. И потом, море у вас холодное, а в городе жарко, тесно и дорого...

Я хотела отшутиться, но не получилось. Вышло очень витиевато и неконкретно, словно я была бы не прочь закрутить роман с Джоном, но только не в Санта-Барбаре. Но Джон не обиделся и всё правильно понял, но на всякий случай сказал:

– Эх ты, морской скиталец... Если все же надумаешь осесть тут – всегда пожалуйста. Мой дом для тебя открыт. Ми каса – су каса²¹. Помни об этом, ладно?

– Буду помнить, – твердо пообещала я и закрыла глаза.

Мне стало немного грустно. Путешествуя, мы оставляем позади себя случайные знакомства и крепкую дружбу, навеки вбирая в себя рассказы о жизни наших попутчиков. Кто знает, – останься я в Санта-Барбаре, и моя жизнь может навеки измениться. Я еще вполне могу обзавестись мужем и даже родить ему парочку крикливых мальчишек или девчонок. Но нет, у меня уже есть семья: мои родители, мои дети и будущие внуки. К тому же меня, словно магнитом, так и тянет в дорогу, всё дальше и дальше, в другие океаны и острова. Мне до внуков столько еще надо успеть: совершить океанское путешествие, посадить фруктовые деревья и построить во дворе дома детскую площадку для малышей. А больше всего на свете меня сейчас тянет возвратиться в Ялту – пусть совсем ненадолго, на месяц или два, но всё же домой. Наверное, даже у самого заядлого морского бродяги обязательно есть порт, который он называет свои домом.

Засыпая на пассажирском сидении, я прокручивала в голове недавние события в Сан-Филипе. После нашего знаменательного ужина Джон отправился ночевать к Хосэ. На следующий день, взяв выходной, они вдвоём отправились на экскурсию по местным холмам – разумеется, верхом на ло-

---

²¹ Мой дом – это твой дом (исп.)

шадях. Мы с Микосом отправились по берегу из Сан-Филипе в соседнюю бухту, где стоял «Флибустьер». Жители деревушки выглядели из окон и приветливо кивали, узнавая в нас виновников вчерашних событий. С крутого холма спускались козы, растянувшись в линию и ступая вслед друг другу по каменистой осыпи. Дребезжа, раскачивался колокольчик на шее у крупной козы с выменем, полным молока. К девяти часам мы наконец-то добрались до «Флибустьера» и вместе починили отсеки плавучести, залив узкие пеналы жидкой пеной. Волнуясь, Микос выбрал якорь и, подняв парус, направил яхточку к Сан-Филипе. По дороге мы выполнили все базовые элементы судовождения, и я смогла вздохнуть с облегчением: Микос и вправду был настроен очень серьезно. Он мог без ошибки ответить, какие сигналы надо подавать в тумане и при прохождении слепых поворотов судоводного канала, как правильно расходиться с яхтами, рыболовными баркасами и сухогрузами... В Сан-Филипе мы встали на охраняемую стоянку и, заплатив в кассе за полгода, уселись на песке – ждать, когда подъедет Джон. Я косилась на охранника в серой камуфляжной форме с автоматом, всё еще до конца не веря в наличие у него настоящего оружия. В конце концов, это же не военная база... Я морщила лоб, пытаюсь вспомнить, как охраняются санатории в Крыму – с автоматами или без? Должно быть, десять лет в Америке заставляют меня ко многому относиться по-другому. Микос расспрашивал меня о Ялте, и я говорила ему, что это – мой дом,

куда я всегда буду возвращаться. Он согласно кивал: ему даже странно было подумать, что он может покинуть Мексику насовсем, затерявшись среди островов в чужих странах. Он твердо верил, что, вернувшись назад, он будет окружен жителями города, и они устроят в честь его прибытия фиесту и потребуют подробных рассказов о его путешествиях по океанам. Его совсем не пугал тот факт, что он был первым из своего штата, решившийся стать капитаном. Он говорил:

– Моя мать – из племени Запотеков. Мы верим в бога дождя Тлалока, в Змея-птицу и других богов. Мы просто смотрим на приливы и отливы, на деревья, птиц, землю и животных, и ждем знак. Вот смотри – опять идут козы... Козы петляют по холму, глядя себе под ноги и щипля траву. Бывает, они даже срываются с обрыва, потому что тянутся за более сочным листом у самого края. Иногда козы съедают всю траву, и тогда козы и люди просят Тлалока дать дождя, чтобы склоны холма снова зазеленели. Тогда у коз снова будет молоко, а у людей будет сыр. Но иногда одна или две козы убегают от стада, и пастух их находит на другом склоне холма, – там, где еще много сочной травы... Если стадо так слепо, что боится пройти на другой холм, и лишь одна или две козы решаются на поиски, – что ж, пастух отпускает этих коз на поиски, а сам ведет за ними стадо. Так лучше для всех: и для коз, и для людей. Иногда люди – как козы... Вот и я пойду первым, и бог Тлалок будет хранить меня, а другие люди потянутся за мной. Бог Тлалока защищает и тебя, ведь

ты – часть нашей семьи. Я видел, как мать молилась за тебя утром...

...Джон разбудил меня на границе Мексика-США в Мехикале. Показав паспорта на пограничном контроле, мы поменялись местами, и Джон, по-детски приоткрыв рот, заснул на пассажирском сидении. Шины мерно шуршали по темному асфальту Калифорнии, океан накатывал длинными волнами на берег, и моё сердце радостно пело от предвкушения встречи с моей семьей... Сережка мне сказал, что меня ждет сюрприз! Что ж, посмотрим, что они там мне приготовили!

Пообещав друг другу держать связь, мы с Джоном с сожалением расстались в Лос Анджелесе. Подписав еще одно свидетельское показание, я, наконец, села на теплоход, идущий до острова Санта-Каталина. Даже с причала было видно, что остров словно накрыло небесным колпаком: облако висело прямо над островом, и из него вертикально вниз уходили струи дождя. Теплоход, набирая скорость, приглашал пассажиров посетить бар – ресторан на нижней палубе, но закутанные в штормовки мужчины и женщины все смотрели на тучу и серую стену дождя на фоне безоблачного синего неба.

– Хорошо! – говорили пассажиры, вглядываясь в остров, – Ведь целых полгода не было ни капли! Сразу же все зазеленеет! Трава появится!

– А что, там козы пасутся? – спросила я у грузной улыбчивой женщины, стоящей рядом со мной

– Нет, какие козы! Там бизоны!

– Бизоны?– ошалело переспросила я. – Это большие такие?

– Огромные! – женщина гордо закивала головой, словно это были её собственные бизоны. Её спутник – пожилой мужчина с седой бородой, которого я мысленно окрестила «дед», тоже закивал и улыбнулся, показав плохие зубы.

Через полтора часа мы подходили к причалу острова. Дождь почти перестал, и в небе повисла яркая радуга. Слепленная её разноцветьем, я не сразу заметила крутобокий корабль, стремительно приближающийся к нам. Темно-красные паруса, поддерживаемые деревянным гафельным вооружением, просвечивали под солнцем. Это был кеч, – один из тех, «под старину», что смотрятся как большие корабли из прошлых веков. Кеч подошёл так близко, что можно было различить бронзовые иллюминаторы кают. Несколько человек на палубе стали приветственно махать руками. Их радостные крики перемешивались с собачьим лаем. Грузная улыбчивая женщина со своим спутником оживленно замахали руками. Какие милые, веселые люди, – подумала я и тоже помахала рукой в сторону корабля. Раздался трубный сигнал противотуманного горна. Я застыла с поднятой рукой. Снова и снова трубил горн. Красавец-кеч гордо рассекал океанскую волну под стакселем, кливером, топселем, гафом и бизанью, а на его борту приплясывала и улюлюкала вся моя веселая семейка! Алёша и Сережка с Мариной взяли в плотное коль-

цо моих родителей и показывали на них руками! Мама и папа – здесь? Так вот о каком сюрпризе говорил Сережка! Мои родители, какие-то совсем низенькие по сравнению со своими внуками, держались за поручни и что-то приветственно кричали. Альма и Мишка радостно носились по палубе и путались у всех под ногами. На капитанском мостике за старинным штурвалом стоял Дейв, а за его спиной крутились лопасти двух ветряных установок...

На борту нашего теплохода пассажиры схватились за фотоаппараты и камеры. «Дуль-си-не-я», – по-слогам прочитала грузная улыбчивая женщина, а дед удовлетворенно побрякивал: «Ты смотри! На всех парусах!» Я, не в силах отвести глаза от палубы корабля, всё махала и махала «Дульсинее» рукой, счастливо смеясь.

Эпилог

Прошло два года. За это время многое успело измениться. Джон, к примеру, все-таки получил своё повышение по службе. Он, к счастью, и не думал дуться по поводу того, что я отказалась от его недвусмысленного предложения погостить у него в Санта-Барбаре. Мы все же остались добрыми друзьями и неоднократно дружной компанией катались на его лошадах. Он рассказывал нам о том, как продвигается следствие по делу краденых дротиков. Как оказалось, эксперт Марки был прав: «Флибустьер» был поставлен на трей-

лер в Санта-Барбаре, закрыт брезентом «от солнца» и доставлен в Мексику через пограничный город Мехикали. Это дело картель провернула в основном при помощи пары мексиканцев, работающих уборщиками на военной базе, и их коррумпированного американского начальства. Оружие было положено в «Флибустьер» еще в Авиле, когда я была в больнице из-за ножевого ранения. Именно тогда прошла реклама ветряков и были опубликованы интервью с моими обещания совершить путешествие в Мексику во время ежегодной международной парусной регаты из Сан-Диего в мексиканский порт Кабо Сан Лукас. Видимо, кому-то в голову пришла гениальная мысль таким образом транспортировать дробинки, – яхты во время международной регаты никто никогда не проверяет. Да вот только я снова попала в больницу с осложнением, и моё участие в регате не состоялось. Сам же «Флибустьер» с миллионным грузом, спрятанный в гараже Дейва, вообще, очевидно, исчез с поля зрения контрабандистов... Могу себе представить, что они пережили, когда через год «Флибустьер», как ни в чем не бывало, начал свое похождение на юг... Штормовая погода, очевидно, помешала контрабандистам вернуть свой груз в районе мыса Концепшн или на пустынном острове Сан-Мигель. Страшно представить, чем могло бы всё закончиться, если бы они добрались до меня тогда на Сан-Мигеле, – мои шансы на выживание в ледяных водах безлюдного острова были бы равны нулю...

«Флибустьер», совершив почетный круг по Тихому оке-

ану через Маркизские острова, встретился с «Дульсинеей» у Панамского канала. Впереди нас лежали заманчивые Карибские острова. Там мы планировали встретить моих сыновей, а также семью Игоря, которая летела из заснеженной Москвы на свою яхту «Звезда Востока»... Микос закончил курсы капитанов и успешно нанимался на работу на американские яхты, – на «Флибустьере» он научился отлично и тонко настраивать паруса, избегая тратить драгоценный бензин и выжимая из парусов последний полуузел. По привычке жалея и большие суда, он отсиживался в бухтах при противном ветре, легко набирая упущенное время при попутном ветре в любое время суток. Его полюбили за бережное отношение как к экипажу, так и яхтам, которые, в не зависимости от их размера и формы, он ласково называл «красавицами». Он получал отличные рекомендации и со временем стал капитаном дальнего плавания, ежегодно совершая путешествия к островам и архипелагам Тихого океана. Меня по-прежнему манило Черное море, и его заветные бухты и заливы были исследованы мною в составе байдарочной флотилии... Впрочем, это – совершенно отдельная, черноморская, история...

Конец

Калифорния, США – Баха Калифония, Мексика
Август-декабрь 2013

Словарь морских терминов, встречающихся в книге

Бак – передняя (носовая) часть палубы.

Бакштаг – курс парусного судна, при котором ветер дует сзади и сбоку, под углом около 140° от носа корабля.

Бизань (парус) – обычно косо́й парус на задней мачте (бизань-мачте)

Бум – рангоутное дерево для растягивания нижней шкаторины паруса внизу мачты. Может крепиться передним концом к мачте (например, для грота или гафеля), или заходить передним концом за мачту (например, люгерный парус).

Ватерлиния – линия на борту судна, показывающая, где по проекту должна быть вода, когда судно находится на плаву. Незагруженное судно обычно сидит выше ватерлинии, перегруженное – ниже (глубже в воде).

Гафельный парус (гафель) – косо́й парус в форму неправильной трапеции, растянутый сверху реем, снизу, как правило, бумом. Передняя шкаторина крепится к мачте. Сверху гафеля иногда ставится топсель (как правило, на отдельной топ-мачте).

Геннакер – большой ассиметричный парус, по форме между спинакером (парашютом) и генуей. Ставится при легком попутном ветре на курсе бакштаг.

Генуя – косо́й передний парус, который заходит далеко за мачту, иногда перекрывая половину грота. Ставится при легком и среднем ветре.

Грот – как правило, основной треугольный парус, крепящаяся передней шкаториной к мачте, а нижней шкаториной – к буму

Кеч – двухмачтовое парусное судно, у которого передняя мачта (грот-мачта) намного выше задней мачты (бизань-мачты)

Кливер – передний косо́й парус (ближе к мачте, чем стаксель)

Кокпит – открытое место для обзора и управления яхтой, обычно со значительным углублением в палубе для удобного положения ног и местом для сидения, а также с достаточной глубиной для того, чтобы встать в полный рост, не задевая бум (паруса). Может быть в корме и (или) в центре, но обычно рядом со штурвалом или румпелем. На супер маленьких яхтах типа капсулы кокпит отсутствует, и обзор и управление осуществляется из кабины. Таким образом, шкипер всегда в сухости и тепле. Кокпит «Флибустьера» не имеет логического основания, за исключением придания «яхтенного» вида маленькой лодке и необходимость быть «снаружи, на природе».

Лавировка – идти против ветра зигзагами

Лаг – борт. Идти лагом к волне – принимать волны бортом, – очень некомфортное, а, главное, опасное для лодки

положение.

Линь – веревка

Люгер (люгерный парус) – косой, в форме неправильной трапеции, парус. В отличие от гафеля, передняя шкаторина люгера заходит за мачту. В зависимости от типа люгера, может крепиться к мачте при помощи ряда коротких линьков или висеть свободно; может быть плоским парусом с поперечными жесткими «латами» наподобие китайской джонки или иметь «пузо».

Марина – охраняемое место для стоянки судов; как правило, с обеспечением водой, электричеством, душевыми и туалетными кабинками, а также услугами яхтенного сервиса и небольшими магазинами.

Найтовать – привязывать

Осадка – наибольшая глубина подводной части судна, измеренная от ватерлинии вертикально вниз

Рангоут – совокупность мачт, реев, бушприта и т.д. для установки парусов. Как правило, выполняется из дерева (редко в настоящее время), алюминия и композитных материалов высоких технологий.

Реек (ярд) – косое рангоутное дерево для растягивания и поддержания верхнего косоугольного конца люгера, гафеля и подобных парусов.

Румпель – горизонтальное подвижное дерево, крепящееся к перу руля для управления лодкой или яхтой. На судах более десяти метров длиной обычно не используется, –

вместо румпеля устанавливается рулевое колесо- штурвал- с гидравлическим управлением.

Скег – плавник на дне лодки на придания продольной жесткости, что помогает лодке двигаться под углом к течению и ветру

Стаксель – самый передний косой парус

Стрингера – продольные брусья лодки, идущие параллельно килю вверх и соединяющие шпангоуты

Тендер – небольшая плоскодонная лодка, при помощи которой экипаж яхты добирается до берега для осмотра достопримечательностей и пополнения запасов провизии для дальнейшего путешествия. В зависимости от приливов и отливов, погоды, характера дна и размеров яхты якорная стоянка может быть на расстоянии от нескольких метров до нескольких километрах от берега, поэтому тендер на современных яхтах обычно оборудован подвесным мотором. Может быть жестким (шлюпка), полужестким и надувным. На малых судах иногда используются узкие байдарки, которые удобно хранить «на боку», но в них мало места для транспортировки провизии.

Топсель- верхний косой парус на грот-мачте кеча.

Транец – плоская кормовая оконечность судна

Трюм – место над килем и под нижним деком («полом») яхты, ниже уровня ватерлинии (уровня воды). В случае протекающих межпалубных пространств, труб, и т.д. именно в трюмах скапливается вода. В зависимости от проекта под-

водной части судна, трюм может нулевым, мелким и глубоким. В трюмах обычно установлен автоматический насос. На маленьких лодках типа «Флибустьера» трюмы используются для хранения воды, которая также является частью балласта. В этом случае использованная пресная вода должна быть замещена морской водой для сохранения веса балласта.

Фальшборт – продолжения борта над палубой

Шкаторина – кромка паруса

Шкоты – верёвки для управления парусом

Шпангоуты – поперечные «рёбра» лодки; вместе с килем и стрингерами создают «скелет» лодки, на который крепится обшивка